ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ГАЛИЕВ
Михаил Сергеевич

КАТЕГОРИЯ «ПРАВО НА ЗАЩИТУ»: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Специальность 12.00.01 - Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель -
доктор юридических наук, доцент,
Пучков Олег Александрович

Екатеринбург – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА I
ПРАВО НА ЗАЩИТУ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

§ 1. Истоки и становление конструкции права
на защиту в континентальной традиции права 22
§ 2. Право на защиту в системе
российского законодательства X – XVIII вв.... 61
§ 3. Обеспечение права на защиту в период
реформирования судебной системы России
(вторая половина XIX – начало XX вв.)..... 99
§ 4. Право на защиту в советском законодательстве..... 119

ГЛАВА II
ПРАВО НА ЗАЩИТУ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ В ПОНЯТИЙНОМ РЯДУ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

§ 1. Право на защиту как общеправовая категория:
философско-правовые подходы..... 151
§ 2. Правовой принцип права на защиту:
теоретико-прикладные грани 172
§ 3. Осуществление права на защиту через право
индивида на суд как единичное начало 196
§ 4. Проблемы реализации права на защиту
как правовой категории уникального характера..... 213

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 236

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 246

ПРИЛОЖЕНИЕ..... 279

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования. Вопросы состояния защищенности прав и свобод личности в государственно-правовой действительности, в эпоху новых стратегических задач, в условиях формирования в Российской Федерации информационного общества, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан, представляют собой аксиологическую сердцевину в выстраивании отношений между личностью, обществом и государством.

Уровень защищенности прав и свобод личности определяет социальный климат в правовом государстве. Гарантированность, соблюдение и защита прав и свобод человека со стороны государства представляет собой обязанность последнего, содержание которой сводится к существованию системы государственных органов, в том числе осуществляющих правосудие. В условиях постоянного реформирования функции по защите системы прав и свобод человека возлагались на различные государственные органы (административные, церковные, правоохранительные, военные), что привело Россию к необходимости построения новой модели, позволяющей реализовать право на защиту в современных условиях государственно-правового развития.

Теория государства и права видит свое предназначение не только в том, чтобы глубоко понимать закономерности развития и функционирования государственно-правовых явлений, но и в том, чтобы дать в руки юристов современные инструменты юридической деятельности, среди которых одним из самых эффективных является метод понятийно-категориальной работы, при котором происходит, с одной стороны, введение в тезаурус юриспруденции новых понятий о праве и государстве, обусловленных общественным развитием, а с другой стороны, осуществляется уточнение и

обновление базовых, фундаментальных категорий юриспруденции, к которым относится категория «право на защиту».

Право на защиту, развивавшееся постепенно, но признанное неотъемлемым правом человека уже в конституциях первого поколения, приобрело в современную эпоху целый ряд новых аспектов, к числу которых относятся и новые риски, и новые возможности, связанные с особенностями постиндустриального общества (новейшие права и новейшие угрозы правам, электронное правосудие, возможности защиты прав в межгосударственных органах). В связи с этим, современная эпоха общественной и правовой жизни приводят к необходимости определения права на защиту как правовой категории в теории права, основанной на анализе исторической ретроспективе, современном правопонимании и реализации государственно-правовых институтов как характеристики правовой действительности, позволяющих сформулировать выводы и суждения о необходимости сохранения аксиологических подходов к пониманию и реализации права на защиту в новой государственно-правовой реальности, особенно актуально в эпоху формирования информационного общества и информационного государства, в котором активным и возможно уязвимым участником становится личность.

Научный анализ категорий юриспруденции - жизненно важная потребность для совершенствования понятийного мышления современного юриста через обновление категориального аппарата правоведения.

Все это, в конечном счете, обусловлено новыми тенденциями и явлениями в общественной и правовой жизни, настоятельными запросами юридической практики и поэтому свидетельствуют о необходимости трансформации юридических категорий, исходя из их общенаучной значимости.

Право на защиту как правовая категория представляет собой основу для правового регулирования общественной жизни, имеющую динамичный

характер в правовой реальности и правовой действительности, включая новые представления о праве. Право на защиту выступает одним из условий демократического развития правового государства, основанного на приоритете и охране прав и свобод человека, играет важную роль в построении законодательства, правоприменительной действительности. Представляя собой правовую ценность, позволяющую осуществлять восстановление нарушенных прав и свобод и оставаясь центральным институтом правового пространства институт защиты оказывает и обеспечивает охрану прав и свобод человека и гражданина.

Особенность теоретического осмысления права на защиту в теории государства и права выражается в выявлении тенденций современного его понимания. Первый подход понимания права на защиту определяет его как общеправовую идею, имеющую онтологическую и аксиологическую значимости в современном категориальном аппарате теории государства и права, позволяющие определить право на защиту как правовую категорию. Второй подход обусловлен универсальностью права на защиту прав и свобод личности как правовой идеи, отражающей право на защиту как принципа права в системе права и системе законодательства. Третий подход к пониманию права на защиту выражен в индивидуальном праве личности, которое позволяет воплотить правовую идею в правовую действительность, обеспечив нормальную жизнедеятельность личности.

Вместе с этим, современное понимание категории «право на защиту» позволяет утверждать, что действующее законодательство Российской Федерации практически не предусматривает правовых последствий его нарушения, как общеправовой, универсальной и индивидуальной категории в системе права. В данном случае не отвечающего требованию справедливого правосудия, развитию правового государства и обеспечению государством идеи о защите прав и свобод человека и нарушает верховенство права. В связи с этим, действия государственных органов, предпринятые и в результате

нарушившие правовую категорию, не могут признаваться реально обеспечивающими права и свободы человека и гражданина и не признают права высшей ценностью.

Все вышесказанное актуализирует исследования в данной сфере правового регулирования. В ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года отмечается, что достижение нового качества жизни для всех поколений россиян может быть обеспечено только при динамичном развитии России, а для защиты людей нужны дополнительные законодательные гарантии. Поэтому исследование права на защиту как правовой категории является необходимым для понимания взаимодействия государства, гражданского общества и каждой отдельной личности на современном этапе развития Российской Федерации.

Степень разработанности исследования и теоретическая основа диссертационного исследования. Теоретической основой исследования права на защиту послужили труды ученых в области теории и истории государства и права: М.И. Абдулаева, С.С. Алексеева, Л.Б. Алексеевой, М.О. Акишина, К.А. Алакпарова, С.В. Бошно, А.В. Васильева, А.М. Васильев, А.Д. Горских, Н.Н. Ефремовой, В.Д. Зорькина, И.А. Исаева, С.В. Кодан, К.П. Краковского, Ю.К. Краснова, С.А. Комарова, В.В. Лазарев, Л.Е. Лаптевой, И.Л. Лезова, С.Ю. Марочкина, Т.Л. Мигуновой, А.В. Малько, А.Г. Манькова, Н.И. Матузова, В.С. Нерсесянца, М.В. Немытиной, К.П. Победоносцева, В.Д. Перевалова, О.А. Пучкова, С.П. Сальникова, А.С. Смыкалина, Л.А. Судоловой, Н.Н. Тарасова, О.И. Чистяковой, С.В. Фролова, О.И. Цыбулевской, А.С. Шабурова, С.М. Шахрая, В.Б. Шевчука, В.Л. Янина и др.

Исследованию права на защиту как общеправового и межотраслевого принципа, основанного на сущности и значимости принципов права в теории права, их роли в правовой системе, посвящены научные работы С.В. Бошно, А.М. Васильева, В.В. Лазарева, Г.А. Мальцева, Н.И. Матузова, А.В. Малько,

В.С. Нерсесянца и др. Вопросы о взаимосвязи права на защиту с другими принципами права рассмотрены в работах В.М. Корельского, В.Д. Перевалова, Э.В. Кузнецова, В.П. Сальникова, С.Ю. Марочкина, Д.А. Липинского, А.Ф. Ефремова и др.

Теоретико-правовое исследование права на защиту нашло отражение в работах М.И. Абдулаева, С.В. Бошно, А.М. Васильева, Д.А. Липинского, А.В. Малько, Н.И. Матузова, А.В. Поповой и др.

В историко-правовом аспекте право на защиту рассматривалось М.О. Акишиным, К.А. Алакпаровым, А.Д. Горских, Н.Н. Ефремовой, С.В. Коданом, К.П. Краковским, Ю.К. Красновым, Л.Е. Лаптевой, И.Л. Лезовым, Т.Л. Мигуновой, С.Ю. Марочкиным, А.Г. Маньковым, М.В. Немытиной, О.А. Пучковым, К.П. Победоносцевым, С.П. Сальниковым, А.С. Смыкалиным, Л.А. Судоловой, Н.Н. Тарасовым, О.И. Чистяковой, С.В. Фроловым, А.С. Шабуровым, С.М. Шахраем, В.Б. Шевчуком, В.Л. Яниным и др.

Вопросы правового закрепления права на защиту в современной России становятся предметом исследований А.Ф. Абдулвалиева, Л.А. Грось, С.Л. Дегтярева, Т.П. Ерохиной, Г.А. Жилина, С.К. Загайновой, Е.В. Кузнецовой, Е.Г. Ларина, Ю.К. Осипова, М.Ю. Порохова, О.Б. Порцевой, Е.Г. Пушкаря, Т.В. Сахновой, Л.А. Тереховой, С.И. Федорова, И.М. Шевченко, С.Н. Семенова, В.В. Яркова и др. в различных отраслях права.

Теоретико-правовой аспект и правоприменение права на защиту является предметом исследования научных работ следующих ученых в области права: Д.Б. Абушенко, В.С. Белых, Е.А. Борисова, Е.В. Вавилин, Е.В. Васьковский, М.А. Викут, А.А. Власов, В.М. Гордон, А. Гольмстен, Л.А. Грось, С.Л. Дегтярев, А.А. Демичев, С.К. Загайнова, А.В. Зарицкий, Н.Д. Эриашвили, Т.П. Ерохина, Н.Г. Елисеев Г.А. Жилин, В.М. Жуйков, В.В. Комаров, Е.В. Кузнецова, А.А. Любавин, Е.А. Нефедьев, Ю.К. Осипов,

Г.Л. Осокина, И.А. Приходько, И.В. Решетникова, Т.В. Сахнова, С.Н. Семенов, Л.А. Терехова, М.К. Треушников, Л.В. Туманова, В.А. Устюжанинов, Г.Д. Улетова, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот, А.В. Цихоцкий, М.С. Шакарян, В.М. Шерстюк, А.В. Юдин, М.К. Юков, Т.М. Яблочков, В.В. Ярков и др.

Вместе с этим, необходимо отметить отсутствие в юридической литературе работ, дающих исчерпывающее и единое представление о правовом регулировании права на защиту в России, его зарождении и развитии, современном правопонимании и применении как правовой категории. Представленная диссертационная работа является одной из первых в юридической науке теоретико- и историко-правовым исследованием права на защиту как категории в теории права, позволяющим сформулировать выводы и суждения о необходимости сохранения аксиологических подходов к пониманию и применению защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина в условиях реформирования системы законодательства Российской Федерации.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, отражающие процессы и закономерности возникновения и развития права на защиту как правовой категории по защите и охране системы прав и свобод человека и гражданина, основанного на аксиологической оценке данного правового явления.

Предметом настоящей работы являются нормы права, регулирующие право на защиту как категорию, отражающие современный уровень знаний об общих закономерностях возникновения, развития и функционирования защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина в теории и истории права в его генезисе.

Цель диссертационного исследования состоит в получении новых данных о доктрине права на защиту, выявлении тенденций современного понимания категории «право на защиту», а также в выработке теоретических

и практических выводов, предложений и рекомендаций использования категории «права на защиту» в действующем законодательстве современной России для упрочения правового государства в современной России, и обеспечения охраны прав и свобод человека, и гражданина.

Поставленная цель достигается в ходе решения следующих **исследовательских задач**:

- *раскрыть* истоки и становление конструкции права на защиту в континентальной традиции права;
- *охарактеризовать* историко-правовое закрепления права на защиту в истории российской государственности в X-XVIII вв.;
- *проанализировать* право на защиту в период реформирования судебной системы России (вторая половина XIX-начало XX вв.);
- *дать правовую характеристику* советскому законодательству, регламентирующему право на защиту;
- *раскрыть* право на защиту как общеправовую идею, выраженную в правовой категории;
- *определить* право на защиту в качестве универсальной правовой идеи, отражающей его как основополагающий принцип развития системы законодательства Российской Федерации;
- *выявить* единичность права на защиту как правовой категории через призму прав индивида, которое обеспечивает защиту прав и свобод личности в государственно-правовом развитии общества и государства;
- *определить* необходимость сохранения идейных начал и аксиологической значимости права на защиту как правовой идеи в условиях реформирования системы законодательства Российской Федерации.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет определить право на защиту как общеправовую, универсальную и индивидуальную идею, выражающуюся в современном правовом понимании в категориально-правовом аппарате юриспруденции, обосновать

исторические особенности развития и становления права на защиту в России X - XXI вв. Положения и выводы диссертационного исследования позволяют уточнить, а в некоторых случаях и пересмотреть современные оценки реализации права на защиту как правовой категории в современной российской науке. При этом, сформулированные теоретические положения и выводы развивают и дополняют следующие разделы учебных и научных дисциплин:

- Теория государства и права: принципы права, классификация принципов права, система прав и свобод человека и гражданина, право и личность, правотворчество и законодательство;

- История государства и права России: государство и право в период Древнерусского государства и феодальной раздробленности на территории Руси (X - XV), Московского государства (XV - XVII вв.), Российской империи в XVIII - начале XX вв., Советского Союза и постсоветский период государство и право (1917 г. - настоящее время);

- Конституционное право: гуманистические основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, конституционные гарантии прав и свобод, принципы судебной власти;

- Гражданский, арбитражный, уголовный, конституционный и административный процессы: право на обращение в суд, законный суд, компетенция судов, содержание права на защиту, правила подсудности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что теоретические положения и выводы могут быть использованы в законотворческом процессе; при подготовке нормативных правовых актов; в реформировании и развитии судебной системы; в научно-исследовательской деятельности при анализе современного состояния права на защиту, отдельных аспектов и гарантий его реализации; при подготовке и проведении лекционных и практических занятий по теории государства и права, истории отечественного государства и права, конституционному праву, гражданскому

процессу, арбитражному процессу, уголовному процессу; при подготовке и проведении различных спецкурсов по направлениям подготовки 40.03.01 Юриспруденция, 40.04.01 Юриспруденция, 40.06.01 Юриспруденция, 38.03.04 Государственное и муниципальное управление, 38.04.04 Государственное и муниципальное управление, специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 Правоохранительная деятельность, 40.05.03 Судебная экспертиза, 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность, 38.05.01 Экономическая безопасность, 38.05.02 Таможенное дело.

Сделанные автором выводы и предложенное понимание «права на защиту» позволяет дать современную трактовку и сущность этого правового явления, а также скорректировать поведение субъектов права в современной юридической действительности, реализующих право на защиту. Кроме того, понимание правовой категории «право на защиту» позволяет устранить недостатки законодательства Российской Федерации, связанные с обеспечением права на защиту личности.

Научную новизну диссертационного исследования составляет обоснование современного понимания категории «право на защиту» как общеправовой, универсальной и единичной правовой идеи в теории права, выявлены ее доктринальные, законодательные и правоприменительные основания широкого использования в современной юридической науке.

В процессе исследования получены следующие результаты, представляющие научную новизну:

- *определены* основания возникновения и этапы развития права на защиту как процесса, отражающего отношения и закономерности в государственно-правовой действительности;

- *проанализировано* право на защиту, как общеправовая идея, основанная на приоритете охраны прав и свобод человека, в целом в праве и в отдельных его отраслях;

- *доказано*, что право на защиту является универсальной правовой идеей, представляющей собой правовой принцип права, который выступает фундаментом для построения системы законодательства и служит для правоприменительной деятельности;

- *проведен* анализ правового регулирования права на защиту на современном этапе государственно-правового развития России как единичной правовой идеи, выраженной в праве личности и позволяющей определить его аксиологическую значимость для законодательства, правотворчества, правоприменения;

- *определены* особенности реализации права на защиту как единичной правовой идеи, ее роль для правоприменительной практики и выявлены правовые последствия ее несоблюдения;

- *научно обоснованы и доказаны* выводы и суждения о необходимости сохранения аксиологических подходов к пониманию и применению правовой категории права на защиту в условиях реформирования системы законодательства Российской Федерации.

Новизну диссертации обосновывают **положения, выносимые на защиту**.

1. На основе историко-правового анализа правового регулирования права на защиту в системе законодательства Российского государства, автор приходит к выводу, что первоначально данная категория была закреплена как функция государственных органов по отправлению правосудия, вызванная необходимостью обеспечения защиты и охраны прав человека и гражданина, но в процессе правовой регламентации постепенно приобретала характерные черты и признаки общеправового принципа. Тем самым, появление права на защиту как правовой категории является закономерным итогом процесса правовой регламентации механизма защиты и охраны прав и свобод человека в государственно-правовой действительности того исторического периода, представляя собой общеправовую идею для построения всего

законодательства вне зависимости от правового характера регулируемых общественных отношений.

Автор диссертационного исследования приходит к заключению, что современная юридическая наука и законодательство сохраняют правопреемственность некоторых положений, используемых в различных исторических периодах правового регулирования права на защиту.

2. В диссертации доказано, что право на защиту представляет собой общеправовую идею, имеющую онтологическую и аксиологическую значимости, позволяющие определить его как правовую категорию. В связи с этим, диссертантом сформулировано определение права на защиту как правовой категории, где право на защиту – это обусловленное естественно-правовым характером, выраженное в объективном праве и гарантированное обязанным субъектом в лице государства юридическое дозволение, выражающееся в стремлении и действиях субъекта отразить угрозу личным или общественным интересам.

3. Диссертантом выделены признаки, характеризующие право на защиту как правовую категорию, к числу которых относятся:

– универсальность, выражающаяся в том, что оно позволяет обеспечить охрану других прав и свобод человека и гражданина, выступая одним из важных составляющих элементов построения системы законодательства, поскольку отсутствие права на защиту как общеправовой идеи, обесценивает прочие положения законодательства и лишают значимой юридической гарантии;

– фундаментальность, проявляющаяся в построении законодательства, действующего на территории Российской Федерации, с целью реализации права на защиту и доступности справедливого правосудия, а также развития правового государства;

– всеобщность, означающая, что право на защиту принадлежит в равной степени и человеку, как индивиду, независимо от социальной группы, и

гражданину, независимо от принадлежности к отдельному государству, гарантируется и реализуется способами и условиями, установленными правилами поведения, закрепленными в нормативных правовых актах;

– правоприменительная значимость, подразумевающая тот факт, что в правоприменительной деятельности право на защиту представлено основным и неотчуждаемым правом человека, гарантирующим реализацию общепризнанных принципов и норм международного права, поскольку нарушение данного права позволяет признать судебные акты не обеспечивающими охрану прав и свобод.

4. Право на защиту, в современном правовом регулировании существует как декларативный принцип (атрибут абстрактного мышления) в нормах основного закона государства, гарантируется индивидам со стороны государства, содержательно существуя в практической плоскости в законодательстве страны как поименованные средства и способы его непосредственной реализации каждым, кому оно адресовано. Соответственно право на защиту представляет собой универсальную правовую идею различных норм, регулирующих общественные отношения, устанавливая не только механизм его регулирования, но и требования, соблюдение которых участникам соответствующих правоотношений прямо предписывается государством.

5. На основе теоретико-правового анализа имеющихся в юридической науке подходов к пониманию и классификации принципов права в диссертации аргументировано, что право на защиту выступает центральным элементом правового пространства страны, обеспечивающим защиту и охрану материальных и процессуальных прав, частного и публичного характера, относится к общеправовым началам и идеям построения законодательства в правовом государстве с целью обеспечения охраны гарантированных государством прав и свобод человека и гражданина.

Право на защиту следует считать одним из основополагающих принципов права, так как оно:

– является основным и неотчуждаемым правом, которое гарантируется каждому и регламентировано Конституцией РФ; предполагает охрану других прав и свобод, закрепленных в действующем законодательстве Российской Федерации;

– должно быть определено как фундаментальная категория общей теории права гарантирующее защиту и восстановление нарушенных или оспариваемых прав и свобод;

– представляет собой доктринальную основу права, выражающуюся в защите всех правовых норм во всей системе права;

– признаки, характеризующие его как общеправовую идею, отражают его сущность, определяя его как основу построения любой отрасли права и значимость в правоприменительной деятельности.

6. В диссертации доказано, что право на защиту, является принципом права и представляет собой объект государственно-правовой действительности в виде института защиты и охраны отношений, регламентированных законодателем. Поскольку, являясь абстрактным и объективным правом, право на защиту проявляется в каждом нормативном правовом акте, закрепляет начало идеи и фундамент защиты тех или иных прав и свобод. Кроме этого, правовое государство обеспечивает защиту и охрану гарантированных им прав и свобод каждому человеку и гражданину независимо от области юридических знаний, поэтому право на защиту как принцип права, является пределом обобщения как в системе права в целом, так и конкретной отрасли права. Право на защиту означает возможность субъекта защищать свои права и свободы разрешенным законом способом не только в рамках внутринационального права, но в соответствующих международных органах, поэтому выступает принципом характерным для всей правовой системы государства.

7. Диссертантом определена аксиологическая значимость права на защиту как правовой категории в теории права, которая сводится к следующему:

– право на защиту едино и неизменно, поскольку в ходе исторического развития представляет собой категорию, лежащую в основе динамики развития всей системы законодательства в частных и публичных отраслях права, представляя собой одновременно индивидуальное (единичное), особенное или универсальное и общеправовое явление, а также действует на всей территории Российской Федерации и не может быть ограниченно или приостановлено;

– оно совершенно, т.е. выражает идею некоего высшего стандарта защиты в сознании и правосознании личности, подлежащей обязательному признанию и соблюдению со стороны государства;

– жизнеспособно и объективно, так как познается интуитивно, постигается разумом и отражено в положениях Конституции РФ и во всей системе законодательства Российской Федерации;

– всеобще, поскольку принадлежит каждой личности с рождения, имея как национальное, так и международное признание, и соблюдение.

Методы и методология использованные при проведении исследования. Для решения поставленных задач в диссертационном исследовании используются следующие методы: всеобщие принципы научного познания (объективность, всесторонность, полнота и т.д.); общенаучные методы (системный анализ, метод восхождения от абстрактного к конкретному, исторический метод); частно-научные методы (формально-юридический, сравнительный методы).

Благодаря всеобщим принципам научного познания автор рассматривает основания возникновения и этапы развития права на защиту как процесса, отражающего отношения и закономерности в государственно-правовой действительности в сочетании с развитием функционирования

государственно-правовых институтов, основанный на компромиссе единства и борьбы противоположностей, сочетании общего и особенного.

Общенаучные методы позволили получить конкретные знания о праве на защиту как правовой категории в теории права, закономерностях его развития и функционирования в российской государственности. Использование системного метода позволяет рассматривать право на защиту как целое государственно-правовое явление, структурно и функционально обусловленное многообразными факторами общественной жизни. Метод восхождения от абстрактного к конкретному позволил познать право на защиту в современном понимании, ее месту в правовой доктрине и выполняемой роли в правовой науке и практике. Диссертант рассмотрел право на защиту как общеправовую, универсальную и единичную идеи.

Исторический и сравнительный методы расширяют диапазон исследования на основе сопоставления исторической и правоприменительной практик правового регулирования права на защиту и позволяют выявить этапы становления и развития права на защиту в российской государственности, рассмотрение права на защиту в различных отраслях российского права.

Применение формально-логического метода помогает познать динамику развития категории право на защиту в контексте российской специфики развития и функционирования государства и права. Метод сравнительного правоведения позволил изучить право на защиту в историко-правовой ретроспективе и современной состоянии российской системы законодательства.

Потенциал использованных методов позволил диссертанту решить поставленные в исследовании не только теоретические, но и прикладные задачи.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обусловлены обстоятельным изучением памятников права, нормативных правовых актов России X – XXI вв., научной юридической литературы,

затрагивающие вопросы правового регулирования права на защиту, принципов права, категорий права; использованием современной научной методологии; изучением монографических и других научных работ, диссертаций, предметом которых являются различные аспекты реализации и закрепления права на защиту; научной аргументированностью основных положений и выводов диссертации.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные выводы и положения диссертации, а также принципы проведенного исследования:

– использованы в разработке предложений о необходимости новых научно обоснованных подходов к закреплению и урегулированию прав и обязанностей лиц, реализующих право на защиту, путем совершенствования действующего законодательства Российской Федерации;

– доложены и обсуждены на заседании кафедры «Теория государства и права им. Г. В. Мальцева» Юридического факультета им. М. М. Сперанского ФГОБУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; на заседании кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт (Санкт-Петербург); на заседании кафедры теории и истории государства и права Камчатского филиала АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации».

– использованы при чтении лекций и проведении практических и семинарских занятий по дисциплинам: «Теория государства и права», «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс» в Камчатском филиале АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»; «Основы права», «Конституционное право» в Петропавловск-Камчатском филиале ФГОБУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»;

– изложены в докладах и выступлениях на научных и научно-практических конференциях различного уровня: «Закон и право: состояние и пути совершенствования» (Хабаровск, 2009); Международная научно-практическая конференция «Молодежь и наука: реальность и будущее» (Невинномысск, 2010); Межрегиональная научно-практическая конференция «Оптимизация и гармонизация взаимодействия субъектов общественного процесса» (Петропавловск-Камчатский, 2010); Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития современного российского общества» (Волгоград, 2010); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы судебной реформы в современной России» (Пенза, 2010); Международная заочная научно-практическая конференция «Инновации гуманитарных и естественных наук» (Екатеринбург, 2010); Международная научно-практическая конференция «Развитие Дальнего Востока и укрепление позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (Петропавловск-Камчатский, 2011); Международная научно-практическая конференция «Закон и порядок» (Москва, 2011); Международная научно-практическая конференция «Законность и правопорядок в современном обществе» (Новосибирск, 2011); Международная научно-практическая конференция «Правосудие по гражданским делам: проблемы и перспективы развития» (Санкт-Петербург, 2012); Межрегиональная научно-практическая конференция «Инновационный потенциал региона: перспективы развития» (Петропавловск-Камчатский, 2013); Межрегиональная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы социально-экономического реформирования государства и общества» (Петропавловск-Камчатский, 2013); Международная научно-практическая конференция «Право и политика: теоретические и практические проблемы» (Рязань, 2013); Международная научно-практическая конференция «Инновации в научных исследованиях современного общества» (Ярославль-Москва, 2013); Краевая научно-практическая конференция

«Конституция Российской Федерации - основа стабильности и развития государственности» (Петропавловск-Камчатский, 2014); Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции развития экономики, управления и права в XXI веке» (Петропавловск-Камчатский, 2014); Proceedings of the IX International Academic Congress «Contemporary Science and Education in Americas, Africa and Eurasia» (Brazil, Rio de Janeiro, 2015); Международная научная заочная конференция «Личность, государство и право в современном мире» (Санкт-Петербург, 2016); Международная научно-практическая конференция «Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика» (Рязань, 2016); Международная научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава и сотрудников кооперативных вузов «Наука, образование, кооперация: проблемы и перспективы развития» (Москва, 2017); Международная научно-практическая конференция «Потенциал Камчатского края на развитие интеграционных процессов Дальневосточных регионов России и стран АТР». (Петропавловск-Камчатский, 2018).

Основные положения, содержащиеся в диссертации, нашли отражение в 9 научных статьях, опубликованных автором в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также в 4 статьях, опубликованных в иных научных изданиях. В научных работах автора отражены результаты проведенного исследования.

Нормативная и эмпирическая база исследования представляет собой нормативные правовые акты X - XXI вв.; научно-теоретические и публицистические труды; международные акты, Конституция Российской Федерации 1993 г., иные нормативные правовые акты Российской Федерации; правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, правоприменительная и судебная практика Верховного Суда Российской Федерации и иные юридические документы.

Структура диссертации подчинена логике поставленной цели и решению исследовательских задач и состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

ГЛАВА I
ПРАВО НА ЗАЩИТУ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

§ 1. Истоки и становление конструкции права на защиту в континентальной традиции права

Генезис права на защиту как юридической конструкции органически связан с возникновением конструкций субъективных прав и развитием форм их защиты. В более широком контексте, как отмечает Э. Адриано, предпосылкой появления права на защиту становится формирование представлений о личности в юридическом смысле, как о правоспособном субъекте, носителе субъективных прав и обязанностей, подлежащих защите[1]. Применительно к историко-методологическим аспектам настоящего исследования данное утверждение позволяет судить о том, что формирование конструкции права на защиту начинается уже в римском праве, поскольку именно римская юриспруденция впервые осуществляет различение между личностью и личностью *юридической* (*persona iuris*)[2]. Для юридической личности ключевым отличием от личности в традиционном понимании выступает наличие правоспособности (*caput*), наличие которой, в свою очередь, предопределялось наличием у субъекта системы статусов (*status*) – свободы, гражданства и семейной власти (в качестве домовладыки или главы семейства)[3]. Соответственно, только совокупность данных признаков придавала личности качество субъекта права, который способен самостоятельно приобретать права и нести обязанности. Именно такой субъект, *юридическая личность*, приобретал право на защиту, которое, в силу

[1] Adriano E. The Natural Person, Legal Entity or Juridical Person and Juridical Personality // Penn State Journal of Law & International Affairs. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 376 et seq.

[2] См.: Fuente y Hontañón R. de la. La persona como *fons omnis iuris* // Persona y Derecho. 2016. Vol. 74. P. 317 et seq.

[3] См.: Медведев В.Г. Субъекты права в Древнем Риме // Вектор науки ТГУ. 2009. № 5 (8). С. 64.

изложенного, не признавалось за рабами; так, Институции Юстиниана указывают, что «*Servus... nullum caput habet*»[4] (I. 1.1,16,4).

Таким образом, фундаментальной предпосылкой возникновения права на защиту становится оформление конструкции юридической личности. Однако это не дает оснований полагать, что право на защиту как правовая конструкция появляется в римском праве одновременно с конструкцией *persona iuris*. В обоснование данного тезиса приведем следующие аргументы.

Как отмечает А. Лопес-Медина, *ius defensionis* (право на защиту) оформляется *как идея* только в IV в. вследствие влияния христианства на политико-правовую систему Рима. «Известные прежним этапам развития римского права элементы юридической защиты не были всеобщими и были доступны сравнительно небольшому кругу субъектов, – пишет исследователь. – Но, когда христианство начинает доминировать в крупных городах Рима, его аксиология оказывает неизбежное влияние на правовые представления. И поскольку христианской этике чуждо различение людей на сословные группы, постольку Рим с IV столетия начинает приходить к идее о том, что возможность защиты не является сословной привилегией, а должна носить характер всеобщего и неотъемлемого, присущего каждому, права»[5]. Однако, как свидетельствует дальнейшая история Рима, этой идее не суждено было воплотиться в позитивном праве: уже к концу IV в. Римская империя начинает стихийно утрачивать прежнее политико-правовое и культурное влияние в Европе, и ее последующее падение в 476 г. знаменует начало европейских «темных веков», характеризующихся, прежде всего, утратой связи варварского права с римским юридическим наследием.

Изложенное позволяет сделать важный вывод о том, что *фундаментальной предпосылкой возникновения права на защиту (первично сформулированного в римской юриспруденции) выступает формирование*

[4] «Раб… не имеет правоспособности» (*лат.*).

[5] López-Medina A. Querella de nulidad, listisconsorcio pasivo y *ius defensionis* en una causa oriental apelada ante la Rota Romana. Comentario a la Sentencia del Tribunal de la Signatura Apostólica de 7 de junio de 2013 // Ius Canonicum. 2014. Vol. 54. P. 775.

предмета защиты – субъективного права, защищаемого законом интереса, в связи с чем генезис права на защиту органически связан с самим феноменом правосубъектности. В этом смысле субъектом права на защиту в римском праве выступает юридическая личность – праводееспособный субъект, выступающий обладателем ряда статусов.

Говоря об исторических этапах развития римского права, следует подчеркнуть, что на каждом из данных этапов формировались *особые концептуальные модели права на защиту, которые будут рассмотрены далее*.

I. Исковая (материально-правовая) модель права на защиту в римской юриспруденции. В принципе, следует отметить, что казуистичность римской юриспруденции, ее функциональный и прикладной характер объективно препятствовали формированию фундаментальных основ догмы права – юридических понятий и принципов. Эти основы были выведены глоссаторами и комментаторами на основании содержания *Corpus Iuris Civilis* в форме собственно *теории права*. Между тем, сама римская юриспруденция не создала собственную теорию в качестве системы методологически нормативных понятий. Потому германский цивилист Р. Зомм, рассматривая основные концептуальные положения римского права, не упоминает каких-либо концепций юридической защиты и ее правовых предпосылок[6]. В то же время, обращает на себя внимание специфика концепции самого субъективного права в римском праве, отмечаемая Р. Зоммом: «Термин «право» употреблялся для обозначения возможного поведения, конституируемого юридической нормой, например, *применительно к возможности потерпевшего применить какие-либо меры в отношении нарушителя*»[7]. Приведенное наблюдение Р. Зомма разделяет классик отечественной юриспруденции Д.Д. Гримм: характеризуя особенности

[6] См.: Sohm R. The Institutes: A Textbook of the History and System of Roman Private Law. – 3rd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1907. P. 22 et seq.

[7] Ibid. P. 27.

правореализационных поведенческих актов с точки зрения догмы римского права, исследователь приходит к следующему выводу: для римского права «*осуществление права заключается в совершении тех действий, из которых складывается данное право*»[8]. Синтез приведенных положений позволяет прийти к выводу о том, что в римской юриспруденции возможность (правомочность) защиты права входила непосредственно в его содержание. В этом смысле всякое субъективное право предполагало имманентную возможность его обладателя применять различные меры в случае его нарушения.

Изложенное позволяет судить о том, что в римском праве отсутствовало право на защиту как таковое, поскольку возможность защиты входила в структуру субъективного права как его неотъемлемый элемент (правомочие в составе субъективного права). Однако такое утверждение, если его принять в качестве принципиальной методологической установки, не находит согласования с одной из фундаментальных конструкций римского права – конструкцией иска. Как отмечал Д.Д. Гримм, «*под иском в материальном смысле*, или *правом иска*, понималось связанное с материальным правом правомочие правообладателя обратиться к суду, дающее ему возможность… добиться судебной защиты своего материального права»[9]. Иначе говоря, в материально-правовом контексте известное римской юриспруденции право иска по существу представляло собой *исторически первую форму права на защиту*. Как отмечает в связи с этим профессор Кембриджского университета П. Штейн, «римский иск состоял из двух элементов. Первый из них представлял собой саму возможность лица защищать свое нарушенное право в суде и по существу был ни чем иным, как правом на защиту. Второй элемент отражал сам гражданский процесс, этапы рассмотрения дела, итогом которого

[8] Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. С. 185.

[9] Гримм Д.Д. Указ. соч. С. 188.

становился либо отказ в защите (по тому или иному основанию), либо принятие защитных мер»[10].

Изложенное дает основание утверждать, что в римском праве первоначально понимание права на защиту утвердилось в следующем аспекте: право на защиту трактовалось как элемент субъективного права, представляющий собой юридическую возможность (*правомочие*) правообладателя на применение защитных мер в отношении нарушителя.

II. Процессуальная модель права на защиту. С развитием процессуальных форм, появлением формулярного процесса в римском праве, сложилась вторая модель права на защиту в качестве *самостоятельного субъективного права*, существование которого обусловливалось существованием конкретного защищаемого права; в этом качестве право на защиту представляло собой право лица на обращение к компетентным государственно-властным структурам, которые, посредством публичной санкции, обеспечивали защиту нарушенного (или могущего быть нарушенным) субъективного права.

Следует отметить, что право иска как форма права на защиту имела строго дифференцированный характер, что, в свою очередь, не позволяет утверждать о том, что римское право на защиту носило генерализованный характер. По свидетельству Гая, римское право знало лишь один иск общего характера – *legis actio sacramenti*, представляющий собой общую модель права на защиту, равным образом приспособленную для защиты как личного, так и имущественного права[11]. В то же время, подавляющее большинство исков носило производный характер от существа защищаемого права. Так, отдельным иском защищались имущественные титулы (*actiones rei persecutoriæ*), специфическая форма иска существовала для прав потерпевшего во внедоговорных обязательствах (*actio mixtæ, actiones poenales*) и т.п. Подобная ситуация была обусловлена отсутствием в римской

[10] Stein P. Roman Law in European History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 8.

[11] См.: Франчози Дж. Институционный курс римского права / Перевод с итальянского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. - М.: Статут, 2004. С. 80.

юриспруденции общих правовых категорий, ввиду чего, к примеру, право на защиту имущественных интересов от посягательств не существовало в форме единого иска: поэтапно в римском праве вырабатывались конкретные виды исков, предоставляющих казуистическую защиту имущественных прав. Данное обстоятельство отмечает Дж. Франчози. Характеризуя защиту займодавца от нарушений со стороны заемщика с точки зрения ее исковой формы, автор отмечает, что первоначально правом на защиту займодавец обладал только в том случае, если предметом займа выступали деньги; позднее данное право было распространено и на заемные отношения, предметом которых выступали индивидуально определенные вещи[12].

Кроме того, центральным предметом права на защиту по искам выступало именно имущество; зачастую такая ситуация фактически подменяла предмет защиты. Характерным примером здесь выступает конструкция *actio iniuriarum æstimatoria*[13] – иска о личном оскорблении (в том числе и опорочении)[14]. Однако, как пишет германский цивилист Р. фон Иеринг, данный иск был направлен на защиту имущественных интересов, возмещение материальных убытков, причиненных потерпевшему диффамацией[15]. В этом смысле соответствующую конструкцию римского права вряд ли оправданно рассматривать как форму антидиффамационной защиты *личности*.

Таким образом, процессуальная модель права на защиту утвердилась в римском праве не в качестве генерализованной модели, а в качестве конкретных видов, обусловленных предметом защиты и не образующих единую систему. Сказанное оправдывает характеристику права на защиту в римском праве как несистематизированную совокупность разноплановых

---

[12] См.: Там же. С. 87.

[13] См.: Burchell J.M. Principles of Delict. – Cape Town: Juta & Company, 1993. P. 212.

[14] См.: Климович А.В. Обязательства из деликтов в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2008, № 1 (40). С. 46.

[15] См.: Jhering R. Rechtsschutz gegen injuriöse Rechtsverletzungen // Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. Bd. 23 / Hrsg. von C.F. von Gerber u. R. Jhering. – Jena: Mauke, 1885. S. 159 et seq.

прав на иски. По верному замечанию В.В. Аргунова, «…в соответствии с римскими взглядами право на иск не было естественным следствием нарушенного права, а возникало лишь тогда, *когда существовал предусмотренный законом иск, призванный защитить именно это нарушенное право*»[16].

Развитие позитивных исковых форм права на защиту в римском праве было прервано распадом Римской империи. Для континентальной Европы вплоть до XII в. римское право оказывается фактически утраченным. В связи с этим исследование дальнейших этапов развития права на защиту в континентальной традиции права оправданно продолжить периодом деятельности глоссаторов и комментаторов.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод. *В Риме право на защиту формируется в форме двух концептуальных моделей – материально-правовой (исковой) и процессуальной*. Первая форма права на защиту представляет собой правомочие защиты в составе конкретного субъективного права (к примеру, права на имущество). В этой форме отделить правомочие защиты от самого субъективного права невозможно: реализация последнего необходимо предполагает юридическую возможность защиты. Сказанное оправдывает определение этой формы именно в качестве правомочия, неотъемлемого элемента субъективного права. Вторая форма права на защиту выступает в римской юриспруденции в качестве права на иск, которое представляет собой возможность правообладателя обратиться за защитой своего нарушенного или могущего быть нарушенным права в компетентную публичную структуру.

Обобщая изложенное и завершая рассмотрение концептуального генезиса права на защиту в римской юриспруденции, отметим следующее. В

---

[16] Аргунов В.В. Об исторических предпосылках возникновения вызывного производства // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2006. № 18. С. 98.

См. также: Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. 3-е изд., испр. и доп. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. С. 19; Wetzell G.W. System des ordentlichen Civilprocesses. – 3. verb. u. verm. Aufl. – Leipzig: Tauchnitz, 1878. S. 97.

силу функционального, прагматически ориентированного характера римской юриспруденции ей была чужда методологическая работа; в этом смысле разработка юридических конструкций в римской правовой мысли не имела методологически нормативного характера. Такая ситуация нашла свое отражение в конструкции права на иск: в Риме оно не носило всеобщего, генерализующего характера, а находилась в непосредственной зависимости от характера предмета защиты. В этом смысле каждому предмету защиты (конкретному субъективному праву) соответствовала собственная конструкция права на иск. В связи с этим в римской юриспруденции не была выработана всеобщая конструкция права на защиту как юридической возможности субъекта защищать любой правомерный интерес или субъективное право посредством обращения в юрисдикционный орган.

В период формирования конструкции права на защиту в схоластической юриспруденции и средневековом европейском праве, следует отметить, что к моменту начала деятельности глоссаторов (конец XII в.) Европа практически полностью утрачивает связь с юридическим наследием прежней эпохи. Основной вектор правового развития той эпохи задает каноническое право, однако, по верному замечанию Г.Ф. Шершеневича, для *ius canonicum* «государство и церковь сливаются в одно, нормы права совпадают с религиозными канонами»[17]. В то же время нельзя не упомянуть о том, что деятельность Церкви оказала существенное влияние на развитие правовой доктрины. Так, на Первом Лионском Соборе (1245 г.) папа Иннокентий IV изложил фундаментальные основы учения о юридическом лице (*universitas*), впервые обозначив его статус как самостоятельного субъекта права, лица (*persona*), способного к самостоятельному правовому поведению[18].

---

[17] Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. – СПб.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1907. С. 24.

[18] Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Том I: Введение и часть общая. Вып. 1. 4-е изд. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. С. 431.

По свидетельству Ю.В. Стукаловой, теория юридического лица Иннокентия IV по ее значению и вкладу в науку права сопоставима с разработками всей исторической школы юристов (см.: Стукалова Ю.В. Юридические лица как субъекты предпринимательской деятельности в России XIX – начала XX века: историко-правовое развитие и теоретическое осмысление: Дис. … канд. юрид. наук. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. С. 16 – 30).

В XII в. начинается переосмысление античного культурного наследия, «новое открытие» достижений Греции и Рима, в том числе в области права[19]. Указанные обстоятельства не могли не повлиять на исследовательское сознание глоссаторов: текст кодификации Юстиниана предстал перед ними как источник принципиального, догматического знания. Этим была обусловлена ориентация глоссаторов на выявление догмы римского права как системы непререкаемых юридических истин, основными формами которых выступают правовые понятия и принципы. Тем самым *Corpus Iuris Civilis* как форма римского права рассматривался ими вне исторического контекста его составления и без учета различий между античным и средневековым обществом: для глоссаторов главнейшей целью было именно отыскание истины, а не приспособление византийского юридического свода для регулирования общественных отношения в Европе[20].

Фундаментальное значение деятельности глоссаторов заключается в следующем. Во-первых, именно глоссаторы заложили основы ведущих методов правоведения – юридической догматики и юридической экзегезы, тем самым сформировав методологические основы *научного подхода* к познанию права[21]. Во-вторых, с течением времени в отсутствие необходимого нормативно-правового массива труды глоссаторов приобрели ориентирующее значение для судей и законодателей, по сути став догматической основой для формирования европейских правовых систем.

Таким образом, европейское правовое развитие в XII – XIII вв. характеризуют три тенденции. Во-первых, это генезис научной интерпретации

---

[19] См.: Душин О.Э. Средневековые университеты: у истоков европейского высшего образования // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2013, вып. 2. С. 28 – 29; Розин В.М. Предпосылки и особенности античной культуры. – М.: ИФРАН, 2004. С. 284 и след.

[20] См.: Пучков В.О., Пучков О.А. Об основаниях действительности права, современном правопонимании и научной рациональности правоведения в цифровую эпоху // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2020. № 6. С. 158.

[21] Как отмечает в связи с этим Г.Дж. Берман, глоссаторы «взяли за отправную точку понятие правового понятия и тот принцип, что закон принципиален. Это означало куда больше, – пишет далее автор, – чем простое добавление философского измерения к практичному стилю римских текстов, *пришлось полностью изменить само значение повседневных юридических вопросов* (курсив наш. – *Авт.*)» (Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. С. 152).

права в трудах глоссаторов, итогом которого стало формирование многих теоретических понятий современного гражданского права и теории права. Во-вторых, это влияние Церкви и развитие канонического права, которое, в силу фундаментальной роли католического богословия в европейской культуре того времени, также оказывало влияние на правовое развитие европейских государств. В-третьих, это формирование национальных правовых систем, кодификации варварского права. В контексте указанных тенденций нами будет рассмотрена специфика интерпретации права на защиту в европейской правовой мысли XII – XVI вв.

Как было отмечено ранее, римское право исходило из понимания права на иск как формы права на защиту в качестве правомочия или субъективного права, в связи с чем обладатель данного права мог по своему усмотрению либо реализовать его, либо отказаться от защиты (принцип *violenti non fiar iniuria*)[22]. Между тем, в средневековой Европе субъективное право на защиту в ряде случаев трансформируется в обязанность защиты, при котором правообладатель уже не имел *права* на защиту, но был *должен* защищаться. Характерным примером является в этом смысле разработка глоссаторами концепции провокационного производства (*provocatio ex lege si contendat*). Как пишет В.В. Аргунов, «это производство возникало по иску, вызванному основательным опасением провоканта, что он может, с течением известного времени, утратить право возражения против предъявленного иска. В этих случаях ответчик через суд мог принудить истца к предъявлению иска, в противном случае за возражениями сохранялась сила и на будущее время»[23]. В этом смысле речь идет о фактическом наложении на предполагаемого истца обязанности обратиться за исковой защитой. Однако обращает на себя внимание то, что в этом смысле обязанность истца защищаться *de-facto* была необходимым условием для реализации права на защиту самим ответчиком. К

[22] См.: Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. Т. 1. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1913. С. 365.

[23] Аргунов В.В. Указ. соч. С. 101.

XV в. постглоссаторы, основываясь на идеях провокационного производства, формулируют концепцию «публичного вызова для предъявления права» (*Edictalcitation*); согласно данной концепции, в ряде случаев суд мог обязать предполагаемого истца обратиться за защитой, если в ином случае могли пострадать интересы королевской или церковной власти, а также если необращение такого истца за защитой могло повлечь ущерб для третьих лиц[24].

Таким образом, доктрина юристов схоластической школы последовательно приходит к идее о том, что в ряде случае, наряду с собственно *правом* на защиту сосуществует и *обязанность защиты*; вместе с тем, обязанность защиты, налагаемая судом на предполагаемого истца, является ничем иным, как *средством реализации права на защиту интересов третьих лиц или публичных интересов*.

В этом смысле, фундаментальные отличия между римской моделью права на защиту и концепцией права на защиту в трудах глоссаторов и комментаторов заключаются в следующем. Во-первых, юристы схоластической школы дают праву на иск разграничительное толкование: по их доктринам, соответствующим правом наделен не только конкретный частный субъект, но и публичные субъекты, в том числе неопределенный круг лиц. Во-вторых, комментаторы, основываясь на идеях глоссаторов, вводят категорию обязанности защиты, неизвестной римскому праву, хотя и *имплицитно присутствовавшую в его положениях* (поскольку судья был обязан разрешить дело в пределах заявленных требований, то есть по сути – защитить нарушенное право истца, если факт нарушения будет доказан)[25]. С точки зрения комментаторов, обязанность защиты возникала у предполагаемого истца в том случае, если его пассивность может обернуться негативными последствиями для публичных субъектов, неопределенного

[24] См.: Dernburg H. Das Pfandrecht nach den Grundsätzen des heutigen römischen Rechts. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1864. S. 551; Haase C.A. Ueber Edictalladungen und Edictalproceß ausserhalb des Concurses mit Hinsicht auf particuläres, vorzüglich Sächsisches und Preußisches Recht. – Leipzig: Schwickert , 1817. S. 2 et seq.

[25] См.: Иваненко Ю.Г. Способы защиты гражданского права и основания иска // Закон. 2011. № 1. С. 172.

круга лица, и соответствующей обязанности, в свою очередь, корреспондировало право на защиту, принадлежащее указанным субъектам.

В связи с изложенным, можно утверждать, что юристы схоластической школы существенно переосмысливают римскую модель права на защиту, развивая ее концептуальные основания в пользу понимания данного права как меры возможного поведения, принадлежащей не только частному лицу, но и иным (в первую очередь – публичным) субъектам. Вместе с тем, глоссаторы и постглоссаторы также остаются при этом в русле концепции права на иск как одной из форм права на защиту, по сути исследуя только *часть*, не зная при этом самого *целого*.

Параллельно с теорией глоссаторов, в каноническом праве формируется собственная концепция права на защиту. Ее генезис напрямую связан с разработкой системы розыска и выявления религиозных преступлений в конце XII в. и созданием инквизиционных судов в 1215 г. Для инквизиционного процесса с его выраженным обвинительным уклоном возможность признания *права* на защиту за еретиком, хулителем церкви или колдуном было в принципе невозможно; однако при этом инквизиционные суды не исключали возможности обвиняемого защищаться от предъявленного обвинения, доказывать свою невиновность. Так в каноническом праве возникает конструкция благоприятствования защиты (*favor defensionis*); в отличие от права на защиту, благоприятствование защите было не столько правом обвиняемого, сколько обязанностью инквизиционного суда принять во внимание все доказательства невиновности и объективно решить вопрос о совершении или несовершении обвиняемым преступления[26]. Проявления благоприятствования защите, как отмечается в современной процессуальной литературе, представляли собой «отдельные преимущества, привилегии или

[26] См.: Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. С. 133; Соловьев С.А. Ретроспективный анализ элементов процессуального механизма благоприятствования защите («*favor defensionis*») в период формирования и укрепления русского централизованного государства // История государства и права. 2017. № 1. С. 30.

исключительные права стороны защиты»[27]. Таким образом, *favor defensionis*, будучи системой процессуальных гарантий защиты, тем не менее, не был по сути правом на защиту в инквизиционном правосудии. На данное обстоятельство обращает внимание М.А. Михеенкова, по мнению которой, смешение *favor defensionis* с правом на защиту является методологически некорректным[28]. Вместе с тем, канадский юрист Дж. Дирэвиам в своей докторской диссертации, посвященной развитию уголовного процессуального права в системе *ius canonicum*, показывает, что с течением времени в уголовно-юрисдикционной практике католической Церкви сформировались представления о наличии у всякого обвиняемого *права на защиту* (*ius defensionis*), понимаемого в первую очередь как *право на защиту от предъявленного обвинения*[29]. Канонико-правовая модель права на защиту, таким образом, существенно отличалась от той, которую разрабатывали римские юристы и юристы схоластической школы: для канонического права право на защиту есть в первую очередь возможность обвиняемого совершить совокупность процессуальных действий, направленных на опровержение содержания обвинительных материалов (доказывание собственной невиновности). Нетрудно заметить, что подобное понимание права на защиту (впоследствии рецепированное европейскими системами уголовного правосудия) во многом согласуется с пониманием права на защиту, утвердившемуся в современной уголовно-процессуальной доктрине[30].

---

[27] Курс уголовного процесса. С. 370.

[28] Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 20 – 21.

[29] См.: Diraviam J. The Judicial Penal Procedure for the Dismissal of a Diocesan Priest from the Clerical State According to the 1983 Code of Canon Law: A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Canon Law. – Ottawa: Saint Paul University, 2008. P. 175, 178 et seq.

[30] См., например: Богдановская В.А. Конституционное право на судебную защиту в сфере уголовного судопроизводства: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. С. 12, 14 – 17; Щерба С.П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими и психическими недостатками // Щерба С.П. Избранные труды / [сост. Н.Э. Кузнецова, П.А. Смирнов; вступит. ст. Ф.М. Кобзарева]. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. С. 40; Meier D.M. Der Curator im Kanonischen Prozeßrecht. – Essen: Ludgerus Verlag, 1998. S. 76 et seq.; Michiels O., Falque G. Procédure pénale: Notes sommaires et provisoires. – 6ème edition. – Liège: Université de Liège, 2018. P. 372 et seq.; Naut P. Le secret de l'instruction ne doit pas être le secret de polinichelle // Revue Juridique de l'Ouest. 1996. No. 4. P. 449 et seq.

Изложенное позволяет сделать вывод, что *в доктринах глоссаторов и комментаторов и в теории средневекового канонического права сформировались две концепции права на защиту, которые можно терминологически обозначить как «субстанциальную» и «процессуальную»*. *Субстанциальная концепция* права на защиту основана на его концептуализации как фрагмента действительности материального права – субъективного права (в форме права на иск) и правомочия. В свою очередь, разработанная в канонико-правовой доктрине *процессуальная концепция* исходила из того, что право на защиту представляет собой предусмотренную уголовно-процессуальным законом возможность подозреваемого (обвиняемого) защищаться от предъявленного обвинения посредством совершения процессуальных действий[31].

Следует отметить, что право средневековых европейских государств в равной мере восприняло обе указанных концепции. Так, говоря о праве на защиту в материально-правовом смысле, Саксонское Зерцало (*Sachsenspiegel*) 1225 г. предусматривало право каждого защищать от посягательства себя или других лиц (§ 5 статьи 78). В то же время § 5 статьи 88 предусматривал возможность обвиняемого защищаться в суде от предъявленного обвинения путем представления доказательств[32]. Аналогичные положения впоследствии

Более ограниченно – как право пользоваться помощью защитника или отказаться от этой помощи – определяет право на защиту Я.А. Кострица (см.: Кострица Я.А. Основания и условия обеспечения следователем (дознавателем) органов внутренних дел обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 3). Однако такой подход видится нам неоправданно сужающим содержание данного права, которое предполагает (помимо самой возможности пользоваться помощью защитника) также возможность защищаться от предъявленного обвинения любыми способами, дозволенными уголовно-процессуальной формой (например, путем представления доказательств, участия в следственных действиях, заявления ходатайств и отводов и проч.). Такой подход разделяет Пленум Верховного Суда Российской Федерации (см. пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9).

[31] В настоящее время каноническое право распространило такой подход и на гражданское судопроизводство в контексте защиты ответчика против (встречного) иска. Так, положение 7 канона 1620 Кодекса канонического права (*Codex Iuris Canonici*) предусматривает, что одним из оснований отмены решения суда уголовной или гражданской юрисдикции является отказ одной из сторон в праве на защиту (*ius defensionis alterutri parti denegatum fuit*). Текст *Codex Iuris Canonici* приводится по изданию: Кодекс канонического права. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007.

[32] См.: Homeyer C.G. Die Stellung des Sachsenspiegels zum Schwabenspiegel. – Berlin: Ferd. Dümmler Buchandlung, 1853. S. 82 et seq.

вошли в Швабское Зерцало (*Schwäbenspiegel*) 1282 г.[33] Дихотомия права на защиту в материально-правовом и процессуальном смысле также достоверно усматривается из текста Бовезских кутюмов (*Coustumes de Beauvoisis*) 1282 г. и других сборников средневекового французского права[34].

Таким образом, в средневековой Европе вплоть до эпохи Просвещения и связанного с ней фундаментального развития естественно-правовых учений, под влиянием схоластической и канонической юриспруденции формируются новые аспекты понимания права на защиту, которые впоследствии нашли свое отражение в законодательствах стран средневековой Европы. Дальнейшие разработки концепции права на защиту связаны, в связи с этим, со школой естественного права, то есть в большей степени с философским, чем с собственно юридическим, подходом к познанию права[35]. Тем самым, приступая к теоретическому осмыслению права на защиту в естественно-правовых доктринах, сформулируем ряд промежуточных выводов по данному фрагменту настоящего исследования.

1) Фундаментальные отличия между римской моделью права на защиту и концепцией права на защиту в трудах глоссаторов и комментаторов заключаются в следующем. Во-первых, юристы схоластической школы дают праву на иск разграничительное толкование: по их доктринам, соответствующим правом наделен не только конкретный частный субъект, но и публичные субъекты, в том числе неопределенный круг лиц. Во-вторых,

---

[33] См.: Laband P. Beiträge zur Kunde des Schwabenspiegels. – Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchandlung, 1861. S. 37 et seq.

[34] См.: Giordanengo G. Jus commune et "Droit commun" en France du XIIIe au XVe siècle // Droit romain, "jus civile" et droit français. – Toulouse: Presses de l'Université des sciences sociales, 1999. P. 219 et seq.; Petot P. Le droit commun en France selon les coutumiers // Revue historique de droit français et étranger. 1960. No 38. P. 412 et seq.

[35] По утверждению Г.В.Ф. Гегеля, «наука естественного права… уже давно признана в качестве науки философской по своей сущности; а поскольку философия должна состоять из частей, – признана существенной ее частью» (Гегель Г.В.Ф. О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношение к науке о позитивном праве // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. С. 185).

См. также: Иоффе О.С. Цивилистическая доктрина промышленного капитализма // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – М.: Статут, 2000. С. 67; Ященко А.С. Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. – М.: Типография Императорского Московского университета, 1908. С. 189.

комментаторы, основываясь на идеях глоссаторов, вводят категорию обязанности защиты, неизвестной римскому праву, хотя и *имплицитно присутствовавшую в его положениях* (поскольку судья был обязан разрешить дело в пределах заявленных требований, то есть по сути – защитить нарушенное право истца, если факт нарушения будет доказан).

2) В доктринах глоссаторов и комментаторов и в теории средневекового канонического права сформировались две концепции права на защиту, которые можно терминологически обозначить как «субстанциальную» и «процессуальную». Субстанциальная концепция права на защиту основана на его концептуализации как фрагмента действительности материального права – субъективного права (в форме права на иск) и правомочия. Прообразом права на защиту в процессуальной концепции становится конструкция *favor defensionis*, представляющая собой не право обвиняемого, но обязанность суда проявлять объективность при исследовании доказательств и при решении вопроса о виновности или невиновности подсудимого. В связи с этим *favor defensionis* содержательно не тождественно праву на защиту, концепция которого формируется сначала в юрисдикционной практике церковных судов, а впоследствии – в теории канонического права. Каноническая доктрина права на защиту исходила из понимания данного права в качестве возможности обвиняемого защищаться от предъявленного обвинения (доказывать свою невиновность) путем совершения ряда процессуальных действий (в том числе выбора защитника либо отказа от его помощи). Эта доктрина впоследствии становится основой для формирования процессуальной модели права на защиту в уголовном судопроизводстве европейских государств. Канонико-правовую теорию права на защиту диссертант предлагает именовать «процессуальной», поскольку по ее смыслу право на защиту есть в первую очередь возможность совершения стороной процессуальных действий, направленных на достижение ее материально-правового интереса (защиты против предъявленного обвинения или гражданского иска).

3) Позитивное право средневековой Европы (германских государств, Франции и др.) в равной мере восприняло и субстанциальную, и процессуальную концепцию права на защиту, тем самым придав ей характер не только теоретического представления, но и нормативной конструкции.

Развитие конструкции права на защиту в учениях естественно-правовой школы позволяет сказать следующее. К XVII в. – периоду первой научно-технической революции и распространения просвещенческих идей – европейские государственно-правовые системы все еще находятся в стадии формирования. В этой ситуации механизмы государственной (публично-правовой) защиты субъективных прав частных субъектов не развиты надлежащим образом, и доминирующая роль в этом смысле отводится самостоятельной форме защиты. Способы защиты, соответствующие данной форме, во многом носят неправовой характер: широко практикуется личное (физическое) обеспечение обязательств, самовольное присвоение имущества нарушителя и т.д. О том, что такие способы защиты нарушенного права носили распространенный и привычный характер для той эпохи, достоверно свидетельствует пьеса У. Шекспира «Венецианский купец» (1596 г.): обязательство ее героя, венецианского купца Антонио, по возврату заемных средств, обеспечено правом его кредитора «…выбрать тела часть любую и мясо вырезать, где пожелает»[36]. Вследствие изложенного, естественно-правовые учения, испытавшие в XVII в. подлинный расцвет, впервые проблематизируют и предметно рассматривают философско-правовые основания юридической защиты и ее пределы[37].

Известно, что юснатурализм отвергал ключевую общественно-моральную установку прежних исторических периодов – допустимость сословного деления общества и соответствующего распределения прав, обязанностей и привилегий, которая, в свою очередь, легитимировала

[36] Shakespeare W. The Merchant of Venice / Ed. by C. Watts. – Hertfordshire: Wordsworth, 2000. P. 85.

[37] См.: Пучков В.О. Самозащита гражданских прав в сфере внешнеэкономических отношений по российскому и германскому праву: уголовно-правовой и цивилистический аспекты // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 12А. С. 107.

правовое неравенство, в первую очередь – в контексте права на защиту[38]. Очень ярко такая ситуация проявляла себя применительно к праву на защиту доброго имени: в средневековой Европе феодал, рыцарь и дворянин – лица, свободные по происхождению, – защищают в своем лице *сословное право на честь*, которой (по представлениям того времени) нет и не может быть у крепостного или простолюдина[39]. В этом смысле в представлениях, господствующих в европейской культуре конца XVI в., честь, а значит, и право на защиту ее от клеветы, принадлежит лишь ограниченному кругу лиц, и в этом смысле личное достоинство прочих лиц не защищается[40].

Ключевой методологической проблемой естественно-правовых учений становится, таким образом, вопрос об *основаниях права* как проблема *ценностей и идей, лежащих в основе права*[41]. Для юснатуралистов такой ценностью становится сам человек – не в качестве *социального статуса*, *правовой фикции*, а в качестве *личности в собственном смысле*[42]. В этом смысле, поскольку личностью обладает каждый член общества, постольку любые права должны быть всеобщими, а не сословно распределенными между

---

[38] См.: Мотескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. С. 32 и след.

[39] См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. С. 181; Новоселов В.Р. Право на дуэль и социальная репутация во Франции XVI в. // Право в средневековом мире. Сборник статей. Вып. 2 – 3 / Отв. ред. О.И. Варьяш. – СПб.: Алетейя, 2001. С. 244.

Примечательно, что, к примеру, Салическая правда (VI столетие) предусматривала, что ущемлена может быть только честь того, кто ею обладает; более того, в отношении распространяемых о конкретном человеке порочащих сведений действовала опровержимая презумпция их соответствия действительности (см.: Арямов А.А., Пономаренко В.С. Исторический экскурс в проблему защиты чести (юридическое наследие европейских народов) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2010, № 1. С. 15).

[40] См.: Гродзинский М.М. Преступления против личности. – М.: Право и жизнь, 1924. С. 134.

В связи с этим в 1625 г. нидерландский юрист Г. Гроций – один из представителей школы естественного права – пишет о возможности «причинения ущерба чести и доброму имени, например, нанесением ударов, оскорблением, злословием, проклятием, насмешкой и иными подобными способами» (Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт. с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. С. 425), говоря при этом о *всеобщем характере данных благ*.

См. также: Герцен А.И. Несколько замечаний об историческом развитии чести // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. II. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 160.

[41] См.: Гвардини Р. Конец философии Нового времени // Феномен человека. Антология. – М.: Высшая школа, 1993. С. 257.

[42] См.: Гроций Г. Указ. соч. С. 71.

По верному замечанию О.А. Пучкова, в древнем и средневековом обществе «…не человек, а его статус, функции заполняли все социальное пространство, в силу чего правовому регулированию подвергался не он сам, *а его функциональные свойства и связи* (курсив наш. – *Авт.*)» (Пучков О.А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве (теоретические основы): Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2002. С. 39).

социальными классами[43]. Так в юснатурализме впервые в истории юридической мысли возникает идея всеобщего, *принадлежащего каждому права на защиту*[44].

Следует сказать, что метафизический характер естественно-правовых учений проявляет себя в том, что они акцентируют свое внимание только на *правах*, игнорируя при этом *обязанности*[45]. В связи с этим, рассуждая о праве человека на защиту, большинство юснатуралистов не поднимают вопрос о том, кому корреспондирует обязанность защиты; по свидетельству Л. Штрауса, единственным, кто обратил внимание на эту проблему среди представителей естественно-правовой мысли, стал Дж. Локк, посчитавший, что праву человека на защиту корреспондирует соответствующая обязанность государства[46]. Кроме того, неопределенным оставался и вопрос о *предмете* права на защиту. Дело в том, что аксиологический концепт естественного в юснатурализме позволял, диаметрально противоположно определять содержание естественных прав и естественного состояния общества. Так, оперируя одними и теми же понятиями и в целом оставаясь в русле одной и той же философско-правовой концепции, представители естественно-правовой теории Нового времени обосновывали естественный характер монархической или республиканской форм правления, допустимость или недопустимость применения смертной казни в качестве уголовного наказания,

---

[43] Интересно, что соответствующая точка зрения была высказана уже в XII в. в Декрете Грациана: «*Ius naturale est commune omnium nationum, eo quod ubique instinctu naturae, non constitutione aliqua habetur*» (Право естественное есть общее право всех народов, повсеместно следующее не из законодательства властей, но из природного инстинкта (*лат.*)). Текст Декрета Грациана приводится по изданию: Gratian. The Treatise on Laws (Decretum DD. 1 – 20) with the Ordinary Gloss. – Washington: Catholic University of America Press, 1993.

Еще раньше – в IV в. до н.э. – софист Алкидамант утверждал, что «природа никого не сотворила рабом» (Цит. по: Хвостов В.М. Социология. Введение. Часть I. Исторический очерк учений об обществе. – М.: Издание Московского научного института, 1917. С. 25).

[44] См.: Burke E. Selected Works / ed. by E.J. Payne. – Oxford: Clarendon Press, 1912. P. 332 – 333.

[45] См.: Миллер В.О. Метафизическое осмысление становления концепции естественного права // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 100; Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. – М.: Наука, 1988. С. 37; Horn N. Die Rechtsphilosophie und das Rätsel Metaphysik // Rechtsphilosophie – Zeitschrift für Grundlagen des Rechts. 2018. Bd 4. S. 207 et seq.; Smith Q. The Metaphysical Necessity of Natural Rights // Philosophica. 2001. Vol. 67. No. 1. P. 31 et seq.

[46] См.: Штраус Л. Естественное право и история. – М.: Водолей Publishers, 2007. С. 235.

а также наличие или отсутствие у населения права на защиту от несправедливой власти путем сопротивления и т.д.[47]

Несмотря на изложенное, естественно-правовая доктрина сумела преодолеть главные недостатки предшествующих теорий права на защиту, а именно – представления о том, что право на защиту принадлежит лишь ограниченному кругу субъектов, и что в ряде случаев обладатель этого права может быть принужден к его осуществлению[48]. Кроме того, юснатуралистам принадлежит заслуга признания права на защиту не только за отдельными субъектами (гражданами), но и за сообществом людей в целом, народом[49]. Как пишет в связи с этим У.Т. Дидманидзе, с точки зрения естественно-правовой доктрины «…потерпевшее государство обладает правом на защиту»[50], в частности, в случаях причинения вреда его резидентам в иностранном государстве или вооруженной интервенции[51]. В этом смысле, оправданно считать, что в естественно-правовой доктрине были заложены основы учения о праве на защиту с точки зрения международного права, то есть как о совокупности *юридических возможностей государства защищать себя, свои границы, свое население и, в конечном счете, свой суверенитет от недружественных актов других государств (в частности, от вооруженной интервенции)*.

Таким образом, юснатурализм делает существенный шаг на пути к построению концепции права на защиту как *всеобщего права, принадлежащего любому субъекту и инвариантного классовой организации общества*. Вместе с тем, теория юснатуралистов, в силу изложенного ранее,

---

[47] Об этом см. подробнее: Hart H.L.A. Are There Any Natural Rights? // Philosophical Review. 1955. Vol. 64. No. 2. P. 180 – 191.

[48] См.: Kopel D.B. The Natural Right of Self-Defense: *Heller*'s Lesson for the World // Syracuse Law Review. 2008. Vol. 59. P. 1006 et seq.

[49] См.: Эбзеев Б.С. Конституционный правопорядок и основные обязанности: историческое развитие, юридическая природа и особенности нормирования (I) // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 3. С. 10.

[50] Дидманидзе У.Т. Наука международного права об ограничении и запрещении применения вооруженной силы в международных отношениях: Дис. … канд. юрид. наук. – М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 159.

[51] См.: Танев К. *Ius gentium* как международное право в интерпретации Гуго Гроция // IVS ANTIQVVM. Древнее право. Научно-практический журнал. 2015. № 1 (31). С. 216.

рассматривает право на защиту как *естественное право*, а значит разрабатывает его как философскую идею, лежащую в основе правовой действительности, а не в качестве генерализующего компонента юридического знания (общеправовой конструкции). Сказанным также обусловлено и то, что понимание права на защиту в качестве правомочия игнорируется юснатуралистами. Таким образом, право на защиту как идея прочно закрепляется в естественно-правовой доктрине как исторически первой философии права и, в связи с этим, начинает претендовать на формирование доминирующих образцов правовой культуры, правового поведения и позитивно-правового регулирования[52].

В обоснование данного тезиса, отметим, что, несмотря на фактический распад правовой мысли на естественно-правовое и позитивистское направление в XVII в., указанные концепции не игнорировали друг друга и продолжали взаимодействовать. Данное обстоятельство отмечает Ф.В. Тарановский: «Параллельное существование дисциплин положительного государственного и естественного права приводило к общению между ними, – отмечает автор. – Общение это выражалось в том, что *публично-правовая догматика пользовалась естественно-правовыми положениями в тех случаях, когда оказывался недостаток или пробел в предписаниях положительного права*»[53]. О фундаментальном значении естественного права как области права, положения которой могут замещать собой правовые пробелы, свидетельствует хотя бы тот факт, что к естественному праву обращались не только суды континентальной Европы. Так, Верховный Суд штата Арканзас (США), постановляя решение по делу *St. Louis S.W. Ry. Co. v.*

---

[52] Признание европейскими государствами соответствующей роли естественно-правовых учений достоверно усматривается из содержания пункта 1 § 5 Проекта об учреждении Московского Университета 1755 г., в котором регламентировалось, что «профессор всей юриспруденции… учить должен *натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи* (курсив наш. – *Авт.*)». Текст приводится по изданию: Высочайше утвержденный Проект об учреждении Московского Университета // Полное собрание законов Российской Империи. 1-е собрание. Т. XIV. 1754 – 1757.

[53] Тарановский Ф.В. Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии. Историко-методологическое исследование. – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1904. С. 252.

Berger[54] в 1898 г., отметил: «Право работника на самостоятельную защиту своих прав, нарушенных работодателем, не может быть ограничено трудовым соглашением, потому как является частным случаем права на защиту как принадлежащего каждому, неотъемлемого естественного права». «Право на защиту есть всеобщий природный инстинкт, естественное право», – отметил спустя почти столетие Апелляционный суд штата Алабама в постановлении по делу *Finch v. State*[55]. Обращения к естественному праву как основе и смыслообразующему началу правовой системы усматриваются во многих других актах американских[56] и европейских[57] судов. Естественно-правовые мотивы не чужды и актам российских судов: так, в ряде судебных постановлений право на защиту отнесено к числу естественных прав человека, существующих независимо от их конституционной или международно-правовой регламентации[58]. Однако такая философская методология иной раз приводит отечественного правоприменителя к неоправданному отождествлению естественных прав с субъективными: так, в решении от 3

[54] *St. Louis S.W. Ry. Co. v. Berger*, 44 S.W. 809, 814 (Ark. 1898).

[55] *Finch v. State*, 445 So. 2d 964, 966 (Ala. Crim. App. 1983).

[56] См., например: *Allen v. Currie*, 8 La. App. 30, 1928 WL 3792 (La. Ct. App. 1928); *Blankenship v. State*, 11 Ala. App. 125, 128 (1914); *Hummel v. State*, 99 P.2d 913, 917 (Okla. Crim. App. 1940); *Konigsberger v. Harvey*, 7 P. 114, 115 (Or. 1885); *Nat'l Life & Accident Ins. Co. v. Turner*, 174 So. 646, 647 (La. Ct. App. 1937); *People v. Burns*, 133 N.E. 263, 265 (Ill. 1921); *People v. Watson*, 133 P. 298, 303 (Cal. 1913); *People v. Young*, 825 P.2d 1004, 1007 (Colo. Ct. App. 1991); *R.R. Comm'n of Ohio v. Hocking Valley Ry. Co.*, 91 N.E. 865, 866 (Ohio 1910); *Robinson v. Territory of Oklahoma*, 85 P. 451, 455 (Okla. 1905); *State v. Arnett*, 167 S.W. 526, 529 (Mo. 1914); *State v. McGonigle*, 45 P. 20, 22 (Wash. 1896); *Thornton v. Taylor*, 39 S.W. 830, 831 (Ky. Ct. App. 1897); *Vigil v. People*, 353 P.2d 82, 85-96 (Colo. 1960).

[57] О роли естественного права в юрисдикционной деятельности судов Европы см.: Бондарь Н.С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1 (61). С. 11 и след.; Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М.: Статут, 2011. С. 27 и след.; Beignier B. Portalis et le droit naturel dans le code civil // Revue d'histoire des facultés de droit et de la science juridique. 1988. No 6. P. 86 et seq.; Dreier H. Gustav Radbruch und die Mauerschützen // Juristen Zeitung. 1992. Bd. 52. S. 9 et seq.; Helmholz R.H. Natural Law In Court: A History Of Legal Theory In Practice. – Cambridge: Harvard University Press, 2015. P. 40 et seq.; Kirste S. Natural Law in Germany in the 20th Century // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Tome 1: Language Areas. – Dordrecht: Springer, 2016. P. 1155 et seq.; Pound R. Revival of Natural Law // Notre Dame Law Review. 1940. Vol. 17. Iss. 4. P. 334 et seq.

[58] См., например: Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 10 мая 2017 г. по *делу № 2-584/2017* // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 16 июня 2016 г. по *делу № 33-5867/2016* // СПС «Консультант Плюс»; Кассационное определение Брянского областного суда от 1 июля 2011 г. по *делу № 22-1005/2011* // СПС «Консультант Плюс».

июня 2015 г. по *делу № 2-2038/2015*[59] Королёвский городской суд Московской области сделал вывод о том, что «в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, *в том числе естественные права*».

На протяжении XVII – XVIII вв. естественно-правовое учение последовательно развивается в единую философскую систему, в центре которой находятся аксиологические основания права. Эта система, помимо судебной практики, начинает оказывать фундаментальное влияние на позитивное право, в том числе в контексте регламентации права на защиту. По свидетельству Д. Канале, многие естественно-правовые идеи нашли свое отражение во Всеобщем земском уложении для прусских государств (*Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten*) 1794 г.[60] На применимость естественного права при разрешении конкретных дел прямо указывает Всеобщее гражданское уложение Австрии[61] (*Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch*) 1811 г. в § 7 (текст которого за более чем 200-летний период существования данного кодекса, не претерпел каких-либо изменений): «Если дело не может быть решено ни в соответствии с буквальным содержанием закона, ни в соответствии с естественным смыслом его, то оно может быть решено так же, как дело, имеющее аналогичные фактические обстоятельства. В случае, если схожее по обстоятельствам дело никогда прежде не разрешалось, то судья выносит решение, руководствуясь естественными началами права (*natürlichen Rechtsgrundsätzen*)». К естественно-правовым идеям обращались и разработчики Французского гражданского кодекса 1804 г.[62] Комментируя кодификационные процессы в Западной Европе конца XVIII

---

[59] Решение Королевского городского суда Московской области от 3 июня 2015 г. по *делу № 2-2038/2015* // СПС «Консультант Плюс».

[60] См.: Canale D. The Many Faces of the Codification of Law in Modern Continental Europe // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 9: A History of the Philosophy of Law in the Civil Law World, 1600 – 1900. – Dordrecht: Springer, 2009. P. 140 et seq.

[61] Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch für die gesammten deutschen Erbländer der Oesterreichischen Monarchie vom. 1. Juni 1811 // Justizgesetzsammlung. 1811. Nr. 946.

[62] Саньяк Ф. Гражданское законодательство Французской революции (1789 – 1804). Перевод с французского / Под ред.: Челяпов Н.И.; Пер.: Старосельская-Никитина О.А.; Предисл.: Стучка П.И. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1928. С. 50 – 51.

– начала XIX вв., С.И. Раевич замечает: «Нельзя… не подивиться силе увлечения и ослепления, присущей естественно-правовой идеологии… Наивный оптимистический максимализм авторов проекта был настолько велик, и представление об относительности правовых идеалов настолько чуждо им, что они не сомневались в том, что основные положения, диктуемые «разумом и природой» и воплощенные ими в проекте …, смогут вполне удовлетворить потребности не только… всех… народов»[63].

Таким образом, с влиянием естественно-правовых учений, в позитивное право европейских государств к концу XVIII в., начинают включаться представления о праве на защиту, как всеобщем и неотъемлемом праве. Проводя доктринальный анализ Кодекса Наполеона, Ф. Лассаль в числе руководящих принципов, конституируемых данным кодексом, особо выделяет принцип всеобщности права на защиту, в соответствии с которым любому лицу принадлежит возможность обратиться за защитой своего нарушенного гражданского права во французский суд, а последний, в свою очередь, обязан предоставить такую защиту, если нарушение действительно имело место[64].

В этом смысле допустимо утверждать, что вследствие восприятия позитивным (в первую очередь – гражданским) правом естественно-правовых идей, право на защиту приобретает не только характер субъективного права, но и свойства общего принципа права (принципа всеобщности права на защиту). Вместе с тем, к XIX в. роль юснатурализма в профессиональной культуре европейских юристов начинает существенно снижаться: в центр теоретических исследований помещается догматика права, а цель правопознания меняется с отыскания рациональных и природных оснований на разработку юридических конструкций. Так, уже в 1811 г. один из основоположников исторической школы права Ф.-К. фон Савиньи объявит

---

[63] Раевич С.И. Проект Якобинского гражданского Кодекса 1793 г. (Первый Проект Камбасереса) // Революция права. 1928. № 1. С. 95.

[64] См.: Lassaulx F. Des Caractères distinctifs du Code Napoléon. – Paris: Chez Madame Duminil-Lesueur, 1811. P. 44 et seq.

естественные права «квази-предметом правовой науки»[65], тем самым констатируя недостаточность методологического потенциала юснатурализма.

В связи с этим, следующим этапом развития конструкции права на защиту становятся разработки юристов исторической школы и пандектистов, впервые представивших право на защиту в качестве генерализованного правового знания и общеправовой конструкции. Предваряя переход к указанному фрагменту настоящего исследования, сформулируем ряд промежуточных выводов:

1) Естественно-правовая доктрина отвергает сословно-классовый характер права на защиту, который был присущ ему прежде. По мысли юснатуралистов, единственным основанием права выступает человек как *естественное начало*, которому по природе не присущи какие-либо классовые различия. Тем самым, естественно-правовые учения формируют новое представление о субъекте права как в первую очередь о человеческой личности. Вследствие этого теория естественного права приходит к выводу о том, что право на защиту носит характер естественного начала всякого права, а потому в равной степени принадлежит каждому человеку. Впоследствии юснатуралисты приходят к идее о том, что естественное право на защиту присуще и обществу в целом, а также государству как объединениям свободных личностей, созданных на началах рационализма.

2) Метафизика естественного права проблематизировала лишь одну сторону правового статуса личности – его права, во многом игнорируя обязанности. В силу такого подхода, обязанность защиты была принципиально невозможна.

3) Юснатурализм XVII – XVIII в. постепенно приходит к идее о том, что всеобщность права на защиту является фундаментальным принципом естественного права, а значит – необходимым началом правовой системы. Эти представления постепенно проникают в позитивное право Европы: суды,

[65] Savigny F.C. von. Vorlesungen über juristische Methodologie 1802 – 1842 / Herausgegeben und eingeleitet von A. Mazzacane. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1993. S. 89.

обнаруживая пробелы в правовом регулировании, восполняют их с опорой на естественно-правовые представления. Очень ярко естественно-правовые начала обнаруживаются в европейских кодификациях конца XVIII – начала XIX в., в том числе – в контексте признания всеобщности и неотъемлемости права на защиту.

4) Естественно-правовая доктрина сумела преодолеть главные недостатки предшествующих теорий права на защиту, а именно – представления о том, что право на защиту принадлежит лишь ограниченному кругу субъектов, и что в ряде случаев обладатель этого права может быть принужден к его осуществлению. Кроме того, юснатуралистам принадлежит заслуга признания права на защиту не только за отдельными субъектами (гражданами), но и за сообществом людей в целом, народом. В частности, в естественно-правовой доктрине были заложены основы учения о праве на защиту с точки зрения международного права, то есть как о совокупности *юридических возможностей государства защищать себя, свои границы, свое население и, в конечном счете, свой суверенитет от недружественных актов других государств (в частности, от вооруженной интервенции)*.

5) Юснатурализм делает существенный шаг на пути к построению концепции права на защиту как *всеобщего права, принадлежащего любому субъекту и инвариантного классовой организации общества*. Вместе с тем, теория юснатуралистов, в силу изложенного ранее, рассматривает право на защиту как *естественное право*, а значит разрабатывает его как философскую идею, лежащую в основе правовой действительности, а не в качестве генерализующего компонента юридического знания (общеправовой конструкции). Сказанным также обусловлено и то, что понимание права на защиту в качестве правомочия игнорируется юснатуралистами. Таким образом, право на защиту как идея прочно закрепляется в естественно-правовой доктрине как исторически первой философии права и, в связи с этим,

начинает претендовать на формирование доминирующих образцов правовой культуры, правового поведения и позитивно-правового регулирования.

Разработка конструкции права на защиту в европейском праве и правоведении XIX в. и ее влияние на становление права на защиту в российской юриспруденции, позволяет сказать следующее. Немецкая историческая юриспруденция возникает как реакция на, с одной стороны, господство юснатурализма как методологии исследования права, и, с другой стороны, на его методологические недостатки. В частности, О. фон Гирке говорит о «смертоносной стреле естественно-правовой доктрины»[66], которая, по убеждениям автора, поразила подлинную науку права.

По замечанию австралийского юриста К. Янга, основатель исторической школы права Г. Гуго, критикуя естественно-правовые воззрения на государство и право, уделял при этом фундаментальное внимание односторонности права на защиту в юснатуралистическом понимании: по мысли Г. Гуго, трансцендентальная концепция права на защиту, предложенная юснатурализмом, по сути придавала этому праву роль некоторого априорного начала, имманентно лежащего в основе права, но, в то же время, не рассматривала особенности его реализации и собственно юридической природы[67].

Аспекты рассмотрения права на защиту исторической школой юристов были первоначально связаны с проблемой владения: в 1803 г. Ф.-К. фон Савиньи защищает диссертацию по праву владения (*Das Recht des Besitzes*), рассматривая последнее в качестве смыслообразующего начала права собственности – волевого акта, направленного на осуществление физического господства над вещью, как над своей (*animus possidendi*)[68]. Ф.-К. фон Савиньи приходит к выводу, что догматика римской юриспруденции, *de-facto* не

---

[66] Гирке О. фон. Естественное право и немецкое право // Савиньи Ф.-К. фон. Система современного римского права. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут, 2011. С. 32.

[67] Yang K. The Rise of Legal Positivism in Germany: A Prelude to Nazi Arbitrariness? // The Western Australian Jurist. 2012. Vol. 3. P. 248.

[68] Savigny F.C. von. Das Recht des Besitzes. – Wien: Druck und Verlag von Carl Gerold's Sohn, 1865. S. 109.

признавая за владением качества субъективного права, тем не менее, предоставляла ему защиту *de-jure*[69]. На этом основании Ф.-К. фон Савиньи приходит к выводу о том, что предметом права на защиту выступает не только субъективное право, но и защищаемый законом интерес[70].

Представления о юридическом интересе как о предмете права на защиту получают дальнейшее развитие в идеях Р. фон Иеринга, заложившего концептуальные основы юриспруденции интересов (*Die Interessenjurisprudenz*). По Р. фон Иерингу, основой всякого субъективного права выступает социально-экономический интерес, но при этом не всякий из этих интересов впоследствии становится субъективным правом; как писал Р. фон Иеринг, «закон, изданный для ограждения известной отрасли производства, приносит выгоду фабриканту; *он защищает его интересы, но не укрепляет за ним никаких прав* (курсив наш. – *Авт.*)»[71]. В такой логике правом на защиту всегда обеспечен правомерный (юридически обеспечиваемый) интерес – как в собственном смысле, так и в качестве субъективного права. Однако при этом Р. фон Иеринг не дает ответа на главный вопрос своей концепции – о природе права на защиту.

Идею Р. фон Иеринга о праве как о защищаемом законом интересе параллельно разрабатывают пандектисты. Так, основываясь на этой концепции Р. фон Иеринга, Б. Виндшейд приходит к выводу о том, что любому интересу, если таковой явно или имплицитно обеспечивается правовыми средствами, соответствует «право защиты»[72]. Это право, однако, не имеет жесткой функциональной привязки к конкретному интересу: в интерпретации

---

[69] Ibid. S. 61 et seq.

Характеризуя особенности владельческой защиты в интерпретации Ф.-К. фон Савиньи, немецкий юрист О. Эрлих пишет: «Пока владелец имеет субъективное право на долю в экономическом доходе, он уполномочен распоряжаться вещью, и имеет право на правовую защиту…» (Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М. В. Антонова; Под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. С. 145 – 146).

[70] Savigny F.C. von. Das Recht des Besitzes. S. 476.

[71] Иеринг Р. Интерес и право // Иеринг Р. Избранные труды. – Самара: Самарская государственная экономическая академия, 2003. С. 430.

[72] Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1. Общая часть. – СПб.: Изд. Гиероглифова и Никифорова, 1874. С. 184.

Б. Виндшейда право защиты есть присущая каждому субъекту возможность защищать свои интересы как *всеобщая юридическая гарантия*. При этом Б. Виндшейд отвергает идею о том, что право защиты следует причислять к субъективным правам: сам термин «право защиты», по мнению Б. Виндшейда, носит характер метафоры, в то время как само «право защиты» есть всеобщий правовой принцип, в соответствии с которым любой защищаемый законом интерес обеспечен процессуальными механизмами его защиты и принудительной реализации[73].

К схожим выводам приходит Ф.-К. фон Савиньи. Рассматривая особенности исковой защиты вещных прав в римском праве, исследователь говорит о праве на иск как о гарантии для субъекта права со стороны государства, в соответствии с которой, если право будет нарушено, то государство обеспечит потерпевшему его восстановление определенными процессуальными средствами[74]. «Некоторые пытались рассматривать права на иск как самостоятельный класс прав, стоящий в одном ряду с правами семьи, собственности и т.д., – писал в связи с этим Ф.-К. фон Савиньи. – …Эти права относятся скорее лишь к процессу развития или к метаморфозе, которая может наступить в каждом самостоятельном праве, и поэтому они находятся в одном ряду с возникновением и прекращением прав, которые также должны восприниматься только как отдельные моменты в процессе жизни прав, а не как сами права»[75]. Тем самым, римское право на иск в концепции Ф.-К. фон Савиньи – это уже не правомочие и не само субъективное право, а юридическая гарантия защиты, *общеправовой принцип, согласно которому интересы всякого субъекта, которые нарушаются или реализации которых препятствует кто-либо, защищены от таких посягательств со стороны государства*[76].

---

[73] См.: Там же. С. 289 и след.

[74] См.: Савиньи Ф.-К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. III / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут, 2013. С. 115.

[75] Там же. С. 324.

[76] См.: Там же. 660 – 661.

Таким образом, германская юриспруденция к середине XIX в. приходит к представлению о праве на защиту как о правовом принципе, гарантирующем всеобщность защиты юридически обеспеченных интересов. В этом смысле сам термин «право на защиту» приобретает характер теоретической метафоры, а обозначаемое им явление трактуется не как *право в собственном смысле*, а в качестве ценностного начала всей правовой системы в целом, *общеправового принципа*[77].

Для теоретической юриспруденции такой подход имел своим следствием восприятие концепции права на защиту более широким кругом правовых наук: если первоначально право на защиту рассматривалось по преимуществу цивилистической и процессуальной мыслью, то, понимаемое как принцип права, право на защиту начинает разрабатываться общей теорией права и публично-правовыми науками (в первую очередь государственным правом). Так, уже в 1876 г., характеризуя государственное право германских государств, П. Лабанд пишет: «Немецкая юридическая доктрина стала тем фундаментальным началом, которое обеспечило прежне разрозненным юридическим системам германских государств общее направление развития. Едва ли не каждое из этих государств сочло необходимым укрепить это начало в своем законодательстве, и первым шагом на пути такого укрепления стало указание в государственных законах на те юридические принципы, которым юриспруденция придает универсальные свойства – неприкосновенности личности и собственности, виновной ответственности… Среди них нашлось место и принципу всеобщей защиты, известному также под именем права защиты»[78]. Право на защиту как общеправовой принцип нашло свое отражение в конституционно-правовом институте индигената (*Indigenat*), который был закреплен в статье 3 раздела II Конституционного закона для Германских Государств (*Gesetz, betreffend die Verfassung des Deutschen*

[77] См.: Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: Дис. … д-ра юрид. наук. – М.: Институт государства и права Российской Академии Наук, 2019. С. 118.

[78] Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. Bd. 1. – Tübingen: Laupp Verlag, 1876. S. 321 et seq.

Reiches) от 16 апреля 1871 г.[79]: согласно данному положению, граждане или подданные германских государств пользовались на территории любого из этих государств едиными правовыми гарантиями, в том числе и юридической защитой (*Rechtsschutzes*). Профессор Калифорнийского университета С. Гардбаум отмечает в связи с этим, что с середины XIX в. до 1950-хх г. – периода кодификации международного гуманитарного права в Европе – принцип всеобщности защиты начинает утверждаться в качестве института конституционного права, а впоследствии – в качестве общеправового принципа, составившего идейную основу для формирования современной системы прав человека[80].

Развитие концепции права на защиту в качестве общего принципа права, нашедшее отражение в различных областях юридической науки, создает предпосылку для распространения данного принципа на область межгосударственных отношений. Так в науке международного права возникает идея о «праве самосохранения» как праве государства на защиту от вмешательства в его внутренние дела, посягательства на его территорию и суверенитет в широком смысле[81].

Таким образом, на исходе XIX в. вектор понимания юридической природы права на защиту существенно меняется: если прежде юриспруденция рассматривает право на защиту как субъективное право (либо естественное право), то, благодаря достижениям германской юриспруденции, европейская правовая наука приходит к пониманию права на защиту как общеправового принципа, в силу которого каждому гарантируется со стороны государства защита от нарушения или препятствия осуществлению субъективного права (и шире – обеспечиваемого законом интереса). Это понимание в дальнейшем находит наибольшее развитие в государственном и международном праве и в

[79] Gesetz, betreffend die Verfassung des Deutschen Reiches vom. 16. April 1871 // Deutsches Reichsgesetzblatt. Band 1871. Nr. 16.

[80] Gardbaum S. Human Rights as International Constitutional Rights // The European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. No. 4. P. 752, 764 et seq.

[81] См.: Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1882. С. 290 – 293.

соответствующих науках. Однако в отдельных областях юриспруденции – прежде всего в цивилистике и науках процессуального права – не теряют актуальность и традиционные представления о праве на защиту как о правомочии или субъективном праве[82]. Указанные концептуальные аспекты закладывают основу для современного права на защиту как фрагмента действительности позитивного права и правоведения в континентальной правовой традиции.

Следует отметить, что в такой форме представления о праве на защиту проникают и в отечественное право и юриспруденцию. Поясняя данное утверждение, отметим, что в социокультурном плане генезис отечественной правовой системы (в современном понимании этого термина) относится к XVIII – XIX столетиям[83] и связан прежде всего с рецепцией достижений западноевропейской – главным образом, немецкой – правовой мысли. Более ранние образцы законодательства, от русских «варварских» правд до соборных уложений, свидетельствуют в этом смысле не об оформлении права, а лишь об институционализации отдельных его элементов. Однако наличие *элементов* еще не свидетельствует о наличии самой *системы*[84], и в этом смысле оправданно считать, что право как система зарождается в России именно в XVIII – XIX вв.

---

[82] Так, немецкий процессуалист О. Бюлов рассматривал право на защиту как право истца требовать от судебных чиновников выполнения их функций, направленных на предоставление ему защиты от правонарушения (Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / пер. с нем. Д.С. Ксенофонтовой ; отв. ред. Д.Х. Валеев. – М.: Статут, 2019. С. 29).

В свою очередь, Г. Дернбург предлагает собственную оригинальную концепцию права на защиту. По его мнению, право на защиту представляет структурный элемент всякого субъективного права (правомочие), возникающий одновременно с нарушением этого права или созданием риска такого нарушения, и в этом смысле не является имманентно присущим субъективному праву элементом; если же право на защиту реализуется путем обращения в государственный суд, то здесь, по мысли Г. Дернбурга, идет речь не столько о праве на защиту в собственном смысле, сколько о «праве требовать правосудия… от судьи… в силу долга последнего» (Дернбург Г. Пандекты. Т. I. Общая часть. – М.: Унив. тип., 1906. С. 341 – 347).

[83] О генезисе российской правовой системы см.: Кодан С.В. Общегосударственное и местное право в Российской Империи: формирование и соотношение // Вопросы российской юстиции. 2015, № 1 (1). С. 54 – 55; Кодан С.В. Развитие системы российского права: основания и процесс создания юридических конструкций построения нормативного материала (IX – середина XVII в.) // Юридическая техника. 2013, № 7. С. 301 и след.; Кодан С.В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX – начало XX века) // Российский юридический журнал. 2012, № 1 (82). С. 174 и след.

[84] Об этом см. подробнее: Анохин П.К. Избранные труды: философские аспекты теории систем. – М.: Наука, 1978; Клир Д. Системология. – М.: Радио и связь, 1973.

В отличие от западноевропейского, в восточноевропейском концептуальном пространстве в области осмысления права исторически доминировал не теоретический подход, а *символический*[85]. Право осмысливалось в русле философской и богословской мысли как своего рода символ порядка, как особый социокультурный феномен, сущность которого не могло в полной мере передать ни законодательство, ни какие-либо иные правовые регуляторы. До XVIII столетия, отмечает М.Н. Капустин, в Восточной Европе «символическое выражение права было преобладающим и почти исключительным; понятия и признаки права находили в них свое формулирование; *в символах и символических обрядах заключалось все право*»[86]. При такой концептуальной установке формирование правовой науки существенно затруднялось, и в первую очередь – вследствие специфической культурной формы выражения права как символа в национальном сознании[87]. «Символы, – пишет в связи с этим В.А. Томсинов, – составляли не просто форму юридически значимых действий, *но и само их содержание*»[88]. В этом смысле, как подчеркивал дореволюционный российский юрист Ф.Л. Морошкин, «каждый символ был необходимым и естественным выражением мысли и имел священно-историческое значение. Что после осталось только символом, то в древности было самой материей действия или содержанием»[89].

Символическое выражение права в социокультурном пространстве России предопределило, таким образом, специфику его осмысления. Если для Западной Европы право было в первую очередь догмой, квинтэссенцией социального порядка и практики, которая, как правило, имела текстуальное выражение и нуждалась в осмыслении особыми методологическими

---

[85] Об особенностях теоретического подхода к исследованию правовых явлений см.: Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.Б. Исакова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 16.

[86] Капустин М.Н. Теория права. Общая догматика. – М.: Унив. тип., 1868. С. 110.

[87] См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1907. С. 213 – 214.

[88] Томсинов В.А. История русской юриспруденции. X – XVII века: Учебное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2017. С. 14.

[89] Морошкин Ф.Л. О постепенном образовании законодательств. Рассуждение для получения степени магистра этико-политических наук. – М.: Унив. тип., 1832. С. 128.

средствами, то символическое восприятие права в восточной части европейского континента обусловило его осмысление вненаучными методами[90]. Таким образом, сакрализация права, его восприятие как священного начала, выраженного в символах и содержащегося в них, образовали в отечественном концептуальном пространстве особую культурно-когнитивную установку, во многом не соотносимую с той установкой, которая выработалась в западноевропейском мышлении относительно понимания и познания права. Это нашло свое отражение в том, что сакральный характер права связывался в России прежде всего с представлениями о праве как о производном феномене от канонов православия, от образцов социального поведения, воплощенном в житиях святых[91]. В связи с этим российской правовой мысли как в период Средневековья, так и в первые века Нового времени, чужды проблемы правовых понятий, принципов права, юридических конструкций и т.п.: ей известно, *как* должен поступать человек, но неизвестно, *что (какие субъективные права и юридический обязанности)* лежит в основе его поведения. По этой причине *до XVIII в. российская юридическая мысль не разрабатывает ни категорию субъективного права в целом, ни концепцию права на защиту в частности*.

В заданном контексте XVIII – XIX вв. стали для Восточной Европы и России периодом рецепции культурных достижений Запада. Следствием такой рецепции стало, помимо прочего, изменение гносеологической установки правопознания. Такая ситуация была обусловлена тем, что становление университетской традиции юридического образования и науки в Восточной Европе (в том числе в России) происходило в рамках прямой ретрансляции западноевропейских методологических подходов к пониманию и изучению права: первыми преподавателями права в восточноевропейских университетах были юристы Западной Европы, не знакомые с правом восточноевропейских

[90] См.: Лукич Р. Методология права. – М.: Прогресс, 1981. С. 217.

[91] См.: Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: Монография. – М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 299 – 300.

государств, а потому основывающие учебные курсы на известном им правовом материале – западноевропейском праве[92].

С указанным периодом связано становление первых научных разработок в области правоведения в Восточной Европе; в России рассматриваемого исторического периода одним из первых исследователей, осмысливающих право в русле западноевропейской юридико-методологической традиции, стал С.Е. Десницкий[93]. В то же время следует подчеркнуть, что восточноевропейское правоведение в результате рецепции западноевропейской юридико-научной методологии не утратило связи с веками вырабатывавшейся традицией философского, символического осмысления права. Это, в частности, выражалось в том, что последующая восточноевропейская юриспруденция сохранила приверженность философской традиции осмысления права, соединенной с собственно юридико-научной разработкой правовых теорий.

Таким образом, именно вследствие рецепции культурных достижений Запада в России возникает право, как система, а также его научные концепции. По этому поводу Г.Ф. Шершеневич высказывался следующим образом: «Зная исторические условия умственного развития России, принужденной скачками догонять Западную Европу, с которой после долгого разобщения ей пришлось в XVIII веке сближаться, нельзя, конечно, ожидать, чтобы наука права развивалась в России самостоятельно»[94]. Такой подход, основанный на историческом анализе динамики отечественного правоведения и подтвержденный данными общественно-исторической практики, находит

---

[92] Об этом см. подробнее: Морошкин Ф.Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3, № 8. С. 224; Томсинов В.А. Первый профессор юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723 – 1781) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015, № 2. С. 5; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: Учебное пособие. Издание второе, дополненное. – М.: Зерцало-М, 2012. С. 78 и след.

[93] Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Том 1 / Под общ. ред. И.Я. Щипанова. – Л.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 210.

[94] Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России / Науч. ред.: Ем В.С. – М.: Статут, 2003. С. 26.

поддержку у многих других авторов, обращающимся к истории российской правовой науки. К примеру, российский юрист А.А. Благовещенский, рассматривая становление отечественной правовой науки в методологическом контексте, отмечает: «До времен Петра I познание отечественных законов состояло только в случайном знакомстве с существующими законами, в наружном искусстве прилагать их к встречающимся случаям и в наблюдении судебных форм и порядков делопроизводства»[95]. Схожего мнения придерживался классик российского правоведения Н.М. Коркунов, который писал, что в рассматриваемый исторический период «наше отношение к западной науке можно сравнить с отношением глоссаторов к римской юриспруденции. И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам прежде всего надо было *подняться до уровня иноземной науки* (курсив наш. – *Авт.*)»[96]. Обстоятельно анализируя правовые учения в России Нового времени, Э.В. Кузнецов также приходит к выводу о том, что российское правоведение становится в русло континентальной юридико-методологической традиции не ранее начала XIX в.[97]

Итак, становление отечественного права и науки о нем было непосредственно обусловлено прямым влиянием западноевропейской правовой мысли, рецепцией права Западной Европы[98]. Тем самым допустимо выдвинуть тезис о том, что и само право на защиту как юридическая

---

[95] Благовещенский А.А. История мето́д науки законоведения в XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1835, ч. VI. С. 438.

[96] Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. 5-е изд. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. С. 233.

[97] См.: Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М.: Юридическая литература, 1989. С. 30 – 38.

[98] Очень точно особенности механизма этой рецепции описывает В.Н. Синюков, отмечая: «Если раньше [до XVIII в. – *Авт.*] под правом мыслилась прежде всего «воля земли» и те акты власти, которые были совместимы с общественным укладом и имманентны духу русского общества, его религиозно-этическим нормам, то теперь под правом разумеется такой закон, который как бы сконструкирован, создан по заранее намеченному плану разумным законодателем-сувереном, а сознание народа рассматривается как объект воздействия, просвещения» (Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. С. 136).

Вполне возможно, что последовавшая за этим десакрализация права и отчуждение власти от народа в общественном сознании заложили (а последующее правовое развитие – закрепило) сугубо негативные тенденции в национальном правосознании, обусловленные столь резким разрывом с прежней правовой традицией (см.: Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. VII. – М.: Издательство АН СССР, 1950. С. 251).

конструкция, и его научно-теоретические концепции в науке возникают в *системно организованной* правовой действительности России не ранее XIX в.

По замечанию Е.В. Васьковского, отечественная правовая наука в XIX в. находится под сильным влиянием германской юриспруденции, в связи с чем аспекты понимания права на защиту, выработанные в теориях исторической школы и пандектистов, без каких-либо концептуальных изменений воспринимаются российским правоведением[99].

Характерным примером в этом смысле выступают рассуждения Д.И. Мейера о природе права на защиту как о принципиальном основании права: «Право… защиты не составляет какого-либо особенного права, составной части права…: право… защиты сопутствует всякому праву, входит в состав самого понятия о праве – право без права… защиты – не право»[100]. Таким образом, Д.И. Мейер рассматривает право на защиту в качестве принципа, следуя в этом смысле концептуальным установкам, доминирующим в германской юриспруденции середины XIX в. В свою очередь, К.П. Победоносцев остается на более ранней концепции права на защиту, рассматривая его в качестве субъективного права[101]. Наконец, Е.А. Нефедьев упоминает о том, что в большинстве работ российских юристов право на защиту определялось в качестве правомочия в составе конкретного субъективного права, и что право на защиту имеет специфическое содержание в процессуальных доктринах[102].

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв., вслед за европейской юриспруденцией, российская правовая наука приступает к разработке учения о праве на защиту, по существу при этом следуя генеральной линии развития

---

[99] См.: Васьковский Е.В. Жалоба, иск и право на судебную защиту // Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода. – М.: Статут, 2016. С. 611 и след.

См. также: Арсланов К.М. Конвергенция российского и германского опыта гражданско-правового регулирования: история, современность и перспектива: Дис. … д-ра юрид. наук. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. С. 205.

[100] Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. I. – М.: Статут, 2003. С. 329.

[101] См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть. Вотчинные права. – СПб.: Синодальная типография, 1896. С. 535.

[102] См.: Нефедьев Е.А. Учение об иске. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1895. С. 7, 20 и след.

германского правоведения. В связи с этим в отечественных правовых исследованиях рассматриваемого периода встречаются различные аспекты понимания права на защиту: в качестве правомочия, субъективного гражданского права, правового принципа. Эти концептуальные представления сохраняют жизнеспособность и в советский период развития отечественной юриспруденции[103], и в правовой науке современной России[104].

В целом следует отметить, что XX в. не привносит ничего нового в сформированные в предыдущем столетии представления о сущности, формах и содержании права на защиту. Будучи веком становления национальных правовых систем и юридических доктрин, XX в., тем не менее, остается в концептуальном русле прежней доктрины. Стоит, однако, заметить, что соответствующие доктринальные положения были впоследствии имплементированы в национальные законодательства и нормы международного права, завершив, тем самым, генеральную линию своего развития от философско-правовой идеи до разветвленной системы нормативных юридических конструкций. Наиболее подробно примеры такой имплементации (а равно – сопровождающие ее теоретико-правовые проблемы) будут рассмотрены в настоящем исследовании.

В связи с этим, завершая данный фрагмент и исторический аспект настоящего исследования в целом, сформулируем *следующие выводы*:

1. На исходе XIX в. вектор понимания юридической природы права на защиту существенно меняется: если прежде юриспруденция рассматривает

---

[103] Наиболее подробное исследование юридической природы права на защиту как социально-правового феномена дано в монографических исследованиях В.П. Грибанова, где ученый рассматривает основные аспекты понимания права на защиту в советской цивилистической и процессуальной литературе (см.: Грибанов В.П. Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав: Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1970. С. 21 – 22; Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. С. 104 – 117).

[104] См.: Болгова В.В. Формы защиты субъективного права: Дис. … канд. юрид. наук. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2000. С. 35; Далбаева Н.Н. Природа права на защиту // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы V ежегодной междунар. науч. практ. конф. (г. Иркутск, 21 мая 2016 г.). – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. С. 62 и след.; Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. – М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 19 – 29.

право на защиту как субъективное право (либо естественное право), то, благодаря достижениям германской юриспруденции, европейская правовая наука приходит к пониманию права на защиту как общеправового принципа, в силу которого каждому гарантируется со стороны государства защита от нарушения или препятствия осуществлению субъективного права (и шире – обеспечиваемого законом интереса). Это понимание в дальнейшем находит наибольшее развитие в государственном и международном праве и в соответствующих науках.

2. В XIX столетии в связи с развитием традиции теоретической юриспруденции сам термин «право на защиту» приобретает характер теоретической метафоры, а обозначаемое им явление трактуется не как *право в собственном смысле*, а в качестве ценностного начала всей правовой системы в целом, *общеправового принципа.*

3. В отдельных областях юриспруденции – прежде всего в цивилистике и науках процессуального права – не теряют актуальность и традиционные представления о праве на защиту как о правомочии или субъективном праве. Указанные концептуальные аспекты закладывают основу для современного права на защиту как фрагмента действительности позитивного права и правоведения в континентальной правовой традиции.

4. В европейской правовой науке конца XIX – начала XX вв. утверждается несколько аспектов понимания права на защиту. В соответствии с первым (цивилистическим), право на защиту представляет собой самостоятельное субъективное право, либо правомочие в составе субъективного права. В соответствии со вторым (процессуальным), право на защиту понимается как способность стороны в процессе защищаться против предъявленного обвинения или иска путем реализации своей процессуальной правоспособности. Наконец, третий аспект (общеправовой) основан на идее о том, что термин «право на защиту» является научной метафорой, и им

обозначается общеправовой принцип, в силу которого каждому гарантируется защита его нарушенного права.

4. Аспекты понимания права на защиту, выработанные европейской юридической доктриной XIX в., в теоретическом плане остаются практически неизменными в последующий период развития теоретической юриспруденции. В то же время обращение к иностранному и международно-правовому опыту позволяет судить о том, что в XX веке концептуальные основания доктрины права на защиту, сформированные в юриспруденции континентальной Европы XIX в., были учтены при разработке национальных и международно-правовых актов, приобретя, таким образом, характер нормативных юридических конструкций.

§ 2. Право на защиту в системе российского законодательства X–XVIII вв.

Целью настоящей части нашей диссертации является анализ того, чем и какими институтами государства обеспечивалась возможность использования субъектом своего права на защиту. Автором настоящей диссертации это проводится на материале памятников русского права, а также законодательства русского государства X – XVIII вв.

Историко-правовой дискурс права на защиту в российской государственности выбран потому, что, с одной стороны, он наименее изучен исследователями с интересующей нас стороны, а с другой стороны, важно определить особенности исторического развития права на защиту, который по существу, обеспечивался развитием различных государственных органов (административные, церковные, правоохранительные, военные).

Важнейшим памятником и источником древнерусского права, ознаменовавшим зарождение не только системы прав и свобод, но и их защиты на территории нашего государства, считается Русская Правда, как сборник

правовых норм XI – XV вв. Она включает в себя нормы наследственных, семейных, гражданских, процессуальных и иных правоотношений, но по большей части, и уголовных правоотношений. Закрепляя правовой статус различных категорий населения, Русская правда активизировала процесс возникновения и дальнейшего правового закрепления основных идей и начал, на которых в дальнейшем стало базироваться законодательство в области их защиты на различных этапах государственно-правового развития. Древнерусские властно-правовые предписания основывались на обычаях и традициях славянских племен, которые в качестве признаваемых от имени государства правоположений, формировали систему государственного права[105].

Согласно нормам Русской Правды, как отмечают исследователи, «правосудие в Древней Руси осуществлялось не специализированными только на нем одном органами, а выполнявшими и иные политико-правовые функции»[106]. Связанно это было с тем, что в Древней Руси еще не существовало специальных судебных органов. «Судебные функции выполнялись теми или иными представителями администрации, включая самого великого князя»[107]. Поэтому в научной литературе в качестве органов, исполнявших кроме иных и судебные функции в Древнерусском государстве, указываются:

1) князь, судебные функции которого «простирались на всю землю и вне резиденции осуществлялись им лично или через проезжий суд, или через постоянных чиновников (посадников и тиунов), действующих постоянно от

---

[105] См. подробнее: Кодан С.В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX – начало XX века) / С.В. Кодан // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 171-178.

[106] Заболоцкая Т.В., Ефимова Д.А. Судебный процесс в средневековой Руси / Т.В, Заболоцкая, Д.А. Ефимова // История государства и права. 2007. № 4. С. 19; Судолова Л.А. Судебная система и проблемы разрешения экономических споров в эволюции государства и права России с IX по XX вв. (историко-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. / Судолова Лариса Анатольевна СПб., 2008. С. 63.

[107] Власов В.И. История судебной власти в России. Книга первая (1019 – 1917). / В.И. Власов М.: Спутник+, 2003. С. 124-129; Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. Т. 1. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин; Нац. обществ.-науч. фонд, Ин-т развития права и судеб. практики. М.: Мысль, 2003. С. 5

имени князя». При этом, в качестве места суда выступал не только «княж двор» - резиденция князя, но и те дворы, где сидели в провинциях княжие чиновники»;

2) бояре, имевшие право, как отдельного судопроизводства над населявшими их владения лицами, «заменяя княжий суд», так и судить вместе с князем в постоянно действующих судах;

3) вече, имевшее право обсуждать не только «нарушение «прав целой земли» (т.е. дела о земской измене и других государственных преступлениях), но первоначально и всякие иски»[108].

Таким образом, Русская Правда не устанавливала специальных правовых норм, определяющих компетенцию государственных органов, обладавших, в том числе, и судебными функциями. Однако, анализируя отдельные нормы, можно определить некоторую правоподсудность отдельных категорий дел по отношению к конкретным субъектам их рассмотрения и разрешения.

На наш взгляд, это подтверждает тот факт, что система законодательства Древней Руси основывалась на принципе защиты правового статуса различных категорий населения (определенного законом объема прав и обязанностей), поскольку предусматривались различные способы их защиты в случае нарушения или восстановления нарушенного права.

Примерами могут служить ст. 12 Краткой редакции Русской Правды[109] (ок. 1072 г.), в которой упоминается о делах, связанных с незаконным пользованием имущества; ст. 13, в свою очередь, регламентирующая порядок изъятия собственником своей вещи у владельца[110]; а также ст. ст. 33 и 34 Пространной редакции Русской Правды (Пространная Правда Русская[111],

---

[108] Владимирский-Буданов В.Ф. Обзор истории русского права. / В.Ф. Владимирский-Буданов Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 582.

[109] Русская правда в краткой редакции // URL: http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php (дата обращения 20.11.2018 г.)

[110] Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин; Под общ. ред.: Чистяков О.И. М.: Юридическая литература, 1984. С. 56.

[111] Пространная Правда Русская // URL: http://www.rpravda.uniyar.ac.ru/book/rusprav_long.pdf (дата обращения 20.11.2018 г.)

создана в 20-30-е гг. XII в.). В тексте Пространной редакции Русской Правды, в отличие от Краткой редакции, присутствуют нормы права, регламентирующие наследственные правоотношения (ст. ст. 90-109).

Следует отметить, что подсудность таких дел так же, как и защита имущественных правоотношений в виде гарантированного возмещения ущерба (например, ст. ст. 39, 44), не имела четкой регламентации. В свою очередь, Краткая редакция Русской Правды также устанавливала положения, дающие возможность возмещения ущерба, но только в случаях совершения преступлений уголовного характера. Таким образом, охрана прав осуществлялась не только при защите имущественных прав, но и в области уголовных правоотношений. Пространная редакция Русской Правды предусматривала ответственность за убийство на территории верви, убийство, совершенное в общественном месте и иное.

Толкование ст. 15 Краткой редакции Русской Правды позволяет сделать вывод о том, что дела, перечисленные в ст. ст. 12, 13 подлежат рассмотрению общинными судами[112]. Правоподсудность данных судов определялась соответственно территорией проживания каждой отдельной общины. Так, Пространная редакция Русской Правды регламентировала договорные правоотношения, в частности: займа, хранения, поклажи и иное (см., например, ст. ст. 47-50). Ю. К. Краснов отмечает, что «в эпоху Русской правды представители общины, занимаются исками, возникающими из договоров»[113].

Согласно ст. 33 Краткой редакции Русской Правды, Великий и удельные князья, как высшая судебная инстанция, рассматривали только дела, которые либо были совершены их дружинниками и слугами, либо в отношении этих категорий населения. Однако комментарий ст. 108 Пространной редакции Русской Правды, позволяет задуматься о возможности отнесения споров, вытекающих из наследственных правоотношений к подсудности княжеского

[112] Там же, с. 56-57. О существовании общинного суда косвенно указано в статье 33 Краткой редакции Русской Правды.

[113] Краснов Ю.К. Российская государственность: Генезис и эволюция институтов власти, проблемы модернизации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Краснов Юрий Константинович М., 2003. С. 235-236.

суда. Так, «ст. 108 Пространной редакции Русской Правды свидетельствует об отнесении споров братьев между собой о разделе наследства к княжеской компетенции, однако она изложена в условной форме (если спорящие обратятся к княжескому суду), как считал еще Н. Дювернуа.

На этом основании можно предположить, что они могут обратиться по данному делу к другому органу. Действительно, судя по Уставу кн. Владимира, на участие в решении конфликта, когда дети или братья «тяжутся о задници», претендовала церковь. М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич, А. Е. Пресняков и Я. Н. Щапов видят здесь конкуренцию судов, к которым могли обратиться тяжущиеся. Иное мнение имел Е. Е. Голубинский, считавший, что наследственные дела подлежали только княжескому суду»[114].

Кроме того, как верно отмечают Т. В. Заболоцкая и Д. А. Ефимова, «договор 911 г. определил, что подданный Великого князя, даже пребывающий в Византии, должен судиться на своей родине. Византийские судебные органы не имели право судить его, а должны были передать в руки своих русских коллег. Византийцы в принципе согласились на то, оговорив, однако, аналогичные права для себя... Принцип заключался в подсудности конкретного человека в зависимости от его подданства, а не места временного проживания. Русский, живущий в Византии, но сохранивший подданство русского государя, должен быть судим исключительно русским судом. Впрочем, в ряде статей предусматривалось и правила территориальной, а не национальной подсудности»[115].

Таким образом, Русская Правда прямого закрепления принципа права на защиту в целом как общеправового принципа не предусматривала. Тем не менее, именно в Русской Правде был определен механизм защиты правового статуса различных категорий населения в рамках реализации и применения различных способов, условий и гарантий. Поэтому зарождением принципа

[114] Российское законодательство X -- XX веков. С. 121-122.
[115] Заболоцкая Т.В., Ефимова Д.А. Судебный процесс в средневековой Руси. С. 19.

защиты прав и свобод человека, можно считать период принятия и действия Русской Правды. Обусловлено это тем, что данный правовой акт закреплял нормы, позволяющие человеку осуществить восстановление нарушенных прав и свобод, тем самым, с одной стороны, государство Древней Руси брало на себя обязанность по осуществлению гарантии прав и свобод, с другой стороны, их охрану и защиту.

Особое место в правовом урегулировании защиты прав занимают древнерусские княжеские уставы и уставные грамоты, посвященные государственному управлению, судопроизводству и налогообложению. Актуальность их исследования обусловлена тем, что они затрагивают непосредственно правила, определяющие компетенцию церковных судов, позволяющих реализовать право на защиту. Объяснение этому, на наш взгляд, служит то, что церковные организации занимали особое место в системе государства.

Согласно ст. 4 Оленинской редакции Устава князя Владимира Святославича «О десятинах, судах и людях церковных»[116] (далее по тексту – Оленинская редакция Устава), «и по том возрех в греческий номоканун и обретох в нем, юже не подобает сих тяжь и судов судити князю, ни бояром, ни судьям его…Статья ограничивает пределы светской юрисдикции, осуществляемой князем, боярами и судьями князя, вводя церковное судопроизводство»[117]. В отличие от Русской правды, ст. 9 Оленинской редакции Устава определяла реализацию права на защиту путем точного закрепления правил подсудности церковного суда. Так «дал есмь: роспусты, смильное, заставание, умыкание, пошибание, промежи мужем и женою о животе, или о племени, или о сватовстве поимутся, ведство, урекание, узлы, зелье, еретичество, зубоядение, иже отца и матерь бьют, или сын и дочи бьетася, иже истяжются о задници».

---

[116] Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. Конец X – XII вв. // URL: http://xn-e1aaejmenocxq.xn-p1ai/node/13619 (дата обращения 22.11.2018г.)

[117] Российское законодательство X – XX веков. С. 144.

Аналогичное закрепление правил подсудности церковному суду содержала и Синодальная редакция Устава «О десятинах, судах и людях церковных»[118] (далее по тексту – Синодальная редакция Устава). Большинство упомянутых дел находились «вне компетенции княжеского суда, который не составлял конкуренции суду церковному. Осуществляя судопроизводство по определенным делам, церковь превращалась в своего рода судебный орган феодального государства»[119]. К числу дел, относящихся к компетенции церковного суда, относятся: ««смильное» – незаконная связь мужчины и женщины; «промежи мужем и женою о животе» – споры между супругами об имуществе; «иже истяжются о задници» – суд по спорам о наследстве между родственниками могли вести и церковные, и светские власти, но, судя по условной форме в ст. 108 Пространной редакции Русской Правды, княжеская власть рассматривала эти дела только в особых случаях; «заставание» – нарушение супружеской верности, доказанное свидетелями; «или о племени или в сватовстве поимутся» – нарушение запретов браков между близкими родственниками и свойственниками»[120].

Таким образом, церковный суд осуществлял в полной мере реализацию принципа защиты прав в семейно-брачных отношениях, и частично - в наследственных правоотношениях. Правда, учитывая нормы Русской Правды в отношении решения наследственных споров, следует сделать вывод о двойной правоподсудности данной категории дел, т.е. четкие границы при осуществлении защиты прав категорий населения в подсудности государственных органов, осуществляющих правосудие, отсутствовали, поэтому невозможно определить насколько четко соблюдался правовой принцип права на защиту.

Анализ содержания ст. 4 – 8 Оленинской редакции Устава позволяет сделать вывод о том, что споры о подсудности между церковными и светскими

---

[118] Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. Конец X – XII вв. // URL: http://xn-e1aaejmenocxq.xn-p1ai/node/13619 (дата обращения 22.11.2018г.)

[119] Российское законодательство X -- XX веков. С. 145.

[120] Российское законодательство X -- XX веков. С. 145.

судебными органами были запрещены. Поскольку, во-первых, предусматривалось разделение светской и церковной судебной компетенции, во-вторых, никто не мог вмешиваться в дела, отданные на рассмотрение церковному суду. Следует отметить, что уже в Синодальной редакции Устава, а также и в последующих княжеских уставах был четко регламентирован отказ князя и иных лиц от вмешательства в дела, переданные церкви, что было обосновано правилами греческой православной церкви.

Все это позволяет говорить о признании права на защиту как правовой категории, поскольку памятник права предусматривал конкретные гарантии и правовые последствия несоблюдения соответствующих правил и требований, которые были направлены на реализацию закрепленного в нормах Устава права на защиту. Таким образом, Синодальная и Оленинская редакции Устава князя «О десятинах, судах и людях церковных» основывались на строгом соблюдении правовых положений и установлений, которые базировались на соблюдении принципа защиты прав и свобод человека.

Особое значение для анализа особенностей правового закрепления института права на защиту в истории Древнерусского государства имеют Смоленские уставные грамоты[121]. Появление «Уставной и жалованной грамот князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и Епископу» (далее по тексту – Смоленская уставная грамота) было «связано с учреждением в Смоленске епископии, обеспечением ее материальными средствами и передачей церковной власти ряда публичных прав»[122], в ней «было зафиксировано первоначальное место данной епископии в системе власти и управления города, причем это сделано подробно, с исключительной полнотой[123].

---

[121] Смоленские уставные грамоты. К 350-летию воссоздания Смоленской епархии Русской Православной Церкви (комментарий в контексте права) / Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. М.: Наука, 1976. С. 141-146. // URL: Церковно-Научный центр «Православная энциклопедия» http://www.sedmitza.ru/text/400725.html (дата обращения 22.11.2018)

[122] Российское законодательство X – XX веков. С. 212.

[123] Смоленские уставные грамоты. К 350-летию воссоздания Смоленской епархии Русской Православной Церкви (комментарий в контексте права). С. 145.

В отличие от ранее исследованных источников права Древнерусского государства, имевших казуистичный характер, в силу чего реализация принципа защиты прав обладала несколько «хаотичным» характером, в Смоленской уставной грамоте есть статья, четко закрепляющая компетенцию церковного суда, а именно: самовольные разводы; двоеженство; брак, в котором супруги находятся в близком родстве; похищение невесты для брака; возможно, оскорбление женщины словом и действием; дело о применении зелий – трав, лекарств и убийство, совершенное таким образом; драка между женщинами; конфликты и тяжбы между церковниками; наследственные дела, связанные со служителями церкви.

Таким образом, положения и установления, закрепленные в нормах права Древней Руси, позволяют говорить о наличии правовых начал, позволяющих осуществлять защиту и охрану гарантированных законом прав. В свою очередь, само законодательство напрямую не закрепляло правовой принцип права на защиту, но предусматривало его содержание и некоторый порядок осуществления. Так, реализация права на защиту осуществлялось государством в судах Великого и удельных Князей, боярского, общинного и церковного судов.

Тем самым, установление правоположений о гарантированности правового принципа защиты прав основывалось на статьях о защите и охране правового статуса всех категорий населения, что, по нашему мнению, позволяет говорить о том, что «с развитием российской правовой системы совершенствовались и формы защиты права, усложнялись правила осуществления судопроизводства, а количество обязательных норм, подлежащих применению, увеличивалось»[124].

Защита прав и свобод человека в Новгородской судной грамоте[125] (далее по тексту – НСГ), согласно ст. 1 – 4 осуществлялась государственными

---

[124] Ильяшенко К.В. Судебное представительство в России до 1917 г. (исторический аспект). / К.В. Ильяшенко. // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 221.

[125] Новгородская судная грамота 1471 г. // URL: http://www.hrono.ru/dokum/1400dok/1471novgorsud.php (дата обращения 24.11.2018 г.)

органами в лице архиепископа, посадника, наместника Великого князя, тысяцкого, наделенных судебными функциями. Ст. 3 НСГ устанавливала право о пересуде дела, которое наместник Великого князя и тиун должны были «ведать по старине»[126], т. е. каждый обладал правом на обжалование судебного решения (апелляцию и кассацию в современных нормах процессуального права), принятого нижестоящим судом.

В тексте ст. 1 НСГ защита права была регламентирована в нормах, разграничивающих компетенцию судебных государственных (городских) органов в соответствии с принципом сословности: «Нареченному на архиепископство Великого Новагорода и Пскова священному иноку Феофилу судити суд свои, суд святительски по святых отецъ правилу, по манакануну; а судити ему всех равно, как боярина, так и житьего, так и молодчего человека». Речь идет о том, что «архиепископу Новгорода (владычном суде), были подсудны не только церковные люди, но и светские (бояре, житьи – средние феодалы, молодчии – низшие слои городского населения)»[127]. Вместе с этим, содержание НСГ не дает возможности определить компетенцию упомянутых органов в отношении функциональной реализации права на защиту, хотя объектный состав имущественных прав, по сравнению с Русской правдой, редакциями Устава и Смоленскими грамотами, был расширен за счет земельных правоотношений.

Ю. К. Краснов абсолютно верно отмечает, что «новгородское судопроизводство основано на разделении подсудности между княжескими и общинно-вечевыми органами суда». При этом, по его мнению, княжеские органы, как отмечается в Уставной грамоте новгородского князя Всеволода Мстиславича Церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках[128], «сам князь, его

---

[126] Пересуд — повторное рассмотрение дел в высшей судебной инстанции, коей являются наместник великого князя с тиуном – специальным должностным лицом Новгородской администрации // Российское законодательство X — XX веков. С. 310.

[127] Российское законодательство X — XX веков. С. 309.

[128] Уставная грамота новгородского князя Всеволода Мстиславича Церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках / Памятники по истории Великого Новгорода. Серия Памятники русской истории / Под ред. С. В. Бахрушина М.: Изд-во Н. Н. Клочкова, 1909. 87 с. // URL: https://history.wikireading.ru/300243 (дата обращения 24.11.2018г.)

наместник и тиун занимаются преимущественно уголовными исками. Суд посадника занимается преимущественно тяжбами по поземельной собственности; суд тысяцкого рассматривает преимущественно иски, возникающие из договоров между лицами торговыми: «дела торговая, гостиная и суд торговый»[129].

По сравнению с источниками права Древней Руси, ст. 13 НСГ закрепляла право на встречный иск: «А в котором деле позовет истец истца, а поищет своего дела, а будет тому истцю до своего истца дело; ино ему позвать своего истца, а поискать ему одиного ж жела; а иных позвов на него не класти в ыном деле, ни ноугородцов не научивати без хитрости по крестному целованью, доколе те суды кончают»[130]. НСГ впервые закрепила не только порядок подачи встреченного иска, но и определила его территориальную подсудность[131]. Таким образом, НСГ предусматривала сословный характер системы гарантий осуществления прав человека, правила подачи встречного иска, территориальной подсудности и права на обжалование судебного акта, при этом отсутствовало правовое закрепление общих правил и требований, позволяющих осуществить право на защиту. Поэтому право на защиту в городе Новгороде осуществлялось уже через легальную гарантию повторной защиты нарушенных прав и свобод. Кроме того, нормами НСГ предусматривалась помощь в защите нарушенных прав со стороны специальных лиц – поверенных (пособников) любому желающему[132].

Псковская судная грамота[133] (далее по тексту – ПСГ) к органам, которые имели право осуществлять правосудие, относила: Князя, Посадника, сотских, Владычного наместника, Наместник князя, Наместника новгородского

---

[129] Краснов Ю.К. Российская государственность … С. 236-237.

[130] Уставная грамота новгородского князя Всеволода Мстиславича Церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках // URL: https://history.wikireading.ru/300243 (дата обращения 24.11.2018г.)

[131] Российское законодательство X – XX веков. С. 313.

[132] Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 6-е. СПб.; Киев: Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1909. С. 615.

[133] Псковская судная грамота / Хрестоматия по истории СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVII века. / Сост.: В. И. Лебедев, М. Н. Тихомиров, В. Е. Сыроечковский. 4-е изд., испр. и доп. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1951. 545 с. // URL: http://arhiv.bibliotekar.ru/4-1-14-hrestomatiya-po-istorii/92.htm (дата обращения 24.11.2018г.)

архиепископа, а также местные и специализированные (торговые) суды.

При этом в соответствие со ст. 3 посадник «при возведении на свою должность должен присягнуть в том, что судить ему справедливо, по присяге, не пользоваться городскими доходами, не мстить никому по вражде своим судом, не потакать на суде, дружа по родству, не наказывать правого, не миловать виноватого, а без разбора никого не осудить ни на суде [ни?] на вече». Таким образом, в этой статье идет речь о возможных судебных функциях городского вече[134]. В Ст. 4 ПСГ говорится о правилах осуществления суда князя и посадника: судить по закону, не взимая тайных поборов с истцов, иначе «будет им бог судьею на втором пришествии Христове» и только «в палатах у князя»; кроме того, провозглашался запрет «производить суд на вече»[135].

Ст. 1 ПСГ частично упоминает об осуществлении княжеским судом защиты имущественных прав жителей г. Пскова. При этом большая часть дел посвящена уголовным делам, связанных с воровством из «кладовой из-под замка, или саней, крытых войлоком, или воза, увязанного веревками, или лодьи, заделанной лубом, или если украдут [хлеб?] из ямы, или скот [из запертого хлева?], или сено из непочатого стога»[136]. Кроме этого, в соответствие со ст. ст. 9-12 князь рассматривал споры, связанные с землей, совместно с посадником и сотскими.

Ст. 2, характеризуя общие правила осуществления права на защиту, разграничивает подсудность суда псковского наместника Новгородского архиепископа (наместника владыки) суда князя, не указывая точно дел, подлежащих духовному суду. Данная правоподсудность указана в ст. 109, в которой точно указано, что «попы, дьяконы, просвирня, монах и монахиня подлежат суду [псковского] наместника [новгородского] архиепископа. Если [возникнет дело] против попа, или дьякона, или монаха, или монахини, причем

---

[134] Российское законодательство X — XX веков. С. 347.

[135] Псковская судная грамота. // URL: http://arhiv.bibliotekar.ru/4-1-14-hrestomatiya-po-istorii/92.htm (дата обращения 24.11.2018г.)

[136] Там же.

обе тяжущиеся стороны будут (…) [псковский] наместник [новгородского] архиепископа». При этом указано, что «тяжбы же, в которых не обе стороны подведомственны церкви, а один из тяжущихся является мирянином, – князь и посадник, а, равным образом, и [городские] судьи должны разбирать совместно с наместником архиепископа»[137]. Содержание этой статьи аналогично нормам ст. ст. 16–18 Синодальной редакции Устава. Особое внимание в ПСГ, по сравнению с НСГ, уделено значимости судебного решения княжеского суда как высшей инстанции города, поэтому они не подлежали рассмотрению или пересмотру местным и духовным судами, что обозначало гарантию осуществления права на защиту княжеским судом.

Судебной защите подлежали такие права граждан города Пскова, как: приобретение права собственности по давности владения; об оспаривании возникновения права собственности (ст. 9); о праве собственности на лесные участки (ст. 10); земельные права (ст. 12); права наследодателя и наследополучателя (ст. ст. 14, 15, 55); защита интересов сторон в различных договорах: хранения (ст. 14), поклажи (ст. 16), займа (ст. 28), найма плотника на работу (ст. 41); защита прав в отношении возврата денег, данных в ссуду для торговли, или взыскания долга с поручителя, или требования вещей, отданных на сохранение, или взыскания ссуды, долга или имущества после умерших родственников – имущества, оставшегося без владельца и без наследников[138] (ст. 45); право на воду (рыболовный участке) (ст.79); право на получение ссуды (ст. ст. 73, 74); иски к пережившему супругу по поводу одежды умершего родственника (ст. 90); имущественные права невестки, свекра или деверя (ст. 91); право на получение торговых ссудах (ст. 101); право на пчелиные ульи (ст. 106); право на домашних животных (ст. ст. 110, 112) и др.

При этом, порядок осуществления права на защиту упомянутых прав в ПСГ законодательно не закреплен, хотя в ней уже упоминаются поверенные

[137] Там же.
[138] Российское законодательство X —XX веков. С. 366.

(«пособники»), помогающие осуществлять в судебном процессе право на защиту, но лишь некоторым категориям лиц, наименее защищенным в социальном плане - женщинам, детям, монахам или монахиням, слепым, глухим и старикам. В статьях ПСГ, как отмечает И. А. Зайцева, существовало ограничение для таких пособников по ведению дел в суде: запрещалось вести два дела в один день, а также выступать в таком качестве городским магистратам[139]. Таким образом, в ПСГ право на защиту осуществлялось независимо от городских властей.

Следующим этапом в законодательном закреплении категории права на защиту является принятие и действие Судебников 1497[140] и 1550[141] гг. в период Русского централизованного государства. Согласно статьям Судебника 1497 г. защиту прав осуществляли «суды духовные (епископские и монастырские), государственные, вотчинные и помещичьи»[142]. В свою очередь, светская государственная система правосудия подразделялась на центральную (суд великого князя, либо суд бояр и окольничих) и местную (суды наместников и волостелей) судебные инстанции»[143].

Автор диссертационного исследования разделяет научную точку зрения Ю. К. Краснова, который отмечает, что «сначала великий князь всегда судил вместе со своими боярами, но уже в XV в. судебная компетенция боярской думы становится самостоятельной: судебники отличают суд великого князя от суда боярского. Дела могли переходить от этого последнего суда на усмотрение великого князя и его детей»[144].

Так, ст. 1 Судебника 1497 г. гласит об установлении совместного суда

---

[139] Зайцева И.И. Адвокатура в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. / Зайцева Ирина Ивановна. Екатеринбург, 2003. С. 11

[140] Судебник 1497 года / Хрестоматия по Истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов. М.: Изд-во Проспект, 2004. С. 36-43.

[141] Судебник 1550 года // URL: http://www.hrono.ru/dokum/1500dok/1550sudeb.php (дата обращения 23.11.2018 г.)

[142] Осипян Б.А. Русский Судебник 1497 г. как право-идеологическая основа зарождения централизованного государства / Б.А. Осипян // История государства и права. 2011. № 4. С. 23-27.

[143] История российского правосудия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [А.А. Воротынцева и др.]; под ред. Н.А. Колоколов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 147.

[144] Краснов Ю.К. Российская государственность … С. 238.

бояр и окольничьих: «Судить суд боярам и окольничим. А на суде быть у бояр и окольничьих дьякам. А частных вознаграждений (взяток) боярам, и окольничим, и дьякам от суда и от содействия (в разрешении дела) не брать; также и любому судье частного вознаграждения (взятки) от суда не брать никому. А судом не мстить, не дружить никому»[145]. Судебная функция Боярской Думы по отправлению правосудия и защите прав в качестве суда первой инстанции была в прямой зависимости от сословного признака субъектов права. Так, «Боярская Дума судила своих собственных членов, должностных лиц приказов и местных судей, разбирала споры о местничестве и иски служилых людей, не пользовавшихся привилегией великокняжеского суда»[146].

Ст. 2 Судебника 1497 г. законодательно гарантирует особый механизм реализации и соблюдения принципа права на защиту. В ней предусматривается общее правило передачи судебного дела, которое выражается в том, что если дело попадает в суд не по подсудности, то судья был обязан обращаться за указанием к Великому князю или же самостоятельно передавать дело по правилам подсудности, установленным Судебником 1497 г. «А кто придет к боярину с жалобой, и ему жалующихся от себя не отсылать, а давать всем приходящим с жалобами управу во всем, кому надлежит. А кого из жалующихся боярину самому нельзя управить (удовлетворить его просьбу), и то (дело) сказать великому князю или к тому его (жалующегося) послать, которому которых людей приказано ведать»[147].

Вместе с этим ст. 2 Судебника 1497 г. упоминает о приказах, что явилось предметом дискуссии в научной историко-юридической литературе. Так, А. А. Зимин утверждал существование трехзвенной схемы формирования приказной системы: «приказ - «поручение», что и было, по его мнению, в Судебнике 1497 г., приказ-изба (50-е гг. XVI в.) и приказ-учреждение (со

[145] Судебник 1497 года. С. 36
[146] Российское законодательство X-XX веков. С. 63.
[147] Судебник 1497 года. С. 36

времени опричнины)[148]. Оппонируя ему, Смирнов И.И. отмечает, что принцип суда по приказам намечается еще в Судебнике 1497 г. Но здесь он выступает еще в виде своего рода дополнения к старому боярскому суду. Суд по приказам применяется лишь в тех случаях, когда дело не может быть разрешено обычным, старым путем. Уже в Судебнике 1550 г. приказы превращаются в основную форму центрального суда[149].

В Судебнике 1497 г. получили закрепления нормы права, конкретизирующие механизм правового регулирования права на защиту. Так, великокняжеский суд в тот период рассматривал дела в качестве суда первой инстанции по отношению к жителям своего домена, а также особо важные дела или дела, совершенные лицами, имеющими привилегию на суд князя. К ним обычно относились обладатели (духовные и светские) тарханных грамот, и служилые люди, начиная с чина стольника. Помимо этого, князь рассматривал дела, поданные лично на его имя, направленные по докладу из нижестоящего суда для утверждения или отмены принятого судом решения, а также являлся высшей инстанцией по делам, решенным нижестоящими судами[150].

Кроме того, Судебник 1497 г. регламентировал действия местных судов (наместников и волостелей) по осуществлению защиты правомочий подданных Великого князя. Ст. 37 гласит: «а в которой город или в волость, в которую приедет неделщик или его человек с приставною, и ему приставная явити наместнику ил волостелю, или их тиуном. А будут оба исца того города или волости судимыя, и ему обоих исцов поставити пред наместником или пред волостелем или перед их тиуны». Данная статья в Судебнике 1497 г. закрепляла правило территориальной подсудности[151], правда, только на

---

[148] Зимин А.А. О сложении приказной системы на Руси. Доклады и сообщения Института истории АН СССР. / А.А. Зимин. Вып. 3. М.: Мысль, 1954. С. 164-176.

[149] Смирнов И.И. Судебник 1550 г. / Исторические записки. Кн. 24. / И.И. Смирнов М.: АН СССР, 1947. С. 267-352.

[150] Российское законодательство X – XX веков. С. 78; Краснов Ю.К. Российская государственность … С. 238.

[151] Там же, с. 242.

уровне местных судов. Это подтверждается и ст. 9 Двинской Уставной грамоты[152], согласно которой если ответчик не проживал в Двинской земле, то он не был подсуден местному суду. В этом случае наместник мог отдать его на поруки до рассмотрения дела судьей, имеющим на то полномочия.

Новеллой по сравнению с ранее проанализированными памятниками права, является правило, закрепленное в ст. 59 Судебник 1497 г., согласно которого, в случае если одна сторона подсудна светскому суду, а другая - церковному суду, то в таком случае назначается «суд вопчей», который состоял из представителей обоих судов, которым были подсудны спорящие стороны. В целом же ст. 59 Судебника 1497 г. «определяла юрисдикцию церковного суда, которая осуществлялась через суды епископов, где судьей был епископ или назначенные им наместники, и монастырские суды, в которых судьей был игумен или назначенные им прикащики. Ведению церковных судов подлежали духовенство, а также патронируемые церковью люди (которые питаются от церкви божиа). К ведению церковных судов относились преимущественно дела по личным искам - разбирательство брачных и семейных дел, отношения между родителями и детьми, дела о наследстве»[153]. Следовательно, осуществление защиты прав церковным судом периода действия Судебника 1497 г. схожа с компетенцией тех церковных судов, которые существовали до Судебника 1497 г.

Право на обращение свободных категорий населения к поверенным лицам для оказания ими помощи в осуществлении права на защиту в суде было закреплено в Судебнике 1497 г.[154] При этом, о требованиях к кандидатурам на роль поверенных в статьях Судебника ничего не было сказано. Как отмечал Е. В. Васьковский, «деятельность судебных представителей сводилась к

---

[152] Двинская уставная грамота 1397 г. / В кн.: Российское законодательство X – XX веков. В 9 тт. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. С. 181-182.

[153] Российское законодательство X – XX веков. С. 91-92.

[154] Докшукин А.Х. Правовые основы организации и деятельности институтов судебного представительства и правозаступничества в истории отечественного государства и права и специфика их функционирования в области Войска Донского: XIV – начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Докшукин Аскер Хачимович. Краснодар, 2009. С. 54.

«хождению по делу», т. е. в сочинении состязательных бумаг, подаче таких бумаг в суд, явках в суд, представлении доказательств, присутствии на суде при докладе дела»[155].

В свою очередь, Судебник 1550 г. изменил порядок реализации права на защиту вопчем судом. Так согласно ст. 30 Судебника 1550 г. дело велось одним судьей, тем, которому подсуден ответчик. При этом общий суд в чистом виде сохранился только в судах между духовными и светскими людьми (ст. 91) и в судах между лицами разных уделов (ст. 100). «Сместной суд происходил лишь в том случае, если тяжущиеся хотя и принадлежали к различным ведомствам, но были жителями одной и той же области (княжества). В противном случае иск вчинялся уже в Москве, в одном из приказов»[156].

Более того, Судебник 1550 г. вносит изменения порядок их защиты прав индивидов церковным судом. В частности, в ст. 91 вводится новое ограничение судебной юрисдикции церкви. «В статье запрещается торговым людям жить в монастырях, т. е. становиться их закладниками, и устанавливается подсудность торговых людей наместничьему управлению. Монастырской подсудности подлежали только нищие, которые питаются от церкви божиеи»[157].

Как отмечает Б. А. Осипян, Судебник 1497 г. сыграл важную роль для юридического закрепления огромного централизованного Московского государства, решая ряд особо важные государственно-правовые задачи. В частности, «в целях укрепления вертикали государственной власти и экономической стабильности Судебник 1497 г. отменил традиционное право вольного населения свободно выбирать себе место жительства и передвигаться с места на место, административно прикрепил простых людей

---

[155] Цит. по: Ильяшенко К.В. Судебное представительство в России до 1917 г. (исторический аспект). С. 221.

[156] Российское законодательство X — XX веков. С. 140.

[157] Там же, с. 168.

к определенной земле и месту работы»[158]. Таким образом, развитие категории права на защиту в период действия Судебников 1497 и 1550 гг. сопровождалось появлением новых правовых институтов, позволяющих выявить общие закономерности процесса реализации защиты прав и свобод. Тем самым, государство предпринимало попытки реализовать и закрепить идею охраны гарантированных прав в целях обеспечения механизма правового регулирования принципа права на защиту.

Реализация права на защиту гарантированных прав в период Московского государства осуществлялась согласно правовым нормам Соборного Уложения 1649 г.[159] (далее по тексту — Соборное Уложение), регламентирующим порядок деятельности следующих органов: 1) суд наместников (волостелей, воевод); 2) приказной суд; 3) суд Боярской думы или великого князя.

Актуальным в целях настоящего диссертационного исследования представляется содержание ст. 100-104 Главы X Соборного Уложения. В указанных статьях идет речь об обязательном указании истцом цены иска, в частности: «исцом иски свои описывати имянно с ценою». Более того, не указание или указание «больши или менши» цены иска, если ответчик докажет последние, наступало правовое последствие выражающиеся в «не подписывати» иска.

Следовательно, Соборное Уложение дало толчок развитию норм права, касающиеся императивного указания цены иска, благодаря чему происходит разграничение дел между судами в зависимости от суммы иска (правда, данное положение коснулось воевод и иных судебных органов), о чем закреплено в ст. 3 Главы XIII Соборного Уложения. Тем самым сформировалось правило предметной подсудности, критерием разграничения которого служило указание цены иска. В свою очередь, данное положение

---

[158] Осипян Б.А. Русский Судебник 1497 г. как право-идеологическая основа зарождения централизованного государства С. 24.

[159] Соборное Уложение 1649 года // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm (дата обращения 27.11.2018 г.)

способствует более четкому и верному соблюдению принципа защиты прав и свобод, несмотря на его закрепление в установления Соборного Уложения.

Соборное Уложение, в отличие от ранее исследованных и проанализированных в работе памятников права, затрагивает и конкретизирует правило передачи дел в судебном производстве. Согласно ст. 130 Соборного Уложения «А будет которой воевода или приказной человек, или губной староста в городех засудя суд, в каком деле не буди, и того суднаго дела за чем не вершит, и пришлет то судное дело к вершению к Москве, а поручных записей по исце и по ответчике с тем делом не пришлет, а истец или ответчик приедет к Москве один, и станет бити челом государю того суднаго дела о вершении, и по исцову или по ответчикову челобитью то судное дело будет вершено и доведетца с того дела…». Наличие статьи - «не специально, а между прочим»[160], поскольку основание для передачи дела не ясно.

Ст. 149 Соборного Уложения регламентировала право на защиту, путем разграничения предметной подсудности между военными судами и общими судами, в частности она устанавливала следующее: «А будет кто учнет бити челом государю о управе в обидных делех на бояр и на околничих и на столников и на дворян московских и на их людей, а они в то время будут в городех по воеводствам, и на тех воевод, которыя будут в городех опричь Астрахани, и Сибири, и Терка и опричь тех, которые будут на государеве службе в полкех, или в послех, или в посланникех, или в гонъцех, или кто послан будет куды ни буди для какова государева скорого дела, и для тоя скорые посылки государь пожалует его, велит ему отсрочить во всяких росправных делех, всяких чинов людем суд давати на Москве безсрочно, чтобы в таких делех никому волокиты не было…»[161]. Норма права предполагала, что военные суды осуществляют защиту по дела между служилыми людьми, которые возникли во время, и в месте их службы.

[160] Акты Земских соборов. / Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 3. / Отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1985. С. 287-289.

[161] Соборное Уложение 1649 года // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm (дата обращения 27.11.2018 г.)

Соборное Уложение регламентирует правило общей территориальной подсудности и сохраняет ранее известное правило подачи встреченного иска.

Во времена действия Соборного Уложения развивалась приказная форма судебных органов, поэтому система церковных судов включала в себя: суд Патриарха и патриарший приказ, которые в свою очередь были наделены компетенцией по отправлению правосудия. Следовательно, приказы осуществляли защиту прав по Соборному Уложению. Разграничение дел, равно как и регулирование правил подсудности, позволяющие реализовать право на защиту в указанных судах, определялось в зависимости от принадлежности лица к определенной категории населения[162].

В Главе XIII Соборного Уложения регламентируется вопрос о компетенции духовенства и зависимых от церкви людей, за исключением патриарших людей, о которых говорилось в Главе XII Соборного Уложения. Духовенство и зависимые от церкви люди судятся по основной массе дел в государственном, а не церковном суде, для чего создан специальный государственный орган - Монастырский приказ. В данной главе имеется в виду рассмотрение светских дел. Как отмечают, Монастырский приказ должен был разбирать дела по искам, предъявляемым к духовным лицам и зависимым от них людям (крестьянам, дворовым людям)[163]. Впервые в российском законодательстве было установлено право на защиту стрельцов. Стрелецкий приказ осуществлял защиту по всем делам, кроме разбоя и татьбы, которые в соответствии с общим положением входили в юрисдикцию Разбойного приказа[164].

Поданный имел право осуществлять право на защиту не лично, а через поверенных тогда, когда «истец или ответчик занеможет и прийти на суд из-за болезни не сможет», то он имеет право вместо себя прислать в суд «искать или отвечать того, кому верит. Если прислать такому человеку на суд вместо

---

[162] Российское законодательство X — XX веков. Т. 3. С. 335.

[163] Там же, с. 336.

[164] Соборное Уложение 1649 года // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm (дата обращения 27.11.2018 г.)

себя некого по причине отсутствия у такого человека семьи или людей, то послать к нему доброго подьячего, чтобы тот удостоверился в болезни лица»[165]. При этом, требований к правовому статусу такого поверенного лица не было, им мог быть родственник, или находящийся в услужении или крепости человек, но облеченный доверием истца или ответчика. Таким образом, Соборное Уложение развивает принцип права на защиту, закрепляя новые способы и условия его соблюдения и реализации.

Преобразования, которые произошли при правлении Петра I, коснулись военных и гражданских судов. Впервые в истории России при правлении Петра I, как отмечает А. А. Дроздова, были предприняты попытки создания самостоятельной судебной системы[166], обособленной от законодательных и административных органов. М. О. Акишин отмечает, что ««Краткое изображение процессов»[167] стало первым русским нормативно-правовым актом, в котором провозглашалось отделение суда от администрации, урегулировалась система военных судов и их подсудность»[168]. «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» четко делит судебную систему на гражданские суды и военные суды, и разграничивает их компетенцию через субъектный критерий.

Данное утверждение вытекает из ст. 3 Главы первой «Краткого изображения процессов или судебных тяжб», в частности: «в гражданской суд, который во время миру и войны в каждом государстве твердо определен есть, и разные ссоры и брани междо подданными разных чинов происходящие, оной же власти судейской подвержены суть», «в воинской суд, в котором толко ссоры междо офицеры, салдаты и протчими особами войску надлежащими

---

[165] Собрание законов. Т. I. (1649–1675). Ул. X. 108. // URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=5&regim=3 (дата обращения: 15.06.2018)

[166] См. подробнее: Дроздова А.А. Развитие судебной системы и судебной реформы в России / А.А. Дроздова // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 15. М.: ООО «Издательство «Юрист», 2015. С. 116-121.

[167] Устав Воинский // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm (дата обращения 24.11.2018 г.)

[168] Акишин М.О. Судебная реформа Петра I: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Акишин Михаил Олегович СПб., 2006. С. 58.

происходящие разыскиваются и по изобретении дел решатся, и о сем последнем есть наше намерение здесь пространнее объявить»[169]. Следовательно, период правления Петра I ознаменован закреплением более четкого механизма осуществления защиты прав и свобод органами, осуществляющими только правосудие. Так, под юрисдикцию гражданского суда подпадали споры, возникающие между гражданскими лицами, военного суда – военнослужащие.

Система военного судопроизводства в период правления Петра I включала генеральный кригсрехт и полковой кригсрехт. Вместе с тем предусматривалось четкое разграничение компетенции между указанными судами. Так согласно ст. 4 «Краткого изображения процессов или судебных тяжб», в генеральном кригсрехте рассматривались следующие дела: «вина оскорбления величества или государственные дела; погрешения от целаго или половины полка, от баталиона, шквадрона или роты происходящыя; когда на знатных и высоких офицеров жалобы, чести и живота касающыяся, приносятся; также, ежели кто фелть маршала или другого кого из высоких офицеров лишит чести или живота». В этой же статье указывается и компетенция полкового кригсрехта, к которому относились дела «между ундер офицерами и рядовыми происходят или когда в чем преступление от оных учинится и протчие в сей жизни междо офицеры и рядовыми случающияся притчины»[170].

Следует отметить, что институт подсудности в зависимости от вида суда появляется в Воинском Уставе впервые, т.к. Соборное Уложение такого деления еще не знало. В связи с этим, «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» предусмотрело не только гарантированность и практическое осуществление прав свободной личности, независимо от его статуса, но и порядок осуществления защиты этих прав.

---

[169] Устав Воинский // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm (дата обращения 24.11.2018 г.)

[170] Там же.

Содержание ст. 5 Главы I «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» регламентирует, что «власть судейская помянутых кригсрехтов не разпространяется далее, яко над офицеры, салдаты и протчими к войску надлежащими людми, междо которыми офицерские служители, харчевники и протчие, кроме жен и младенцев разумеются»[171].

Следует отметить, что Воинский Устав закрепил принцип определения подсудности, провозглашенный в ст. 3 и позволяющий реализовать принцип защиты нарушенных прав отдельных категорий населения: не только военнослужащие, но и лица, имеющие прямое отношение к армии или обслуживающие ее нужды. В сравнении в этим юридическим актом, Соборное Уложение вовсе не предусматривало подсудности последней категории лиц воинскому суду, впрочем, в его статьях вообще очень мало и лишь вскользь упоминает о таком суде[172].

Несмотря на попытки создания обособленной и автономной судебной системы в период становления абсолютизма в России (разделение судов, определение четких правил подсудности), прямого указания на закрепление и регламентирование принципа защиты прав индивида в период правления Петра I отсутствовало. При этом, на наш взгляд, преимуществом правового регулирования права на защиту в данный период следует считать тот факт, что государство законодательно закрепляло конкретные правоположения, дающие основания для реализации права на защиту и охрану прав отдельных категорий населения, прямо поименованных в акте. Идеи, которые лежали в основе построения системы законодательства в эпоху Петра I позволяют сделать вывод о существенном, по сравнению с предыдущими этапами, правового закрепления права на защиту, изменения содержания данной категории, а именно: гарантированности ее осуществления со стороны государственных органов судебной власти, т.е. определение данного права как

---

[171] Устав Воинский // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm (дата обращения 24.11.2018 г.)

[172] Законодательство периода становления абсолютизма. / Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 4. / Отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. С. 426-427.

института публичного права.

Данный факт подтверждается наличием Указов Петра I 1699 и 1700 гг., разрешивших «подачу челобитных напрямую Царю только в том случае, если спорное дело уже было предварительно рассмотрено местным судом и «его разрешение не удовлетворило челобитчика»[173], и запрещающий обращаться непосредственно к Царю, минуя местные органы судебной власти[174]. Таким образом, государство в период правления Петра I осуществляло контроль за реализацией лицами право на защиту, что нашло впоследствии отражение в законопроектах российских неолиберальных мыслителей в начале XX в.[175]

Важным элементом системы правового регулирования права на защиту в период правления Петра I являлось правоположение «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» о том, что «подсудность дела определяется по челобитчику»[176] (истцу – Автор М.Г.). Рассматривая компетенцию «гражданских судов»[177], как органов обеспечивающих защиту прав отдельных категорий населения, по мнению М.М. Михайлова, следует отметить, что «как и во всех монархиях (особенно абсолютных), царь (впоследствии - император) являлся высшим судьей, будучи последней инстанций в любых, в том числе и судебных вопросах. Естественно, участие в отправлении правосудия Великого князя периода Киевской Руси и российского императора первой четверти XVIII в. – несопоставимы. Первый лично и непосредственно разбирал судебные споры, для второго данное полномочие имело важное, статусное, но, скорее, формальное значение»[178].

---

[173] Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. № 1707.

[174] Там же. № 1748.

[175] См. подробнее: Попова А.В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX - начало XX вв.): дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.01. / Попова Анна Владиславовна. М., 2014. 383 с.

[176] Российское законодательство X – XX веков. Т. 4. С. 432.

[177] Именно в такой интерпретации они упоминаются в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб».

[178] Михайлов М.М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г.: Соч., напис. для получения степ. магистра граждан. права исправляющим должность адъюнкт проф., канд. прав М. Михайловым / М.М. Михайлов. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1848. С. 94

Петр I как носитель верховной власти оставил за собой лишь функцию высшего судебного контроля. Однако обладание высшими судебными полномочиями было для монарха весьма обременительным, «его буквально заваливали прошениями, ходатайствами и прочими челобитными»[179]. Таким образом, высшей судебной инстанцией в период абсолютизма являлся сам Государь-Император, имевший право разбирать многие судебные дела самостоятельно, кроме того, Генерал-прокурор и обер-прокурор подлежали только его суду.

19 февраля (2 марта) 1711 г. был учрежден Петром I Правительствующий Сенат, ставший высшим коллегиальным органом государственной власти и законодательства, обладавший и судебными функциями суда второй апелляционной инстанции по отношению к надворным судам, имевший право давать разъяснения нижестоящим судам. При этом, в отсутствии императора он имел функции третьей инстанции, осуществляя надзор над всеми судами Российской империи. Однако четкой регламентации подсудности Правительствующего Сената как суда первой инстанции не было определено, кроме указания на то, что его рассмотрению подлежали дела по должностным преступлениям самих сенаторов. Как правило, то или иное «дело рассматривалось по особому повелению монарха»[180].

Нижестоящую судебную инстанцию составляли коллегии - центральные административные государственные органы, фактически заменившие ранее существовавшую приказную систему центрального управления. Осуществление защиты прав отельных категорий населения зависело от компетенции конкретной коллегии, определявшейся в зависимости от ее сферы деятельности, в том числе, направленной на защиту законодательно закрепленных в актах государства прав индивида. Так, например, Коммерц-коллегия рассматривала права и свободы, из которых вытекали споры «по

[179] Там же, с. 94.
[180] Акишин М.О. Судебная реформа Петра I. С. 176.

морским учреждениям», «городами о торгах, торговых и ярмоночных правах», вексельные дела, дела иностранных купцов»[181].

В последующем была «образована Духовная коллегия – Синод, ставшая высшим органом церковного управления и обладающая соответственно судебными полномочиями, в частности к ее подсудности относились семейные права и вытекающие из них судебные дела (бракоразводные, о неправильно заключенных браках), дела по искам, подданным на лиц духовного ведомства»[182], а также монастырские крестьяне были отданы под юрисдикцию Святейшего Синода. К правоподсудности Святейшего Синода, ставшего высшей судебной инстанцией, была отнесена «прежняя подсудность дел патриаршего суда, однако круг дел исключительной подсудности законом установлен не был». Как отмечают Н. Н. Ефремова, М. В. Немытина и Ц. Ц. Михеева, «Согласно Регламенту, Святейший Синод состоял из двенадцати «правительствующих особ», из которых трое обязательно должны быть архиереями». Нижестоящей инстанцией по отношению к Святейшему Синоду выступал суд архиерея, а также Духовный приказ и Монастырский приказ, а также и другие специальные органы, наделенные отдельными судебными функциями[183].

Значительны были полномочия Юстиц-коллегии в качестве коллегиального суда. Прежде всего, она, как отмечает М. О. Акишин «представляла из себя суд высшей инстанции, непосредственно следующий за Сенатом, в который поступали дела из надворных судов в апелляционном и ревизионном порядке»[184]. Основанием для рассмотрения дела в «Юстиц-коллегии как во второй инстанции могло быть повеление императора или Сената»[185]. Иногда Юстиц-коллегия выступала в качестве суда первой

---

[181] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. № 3318; Михайлов М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства … С. 95-96.

[182] Акишин М.О. Судебная реформа Петра I. С. 197-198.

[183] Ефремова Н.Н., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду / Н.Н. Ефремова, М.В. Немытина, Ц.Ц. Михеева // Былые годы. 2017. Т. 46. Вып. 4. С. 1420.

[184] Акишин М.О. Судебная реформа Петра I. С. 188.

[185] Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719-1727 гг. /

инстанции. «Прежде всего, до открытия Петербургского надворного суда она по старому московскому обычаю, согласно которому высшая инстанция была первой для той местности, где находилась, была судом первой инстанции для жителей Санкт-Петербурга и его округи.

После открытия столичного надворного суда потребовался специальный указ, запрещавший петербуржцам прямо обращаться в Юстиц-коллегию, не быв предварительно челом в надворном суде. Также она проводила межевание завоеванных земель в Прибалтике, приморских мыз в окрестностях Санкт-Петербурга; наделяла «дворовыми местами» всех желающих в столице и утверждала нотариальные акты, совершенные в пределах ее губернии. Кроме того, Юстиц-коллегия в первой инстанции рассматривала жалобы, которые приносились на ее собственных чиновников или прямо подчиненных ей органов, если обвинения касались должностных преступлений. Указом от 01 октября 1720 г. была установлена подсудность Юстиц-коллегии иностранцев, служащих в других коллегиях, в качестве истцов и ответчиков»[186].

Нижестоящая судебная инстанция, непосредственно находящаяся в подчинении Правительствующего Сената, состояла из областных судов, представлявших собой систему надворных и нижних судов. Надворные суды, фактически были центрами первых российских судебных округов, возглавляемые губернаторами и вице-губернаторами. Эти суды выступали в качестве второй (апелляционной) инстанции по отношению к нижним судам, если суд «решал дело пристрастно, по распоряжению высшей инстанции или по решению судьи», а также для утверждения вынесенного приговора, касающегося смертной казни. После 1722 г. надворные суды выступали апелляционной инстанцией и по отношению к провинциальным судам, заменившим в системе судебной власти упраздненные нижние суды. А в

М. М. Богословский; издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1902. С. 183; Балакирева Л.М. Формирование Юстиц-коллегии (1718-1719 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. 07.00.02 / Балакирева Лидия Михайловна М., 1999. С. 18.

[186] Акишин М.О. Судебная реформа Петра I. С. 188-189.

качестве судов первой инстанции «надворные суды рассматривали дела гражданские только в том случае, если в городе отсутствовали нижние суды. Апелляционной инстанцией для них являлась Юстиц-коллегия»[187].

В конце XVII - начале XVIII вв. «местный суд осуществлялся воеводами с помощниками (дьяками и подьячими). В компетенцию приказных изб, как местных судов, возглавляемых воеводами (в некоторых местностях они назывались приказными палатами), входило рассмотрение споров гражданско-правового характера между служилыми людьми. Помимо названных изб, существовали земские избы, в компетенцию которых входили гражданские споры, возникающие между посадским населением»[188]. Бурмистерская палата, учрежденная 30 января 1699 г., переименованная 17 ноября 1699 г. в Ратушу, была центральным учреждением по отношению к подчиненным ей земским избам и совместно с последними осуществляла защиту прав посадского торгово-промышленного населения - купцов (гостей). Для защиты же прав посадских и служилых людей организовался и функционировал общий суд из приказных судей и бурмистров[189].

В 1719 г. была проведена реформа местных судов, в результате которой появились провинциальные и городовые суды, осуществляющие защиту вещных прав. Провинциальным судам были подсудны дела в отношении сельского населения, соответственно городовым – городское непосадское население. Кроме того, низшим судам были подсудны дела, вытекающие из вещных правоотношений между дворянами. «Предметная юрисдикция городовых (земских) судей в общих чертах определялась особым кратким наказом, который они получали при назначении на должность в Юстиц-коллегии.

«Нижним» судам в первой инстанции были подсудны «дела судныя, розыскныя, сыскныя и прочия земския дела, принадлежавшие до

---

[187] Акишин М.О. Судебная реформа Петра I. С. 201.

[188] Там же, с. 200.

[189] Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект): дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. / Мигунова Татьяна Леонидовна Владимир, 2008. С. 40.

государственной коллегии Юстиции», из которых простые судья должен был вершить сам, а в важных и спорных случаях отсылать свой приговор на утверждение в надворный суд»[190]. Как отмечается в научной литературе: «бурмистерские избы и Бурмистерская палата, а позднее – магистраты (ратуши) и Главный магистрат явили собой первую системную модель специального суда для горожан, поступательно консолидировавшегося в особое сословие. Фискальная цель реформы Петра I обусловила включение в подведомственность и подсудность этих органов другой категории тяглого населения – государственных крестьян, которые проживали и имели доходы в городах, что некоторым образом нарушает чистоту определения указанных органов как сословных для горожан»[191].

Таким образом, судебная система губернии, осуществляющая право на защиту прав, включала в себя три судебных звена: надворный суд, провинциальный суд и городовой суд. Каждый суд имел свою определенную компетенцию в целях реализации восстановления нарушенных прав отдельных категорий населения. По верному выражению Н.А. Колоколова, «впервые в российской истории была сделана попытка построения именно судебной системы. Выстроенная Петром I система не была долговечной, целостной и всеобъемлющей, так как сохранялись сословные суды, а также многочисленные учреждения, обладавшие судебными полномочиями. Тем не менее, судебная система начала «выкристаллизовываться» и приобрела следующий вид: нижние суды – надворные суды – Юстиц-коллегия – Сенат»[192]. Таким образом, судебная система была организована следующим образом: центральными органами судебной власти выступал Правительствующий Сенат и Юстиц-коллегия, в губерниях – надворные суды, а в провинциях –провинциальный суд и городовой суд.

---

[190] Акишин М.О. Судебная реформа Петра I. С. 202.

[191] Ефремова Н.Н., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Эволюция судебной системы Российской империи … С. 1421.

[192] Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен: дис. … доктора юрид. наук: 12.00.01. / Колоколов Никита Александрович Нижний Новгород, 2007. С. 201.

Как пишет В. В. Захаров, «в первой половине XIX в. существовало два вида словесных судов: в частях города и торговые. Словесный суд в части города, или городской словесный суд, существовал с 1754 г. и представлял собой разновидность суда общей юрисдикции. Он был очень близок к третейскому суду, и его подведомственность не оговаривалась какой-то особой категорией дел или лиц»[193]. К компетенции суда относились «разбирательство по словесной просьбе в делах гражданских и примирение словесно просящих о том тяжущихся. До письменных просьб словесному суду дела нет»[194]. Другими словами, этот «суд создавался для разбора конфликтов, которые возникали между соседями (...) В свою очередь, торговые словесные суды, основанные на организации таможенных судов по словесным прошениям и предусмотренные Таможенным уставом 1727 г., действовали при магистрах и ратушах «для разбора и решения споров и исков по обязательствам и договорам, торговле свойственной»[195].

После принятия в 1832 г. Устава торгового судопроизводства[196] «подсудность торговых словесных судов была ограничена исками, стоимость которых не превышала 150 руб.»[197]. Устав торгового судопроизводства уточнил компетенцию торгового словесного суда, отнеся к его ведению споры: «1) о закупке и продаже товаров: когда кто купит и примет товар, а денег не заплатит; или, продав товар и взяв задаток или все деньги, не отдаст товаров; или, видя упадок в цене товара, принимать не станет; или при продаже показывал товар добрый, а станет отдавать худой; 2) о денежных займах: когда кто, взяв деньги в заем и дав в том письменный документ, или

---

[193] Захаров В.В. Словесные суды в системе отечественной гражданской юрисдикции первой половины XIX в. / В.В. Захаров // История государства и права. 2010. № 8. С. 22

[194] Свод законов 1832 г. Т. X. Ч. 1. Ст. 2508; Свод законов 1842 г. Т. X. Ч. 1. Ст. 3276; Свод законов 1857 г. Т. II. Ч. 1. Ст. 4553; Т. X. Ч. II. Ст. 1230. // URL: http://civil.consultant.ru/code/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

[195] Захаров В.В. Словесные суды в системе отечественной гражданской юрисдикции первой половины XIX в. С. 22.

[196] Устав судопроизводства торгового. С разъяснениями / Сост.: Добровольский А.А. С.-Пб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1905. 374 с.

[197] Свод законов 1857 г. Т. XI. Ч. II. Ст. 178. Примечание 1. // URL: http://civil.consultant.ru/code/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

не дав оного, не платит деньги; 3) об отдаче денег, товаров или писем на сохранение, в случае спора или запирательства; 4) о найме лавок и судов; 5) по торговым отправлениям: когда судовщики или извозчики довезут товар не в целости, или до урочного места не довезут, или когда хозяева не заплатят судовщикам или извозчикам наемных денег, или учинят простой»[198].

Словесный торговый суд разбирал также «споры между хозяевами и наемными работниками, между хозяевами и приказчиками и сидельцами»[199]. Закон прямо указывал, что «обращаться в суд могли не только «лица торгового сословия», но и «посторонние лица», состоявшие с первыми в обязательственных правоотношениях»[200]. «Главное, чтобы предмет сих дел был торговый»[201]. Как верно указывает С. В. Кодан, внешняя история законодательства начала формироваться как направление российской юриспруденции в условиях повышения внимания к истории правового развития России в обществе в связи с проведенной в 1826 - 1832 гг. систематизацией российского законодательства - подготовкой и изданием Полного собрания и Свода законов Российской империи[202].

Следует отметить, что, «как и светские суды, церковные суды в этот период находились в стадии становления и не представляли собой стройной иерархичной системы»[203]. Таким образом, действия по введению таких положений доказывают развитие категории права на защиту не только как отражающую сложившуюся в данной области правоотношений правовую действительность, но и позволяющую осуществить защиту прав и интересов отдельных категорий населения в той мере, в которой государство сочло возможным ее гарантировать с учетом сложившейся системы сословного

---

[198] Там же, ст. 1775. // URL: http://civil.consultant.ru/code/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

[199] Там же, ст. 1775-1776. // URL: http://civil.consultant.ru/code/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

[200] Захаров В.В. Словесные суды в системе отечественной гражданской юрисдикции первой половины XIX в. С. 23.

[201] Свод законов 1857 г. Т. XI. Ч. II. Ст. 1779. // URL: http://civil.consultant.ru/code/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

[202] Кодан С.В. Внешняя история права в структуре Российского правоведения (вторая четверть XIX – начало XX в.) / С.В. Кодан // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 178-184.

[203] Ефремова Н.Н., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду … С. 1420.

судопроизводства.

Дальнейшие реформы судебной системы получили свое развитие в период правления Екатерины II. Было введено новое административно-территориальное деление Российской империи, в результате чего был изменен порядок образования губернских учреждений. В. С. Иконников писал, что «Учреждения для управления губерний» (1775 г.)[204], несомненно, внесли больший порядок в систему правоподсудности, увеличило дееспособность администрации и суда на местах, «облегчило сношения с низшими и средними инстанциями»[205]. Губернские учреждения, учрежденные Екатериной II, были направлены на реализацию права на защиту, по мнению В. О. Ключевского «одновременно были удачными, поскольку просуществовали до реформ Александра II, но и весьма сложными»[206].

При этом, «новая судебная организация предполагала организационное и функциональное обособление от административных и полицейских органов в городах, уездах и губерниях как новых административных округах. Суды были коллегиальными, в своем составе включавшими коронное (назначение правительством и подконтрольность ему) и общественное (выборность населением) начала. Вместе с тем в губерниях для рассмотрения дел, превышавших компетенцию сословных судов, а также в качестве апелляционных и ревизионных инстанций, учреждались Палаты уголовного суда и Палаты гражданского суда»[207].

Высшими судебными инстанциями являлись: «верхний земский суд - для дворян; губернский магистрат - для купечества и мещанства; верхняя расправа - для свободных сельских обывателей (черносошные,

---

[204] Учреждения для управления губерний // URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

[205] См. подробнее: Иконников В.С. Время Екатерины Второй. Специальный курс, составленный по лекциям, читанным в Университете св. Владимира и на высших женских курсах в Киеве. Вып. 1. / В.С. Иконников. Киев: Лит. Г. Розенталя, 1881 – 1882. 565 с.

[206] Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории. / В.О. Ключевский В 9 т. Т. V. М.: Мысль, 1989. С. 107.

[207] Ефремова Н.Н., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду … С. 1420 – 1421.

государственные крестьяне, приписанные к заводам, однодворцы (поселенные на земли отставные солдаты и матросы), экономические, бывшие монастырские, и дворцовые крестьяне, служилые разных категорий, а также ямщики)»[208], то есть для тех крестьян, которые не находились под крепостной зависимостью. Территориальное распределение зависело от губернского уровня[209].

Судебные органы на таком уровне подразделялись на палату уголовных дел и палату гражданских дел. Вместе с этим, осуществление защиты прав в таких палатах реализовывалась независимо от принципа сословности[210]. Кроме этого, верхняя расправа организовывалась и создавалась там, где уже функционировали нижние расправы. Учитывая, что судебные учреждения территориально располагались в губерниях, соответственно можно предположить, что и территориальная юрисдикция, в том числе, подача иска с целью осуществления защиты прав по общему правилу зависела от места жительства ответчика.

Т. Л. Мигунова поясняет, что сам «термин «земство» был связан с дворянским сословием, «расправы» должны были иметь дело со свободными, но не имевшими особых сословных прав жителями сел и городов. А на «магистратских» судах, по ее мнению, замыкалась сословно-привилегированная верхушка российских городов, то есть купечество и мещанство (или, как тогда часто писали, разночинцы). Последняя группа населения, была окончательно структурирована особым правовым регламентом на десять лет позже «Учреждения о губерниях» 1775 года»[211].

Дворянский суд осуществлял защиту прав, вытекающих из гражданских,

---

[208] Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1775 по 1817 июнь месяц: Содерж. в себе Учреждение о губерниях ее имп. вел. гос. имп. Екатерины II с доп. узаконениями гос. имп. Павла I и гос. имп. Александра I по 1817 г. июнь месяц. СПб.: Сенат. тип., 1818. С. 68; Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 268.

[209] Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект). С. 341.

[210] Там же.

[211] Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект). С. 341.

уголовных правоотношений, по апелляции из уездного суда, дворянской опеки и нижнего земского суда, «касающиеся до вотчин, привилегий, завещаний, до наследства в имении и до права наследования, спорные о владении, тяжкие до бесчестия и до права стряпчих касающиеся, также и все дела разночинцев тех, кои непосредственно до верхнего земского суда принадлежат»[212]. В свою очередь, уездный суд осуществлял защиту прав местного дворянства. Автор диссертации разделяет мнение Т.Л. Мигуновой о том, что «в первую очередь уездный суд рассматривал в судебном порядке все земельные споры (в источнике: «все о землях споры»). В ведении суда находились вопросы купли-продажи и легализации недвижимости»[213].

Губернский магистрат рассматривал дела, связанные с ««привилегиями владельческими», «торговлей» и другими делами, «до городских жителей касающихся». В судебном отношении ему были подчинены городовые магистраты, сиротские суды и ратуши уездных и других штатных городов своей губернии»[214]. Кроме этого, губернский магистр имел право осуществлять апелляционное производство по делам, касавшимся привилегий, спорных владений и прочих дел, проблем целого города или казны[215]. Также губернский магистрат в рамках первой инстанции реализовывал защиту прав, связанных с городской жизнью губернии. Последним в системе судов на губернском уровне была верхняя расправа, которая рассматривала дела по первой инстанции, касавшиеся целых селений.

Таким образом, гарантированные права и свободы могли быть защищены судебными органами на губернском уровне, которые распределяли дела по подсудности в зависимости от сословности. Следует также учесть и тот факт, что по сравнению с ранее проанализированными и исследованными

---

[212] Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1754 по 1818 июнь месяц. С. 27; Полное собрание законов Российской империи. С. 244.

[213] Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект). С. 348, 350.

[214] Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект). С. 351.

[215] Там же, с. 351.

этапами развития правового регулирования права на защиту, из-за усложненной, многогранной судебной системы в период правления Екатерины II возрастает роль функциональной подсудности в механизме реализации права на защиту.

Система сословного судопроизводства была дополнена также специальными судебными органами, а именно: совестный и надворный суды. В компетенцию совестного суда относились следующие дела «учиненные безумным или малолетним, и дела колдунов, или колдовства, поелику в оных заключается тупость, обман и невежество, спорные дела между родителями и детьми об имуществе»[216]. Надворные суды подразделялись на нижний и верхний, при этом компетенция указанных судов была регламентирована следующим образом: «верхний и нижний надворный суд имел право рассматривать уголовные и гражданские дела лиц, находящихся на военной, придворной и гражданской службе, и дела всяких разночинцев»[217].

Нижний надворный суд воплощал в жизнь защиту вещных прав военных и гражданских[218]. Ему запрещалось осуществлять защиту прав дворянства и лиц, имеющих в столичной губернии недвижимость, а также по делам, касающихся недвижимого имущества, находящегося в других губерниях. Т. Л. Мигунова также указывает, что «надворный суд имел дело еще с одной сословной группой - чиновничеством и рассматривал тяжбы между чиновными людьми в столице»[219]. Соответственно, верхний надворный суд являлся второй (апелляционной) инстанцией для нижнего суда. Несмотря на довольно сложную судебную систему, образовавшуюся в период правления Екатерины II, реализация принципа защиты прав и свобод была возможна на различных уровнях государственности. Появившиеся процессы развития

---

[216] Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1754 по 1818 июнь месяц. С. 89; Полное собрание законов Российской империи. С. 278.

[217] Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1754 по 1818 июнь месяц. С. 123, 133-134.; Полное собрание законов Российской империи. С. 296, 302.

[218] Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1754 по 1818 июнь месяц. С. 134.; Полное собрание законов Российской империи. С. 304.

[219] Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект). С. 392.

правовой формы, способствовали абстрактному закреплению в нормах законодательства правовых основ для защиты и охраны прав и свобод.

Помощь в осуществлении права на защиту в судебном процессе осуществляли, как и прежде, поверенные. Как отмечается в историко-правовой научной литературе, до 1864 г. нормами законодательства было запрещено выступать в качестве таких лиц: «1) удельные крестьяне по делам их ведомства; по тяжебным делам они могли принимать доверенности и выступать поверенными, но с тем ограничением, что указанное представительство может осуществляться только с согласия на то удельного начальства; 2) духовные особы вообще; 3) монахи и монахини; 4) в ряде случаев не допускались чиновники, например, если представительство нужно было осуществить в том месте, где чиновник состоял на службе; 5) лица, осужденные за некоторые правонарушения, например, лица, отданные под суд за преступления, подвергнутые ссылке в Сибирь и публичным работам; 6) люди, лишенные по суду доброго имени, хотя бы они и не были лишены всех прав состояния; 7) лица, состоящие под надзором полиции, иные лица, которым за противоправные деяния хождение по делам запрещено, и некоторые иные лица»[220].

В период образования и развития государственно-правовых форм в Древнерусском государстве механизм реализации защиты нарушенных прав находился в руках судебных органов, руководствующихся при отправлении правосудия нормами обычного права (правовые обычаи). Позднее гарантией защиты нарушенного права стали штрафные санкции в пользу истца, как мера имущественного возмещения причиненного ущерба или неисполнения обязательств. В Русской Правде получило свое законодательное закрепление право на защиту имущественных прав свободных категорий населения («на розыск утерянного имущества и предъявления требований об истребовании имущества из чужого незаконного владения (самозащита прав), а также

[220] Ильяшенко К.В. Судебное представительство в России до 1917 г. (исторический аспект). С. 222.

требований о компенсации за нарушение прав собственника»[221]). Кроме того, в этот период времени право на защиту осуществлялось лично заинтересованным лицом, на принципе личной явки и участия в судебном разбирательстве сторон.

В XV в. Псковская судная грамота вводит дополнительный способ защиты имущественных прав - признание сделки недействительной в связи с нахождением во время ее заключения в состоянии алкогольного опьянения. В Судебниках 1497 и 1550 гг. особое внимание уделялось письменным доказательством, поэтому полевая грамота, удостоверенная печатью князя и доказывающая факт «выбытия имущества у его владельца из обладания»[222], являлась особым видом доказательства в судах по договорам займа, если в случай форс-мажорных обстоятельств должник не мог возвратить товар или сумму, полученную им в долг.

На протяжении длительного периода законодательное закрепление категории права на защиту, начиная с источников права Древней Руси и заканчивая юридическими актами периода правления Екатерины II, осуществлялось путем развития механизма правового регулирования судебной системы, основанной на принципах сословного судопроизводства. Попытки исключения критерия сословности при реализации права на защиту, разграничение полномочий судебных и административных органов в сфере осуществления правосудия не увенчались успехом.

Однако, уже в Соборном Уложении 1649 г. принцип сословности при реализации механизма правового регулирования права на защиту стал заменяться на основание самого судебного дела, сохраняя при этом приверженность правилам сословного судопроизводства при определении подсудности дел гражданских и иных специализированных судов, когда решение суда зависело от принадлежности к соответствующему сословию

---

[221] Пагава Т.Л. Развитие института защиты нарушенных прав в исторической ретроспектив. / Т.Л. Пагава // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 2. С. 106.

[222] Там же, с. 107.

заинтересованного лица, желающего восстановить нарушенное право. То есть, с 1649 г. осуществление права на защиту специализированными судами определялось и сословностью, и предметом спора, но количество таких исторических примеров развития защиты прав было незначительно, и они не могли полностью исключить наличие критерия сословности при защите прав и свобод человека в разграничении компетенций между судами.

§ 3. Обеспечение права на защиту в период реформирования судебной системы России (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Проведенная Александром II Судебная реформа (1864 г.) обеспечивала защиту имущественных прав и связанных с ними иных прав личности, для обеспечения которой «были образованы всесословные органы местного самоуправления, взявшие на себя решение на низовом уровне наболевших проблем хозяйственной и социальной жизни» в ходе земской (1864 г.) и городской (1870 г.) реформ. Эти реформы были призваны обеспечить экономическое и социальное государственно-правовое развитие Российской империи, не прибегая к революционным и радикальным мерам в сфере организации публичной власти, «модернизируя правопорядок в стране в строго очерченных рамках»[223]. Судебная реформа 1864 г. и принятие Устава гражданского судопроизводства 1864 г.[224] становятся значимым этапом в

[223] Ефремова Н.Н., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду … С. 1423.

[224] См., например: Гайдидей Ю.М. Судебное право: вопросы истории / Ю.М. Гайдидей // История государства и права. 2010. № 8. С. 11; Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX-начало XX вв.: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01. / Немытина Марина Викторовна М., 1999. 403 с.; Немытина М.В. Российское самодержавие и Судебная реформа 1864 г. / М.В. Немытина // Государство и право. 2015. № 5. С. 92-98; Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01. / Сальников Сергей Павлович СПб., 2006. 378 с.; Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: к 150-летию Судебной реформы в России. / С.М. Шахрай, К.П. Краковский М.: Кучково поле, 2014. 536 с.; Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки / К.П. Краковский // Журнал Российского права. 2014. № 12. С. 22-25; Ефремова Н.Н. Проблема правоприменительных рисков в истории введения Судебных уставов 1864 г. в Российской империи в условиях социокультурного плюрализма / Н.Н. Ефремова // В кн.: Современные риски и право: правовые средства предупреждения, управления, защиты / XVIII Международная научная конференция. М.: РГГУ, 2018. С. 64-70; Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII – XIX вв.) / Н.Н.

дальнейшем совершенствовании механизма правового регулирования права на защиту прав и законных интересов различных категорий населений. М. В. Немытина отмечает, что «состояние дел в российском судебном ведомстве, сложившееся в связи с принятием судебных уставов 1864 г., ассоциируется с проблемами судебной власти в стране сегодня. И эти параллели далеко не в пользу современного процесса реформирования - в нашем отечестве не принято извлекать уроки из прошлого, чтобы избежать ошибок в настоящем и непоправимых последствий в будущем. В то же время знания и представления, о роли суда в государственном механизме, о направлениях развития судебной реформы, о соотношении действиях правительства реформаторских и консервативных тенденций, о взаимодействии принципов и институтов судебной реформы имеют поистине непреходящее значение»[225].

Необходимость историко-теоретического анализа содержания Устава гражданского судопроизводства 1864 г.[226] (далее по тексту – Устав) была обусловлена его значением для развития правового закрепления права на защиту в России и механизма его реализации. Согласно Указу Александра II от 20 ноября 1864 г. Правительствующему Сенату[227], «они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд *скорый, правый, милостивый и равный для всех* (выделено нами – М.Г.) подданных Наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего»[228]. В период

Ефремова // Право. 2009. № 1. С. 21-35; Примак Т.К., Орлова К.А. Судебная реформа 1864 года / Т.К. Примак, К.А. Орлова // Мировой судья. 2016. № 10. С. 11-16; Михайлова Е.В. Судебная реформа 1864 года и ее влияние на гражданское судопроизводство / Е.В. Михайлова // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 66-68; Калякина А.В. Судебная реформа 1864 года: модели местного правосудия // А.В. Калякина Мировой судья. 2017. № 10. С. 3-7 и др.

[225] Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX — начало XX вв. С. 4.

[226] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. / Классика российского права (проект кампании Консультант+ при поддержке издательства «Статут» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк» // URL: http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

[227] Указ Правительствующему Сенату // URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3300/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

[228] Полное собрание законодательства. Собр. 2-е. № 38761.

действия Устава судебная система приобрела относительную самостоятельность. Как отмечает Н. Н. Ефремова, Уставы «определили новые демократические принципы судоустройства и процесса. Провозглашались отделение судебной власти от административной и несменяемость судей. Отменялся сословный принцип организации суда. Сокращалось число судебных инстанций — с четырнадцати, составляющих дореформенную судебную систему, до трех: окружной суд, судебная палата, Сенат. Помимо создания системы общей юстиции, был введен и новый местный суд – мировой»[229].

Свидетельством тому является наличие четкого разграничения компетенции судов[230], ведь именно в этот период преобразования судебной системы появляются четкие правила подсудности, которые, в свою очередь, разграничивались в зависимости от предмета спора или цены иска. Автор настоящего исследования разделяет мнение М. В. Немытиной о том, что в Судебных уставах 20 ноября 1864 г. впервые был законодательно регламентирован принцип формального равенства – равенства всех российских подданных перед законом и судом. Тем самым был нанесен серьезный удар основам сословного строя с его привилегиями и ограничениями, определявшим содержание отношений в российском обществе и характер политической власти[231].

Достоинства Судебной реформы 1864 г. проявляются особенно отчетливо на фоне правового анализа дореформенных судебных порядков и существовавшего до второй половины XIX в. механизма регулирования права на защиту. «Множественность судебных инстанций (сословные суды, магистраты, ратуши, надворные суды и т.п.) *с неопределенной подсудностью* (выделено нами – М.Г.), с различным порядком судопроизводства *затрудняла*

---

[229] Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII – XIX вв.) / Н.Н. Ефремова // Право. 2009. № 1. С. 21-22.

[230] Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех… С. 77, 143, 176.

[231] Немытина М.В. Российское самодержавие и Судебная реформа 1864 г. / М.В. Немытина // Государство и право. 2015. № 5. С. 93-94.

обращение в суд за защитой прав и законных интересов (выделено нами – М.Г.)»[232]. Развитие судебной компетенции, позволяющей реализовать право на защиту, до 1864 г. находились в «угасающем» положении. Фактически условия, которые позволяли бы четко дать возможность лицу обратится в суд, и тем самым воспользоваться своим правом на восстановление нарушенного права и оспариваемого интереса не было. Это объясняется тем, что реализация принципа защиты зависело от определения законного суда, который базировался на сословности.

Раннее ни в одном юридическом акте не было нормативного регулирования гарантированности права на защиту со стороны конкретного суда после обращения в суд заинтересованного лица, но Устав этот пробел восполнил. Так, «ни одно исковое требование о праве гражданском не может быть *оставлено без соответственной подсудности* (выделено нами – М.Г.) и устранено от суда. Всякий иск о праве гражданском подлежит судебному рассмотрению и не может быть отвергнут подлежащим судом. Частные лица не могут, и по взаимному соглашению, заранее лишить друг друга права обращаться к судебной власти с исками по могущим возникнуть недоразумениями и спорам… (пп. 35-36 «Судебное руководство»)»[233]. В. М. Жуйков и С. В. Никитин полагают, что «это вполне современное, достаточно емкое и точное определение права на судебную защиту в процессуальном смысле»[234]. И с этим вполне можно согласиться, потому что понятие, данное К. П. Победоносцевым еще в период Судебной реформы 1864 г., в настоящее время имеет свое значение, правда, немного иные толкование и содержание, гарантированное Конституцией Российской Федерации 1993 г.[235] и имеющее «продолжение» в нормах права иных

[232] Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX – начало XX вв. С. 84.
[233] Победоносцев К.П. Судебное руководство. М.: Статус; РАП, 2004. С. 20.
[234] Там же.
[235] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 01.08.2014.

нормативных правовых актов.

Впервые правила подсудности стали строго регламентированным правилом, необходимым для реализации лицом права на обращение в суд в целях восстановления его нарушенных прав и интересов. Тем самым, статьи Устава не только предусмотрели право на защиту, но и механизм его регулирования путем четкого определения условий и требований, что в последующем явилось основанием для установления определенного предела для системы обобщения условий и требований реализации принципа защиты прав в государственно-правовой действительности.

В исследуемый исторический период реформированию подверглась вся система судоустройства и судопроизводства и, безусловно, система правового регулирования права на защиту, когда реализация данного права находилась в прямой зависимости от предмета иска и решения конкретного суда со строго очерченной компетенцией[236]. Высшей судебной инстанцией оставался Правительствующий Сенат, кассационные департаменты которого представляли собой единственные в империи суды третьей (кассационной) инстанции, что явилось фактическим средством обеспечения единства судебной практики, а по мнению М. В. Немытиной, способом сохранения правила и обрядов судопроизводства и тем самым служило опорой законодателю[237].

По мнению Н. А. Колоколова, судебная система, введенная «Учреждением судебных установлений», «состояла из двух структур: местных судов (для менее значительных дел) – волостного суда и мирового и судов общих – окружного суда и судебной палаты»[238], при этом подобная организация судопроизводства «с обособлением от общей судебной системы не имела аналогов во всем мире и не была похожа на свои прототипы ни в Англии, ни во Франции»[239]. Доказательством чего служит тот факт, что

---

[236] Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX – начало XX вв. С. 85.
[237] Там же, с. 87.
[238] Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. С. 242.
[239] Судебные уставы. Корректура и поправки сенатора С.И. Зарудного // Журнал Министерства

окружной суд, рассматривал гражданские и уголовные дела, выходившие за пределы подсудности мирового суда[240], сочетая также в своей компетенции апелляционную и кассационную инстанции[241]. Система местных судов включала в себя уездный съезд мировых судей, являвшийся апелляционной инстанцией для мировых судей. Мировые судьи были судом первой инстанции и рассматривали иски, сумма по которым не превышала 500 руб. В целях реализации регламентированного права на защиту мировые судьи были наделены правом рассмотрения и разрешения дел о нарушении прав и свобод человека[242].

Реализации права на защиту осуществлялась путем определения статуса компетентного суда, подсудность которого зависела и «определялась предметом иска, а не свойством возражения ответчика, разве бы, по свойству возражения, подлежащего разрешению суда, оказалось, что предмет его изъят из ведения и обсуждения суда безусловно»[243]. Реформирование и регулирование права на защиту было основано на ликвидации сословного деления[244].

Если говорить о регулировании права на защиту в рамках общей территориальной подсудности, то оно определялось в личных исках, проистекающих из личного отношения и обязательства, об исполнении запродажного договора и обязательствах местом жительства ответчика. При этом право на защиту зависело от действительного, а не предполагаемого места жительства обращавшегося за защитой нарушенного права. Более того,

---

юстиции. 1897. № 6. С. 161-162; См. подробнее: Джанишиев Г. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды / Г. Джаншиев. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1891. 432 с.; Основы судебной реформы. (К 25-летию нового суда). Посвящается памяти С.И. Зарудного, Н.А. Буцковского, Д.Н. Замятнина // Сборник статей. Со вступительной статьей акад. А.Ф. Кони и перепиской Г.А. Джаншиева с А.Ф. Кони; С приложением портрета Г.А. Джаншиева. М.: Задруга, 1914. 230 с.

[240] Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX – начало XX вв. С. 86.

[241] Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех … С. 155.

[242] Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX – начало XX вв. С. 185; Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века … С. 233.; Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех… С. 143.

[243] Победоносцев К.П. Судебное руководство. С. 70.

[244] Исаев И.А. Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия / И.А. Исаев // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 15. М.: ООО Изд-во «Юрист», 2015. С. 148.

в коммерческом суде невозможно было предъявление иска к ответчику, коего местожительство, или пребывание оставалось неизвестно, или находилось «вне округа коммерческого суда; по предъявление таких исков допускается в судах общего порядка»[245].

Защита прав по делам, вытекающих из уголовных правонарушений, определялась по общему правилу территориальной подсудности. Устав предусматривал защиту встреченного иска, выражающуюся в следующем: «Если производство по главному иску прекращено (по воле истца), а по встречному продолжается, то дело остается в том же суде, где встречный иск предъявлен, и не может быть переведено в другой суд по жительству ответчика (бывшего истца) без согласия истца (бывшего ответчика)»[246]. Аналогичное право на защиту, как мы уже указывали, было закреплено статьями Новгородской судной грамоты. Более того, Устав регламентировал право на защиту с участием третьего лица, так: «При вступлении в дело третьего лица особым иском иск сей присоединяется к прежде начатому делу, и подлежащим судом для него признается тот, в коем прежнее дело начато, хотя иск сей, в отдельности взятый, и подлежал бы иной подсудности»[247].

Закрепленный в Уставе 1864 г. механизм правового регулирования права на защиту был обеспечен законодательным обоснованием притязаний в отношении подсудности мировых судей и районных судов при предъявлении заинтересованным лицом нескольких требований, когда одно из них было подсудно другому суду – районному, вышестоящей судебной инстанции по отношению к мировому судье. Так, согласно Устава, «при стечении в одном производстве нескольких предметов, из коих одни подсудны мировому, а другие – окружному суду, дело в целом объеме подлежит ведомству окружного суда»[248]. По сравнению с другими источниками российского права, Устав более четко регламентировал порядок реализации права на защиту

[245] Победоносцев К.П. Судебное руководство. С. 70.
[246]Там же, с. 73.
[247] Там же.
[248] Там же, с. 76.

посредством закрепления четких правил подсудности специализированных судов, в частности коммерческих судов[249].

С. П. Сальников отмечает, что в компетенцию коммерческого суда входили дела о спорах и исках по торговым «оборотам», то есть по сделкам, заключаемым в ходе осуществления предпринимательской деятельности и о торговой несостоятельности. «К его нижней ступени относили конкурсное правление»,[250] «которое должно было: управлять имуществом несостоятельного должника, в необходимых случаях осуществлять меры для розыска имущества и установления долгов несостоятельного, представлять в суд заключение о причинах и свойствах несостоятельности должника»[251]. Следовательно, можно допустить мысль, что коммерческий суд – это прообраз арбитражного суда.

Механизм реализации права на защиту в мировых судах[252], по сравнению с общими, имел более упрощенный характер, что, возможно, было обусловлено желанием законодателя сделать их максимально доступными для осуществления лицами защиты своих прав и свобод[253]. Подсудность же мировых судов по спорам по торговле определялось ценой, не превышающей 100 руб., а в случаях возникновения исков и тяжб между крестьянами на сумму свыше 100 руб., данные дела подсудны не волостному суду, а общим судебным местам.

Таким образом, развитие права на защиту в период реформирования судебной системы во второй половине XIX в. стало уже представлять собой не только отдельный институт права в частной и публичной системе права, но и общеправовую категорию, как абстрактное правоположение, общий принцип права, позволяющий государству гарантированно реализовать право на

---

[249] Победоносцев К.П. Судебное руководство. С. 73-74

[250] Руководство для изучения полицейской службы. / [Сост. Ал. [!]] Щукин, пом. делопроизводителя Канцелярии С.-Петерб. градонач. СПб.: Тип. «Улей», 1913. С. 10.

[251] Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века … С. 153.

[252] Исаев И.А. Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия. С. 150.

[253] См. подробнее: Шеменева О.Н. Мировой судья в гражданском процессе. Монография / О.Н. Шеменева М.: Ось-89, 2006. 144 с.

защиту и охрану прав и интересов любому подданному на территории Российской империи. Ведь, «участие представителей общества при рассмотрении уголовных дел в общих судебных установлениях после введения в действие Судебных уставов 1864 г. носило как всесословный, так и сословный характер»[254].

Всесословность заключалась в том, что кандидаты в присяжные заседатели окружных судов могли быть представителями разных сословий. В то время, в судебных палатах как суда первой инстанции по политическим делам могли участвовать только губернский и уездный предводители дворянства, городской голова, волостной старшина – должностные лица органов сословного управления. Тем самым, это послужило началом законодательного закрепления в статьях юридических актов общеправового принципа защиты в его доступности для всех категорий населения, ведь «мировой суд должен был открыть доступ к правосудию широким слоям населения, обеспечить быстрое и справедливое рассмотрение мелких уголовных и гражданских дел выборными, пользующимися доверием населения судьями и равноправии»[255].

В результате судебной реформы 1864 г. вместо поверенных было законодательно оформлен институт присяжных поверенных (адвокатура), как профессиональное сообщество, объединявшее судебных представителей, профессионально осуществляющих защиту отдельных категорий населения. Были установлены требования, касающиеся образования и стажа работы, т.е. присяжный поверенный «должен иметь аттестат высшего учебного заведения об окончании курса юридических наук или о сдаче экзаменов по таким наукам» и «прослужить не менее 5-ти лет по судебному ведомству в таких должностях, при работе на которых оно могло приобрести практические знания в производстве судебных дел, или не менее пяти лет состоять

[254] Ефремова Н.Н., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду … С. 1424.

[255] Там же.

кандидатом на должности по судебному ведомству, или же заниматься судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощника». Запрещалось быть присяжными поверенными лицам иностранным гражданам; моложе 25 лет; состоящим на службе у правительства или занимающим выборную должность (за исключением почетных или общественных должностей без жалования); лишенным или ограниченным в правах гражданского состояния по решению суда; священнослужителям, которые были лишены духовного сана по приговорам духовного суда; состоящим под следствием за преступления и проступки, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, и те, которым, будучи под судом за указанные правонарушения, не были оправданы судом; исключенным из службы по суду или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат; а также тем, кому решением суда запрещается ходить по чужим делам, и исключенным из числа присяжных поверенных»[256].

Как отмечает К. В. Ильяшенко, если в качестве поверенного лица выступает постороннее лицо, то «действовало правило, согласно которому в городах, где имеется достаточное число присяжных поверенных, стороны могли доверять хождение по делам только таким поверенным. При этом действовала оговорка о том, что лицо может при необходимости доверять ведение своего дела в суде своим родителям, супругу, детям, лицу, имеющему с ним одну тяжбу, или заведующему его имением, или управляющему его делами»[257]. К таким лицам предъявлялись несколько иные требования, чем к присяжному поверенному. Так, запрещалось выступать в качестве поверенного в суде неграмотным (исключение составляло представительство интересов у мирового судьи, но не более 3-х раз в год и в пределах одного и

[256] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. / Классика российского права (проект кампании Консультант+ при поддержке издательства «Статут» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк» // URL: http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

[257] Ильяшенко К.В. Судебное представительство в России до 1917 г. (исторический аспект). С. 224. См. подробнее: Бородин Д.Н. Исторический очерк русской адвокатуры (к 50-летию присяж. адвокатуры). 1864 – 20 ноября – 1914. / Д.Н. Бородин Пг. : Петроградская коммерческая типо-лит., 1915. 101 с

того же судебного округа); несовершеннолетним; монашествующим (кроме случаев, когда священнослужители ходатайствуют за духовное ведомство или за своих жен и детей); несостоятельным лицам (до определения свойства их несостоятельности); состоящим под опекой; ученикам, воспитанникам, студентам и слушателям, не окончивших учебный или академический курс (данное правило не применялось если, поверенные представляют интересы своих родителей, братьев или сестер); отлученным от церкви по приговору церковного суда; лишенным всех прав состояния; преданным суду по обвинению в преступлениях, влекущих за собой потерю всех прав состояния; исключенным из службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или из среды обществ, сословий и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат; лицам, которым судебным приговором запрещено хождение по чужим делам, а также судьям и прокурорам»[258].

Для того, чтобы право на защиту могли осуществлять судебные поверенные, они должны были подтвердить свои полномочия доверенностью или внесением в судебный журнал сведений о судебном представителе тем лицом, который обратился за помощью к нему. Особое значение имело право судебного поверенного отказать представлять интересы другого лица, правда это право ограничивалось запретом стать представителем интересов противоположной стороны.

В результате Судебной реформы 1864 г. одновременно существовали два института представительства интересов иных лиц - присяжные поверенные и частные ходатаи, которые, в отличие от профессиональных поверенных, не имели моральной или дисциплинарной ответственности. Деятельность частных поверенных была регламентирована «Правилами о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам» 1874 г.[259],

[258] Ильяшенко К.В. Судебное представительство в России до 1917 г. (исторический аспект). С. 224.

[259] Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Составил И.М. Тютрюмов. Книга четвертая / Классика российского права URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/36/page_62.html (дата обращения 11.01.2019); Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам: 25 мая / 6 июня 1874 года поверенных по судебным делам (...Утв. 25 мая (6 июня) 1874 г.). / Доклад Комиссии о применении в С.-Петербургском столичном

которыми устанавливалась обязательность иметь свидетельство на право хождения по гражданским делам в тех судах, которые его выдавали по общему правилу. Свидетельство не было бесплатным, частные поверенные должны были ежегодно платить 40 рублей за свидетельство мирового суда и 70 рублей по делам окружного суда. Как отмечает И. И. Зайцева, «в отличие от присяжных поверенных, имевших право вести как гражданские, так и уголовные дела, как по соглашению, так и по назначению, частные поверенные по закону могли вести только гражданские дела и только по соглашению на основании договора поручения»[260].

В 1870-х гг. XIX в. судебная система была подвергнута коренному пересмотру, в частности, институт мировых судей[261]. Уже в 1889 г. Александром III были утверждены Положение о земских участковых начальниках[262] (далее по тексту – Положение) и Правила об устройстве судебной части в местностях[263] (далее по тексту – Правила), в соответствие с которыми на большей части территории России была запрещена мировая юстиция, кроме Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы, Казани, Нижнего Новгорода, Харькова, Саратова и Кишинева. Выбранные на основе принципа всесословности мировые суды были заменены на назначаемых городских судей. Дополнительно был введен институт земских участковых начальников, что вернуло систему судоустройства на местах к прежним дореформенным порядкам, что, по мнению современных исследователей, доказывает тот факт,

---

мировом округе высочайше утвержденного 6 июня 1874 года мнения Государственного совета о поверенных по судебным делам. Правила об установленных законом. Спб.: Тип. Р. Голике, 1874. 13 с.

[260] Цит. по: Ильяшенко К.В. Судебное представительство в России до 1917 г. (исторический аспект). С. 225.

[261] Трофимова М.С. История развития апелляции в гражданском процессе России: прошлое, настоящее, будущее // История государства и права. 2010. № 5. С. 2-5; Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века … С. 235; Энгельман И.Е. Курс гражданского судопроизводства. / И.Е. Энгельман 3-е изд., испр. и доп. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. С. 87.

[262] Положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. / Хрестоматия по истории СССР. 1861 —1917. М.: Просвещение, 1990. С. 201-202.

[263] Правила об устройстве судебной части, о производстве судебных дел в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках. Со включением статей по продолжениям 1906, 1908 и 1909 гг., а также сенатских и министерских разъяснений с приложением «Временных правил о волостном суде» / Сост.: Арефа Н.И. С.-Пб.: Кн. дело, 1912. 300 с.

что «целью принятия Положения и Правил 1889 г. было осуществление управления в деревне и контроль над крестьянами»[264].

М. В. Немытина указывает, что земские участковые начальники наделялись смешанными административно-судебными полномочиями[265], которым были подсудны дела, связанные с земельным и личным наймом, с суммой иска не свыше 500 руб., о восстановлении нарушенного владения, если с момента нарушения прошло не более 6 месяцев, другие гражданские дела с суммой иска, не превышавшей 300 руб., уголовные дела, подсудные по уставам 1864 г. единоличным мировым судьям, за исключением нескольких составов (квалифицированная кража со взломом, беспатентная продажа спиртных напитков и табачных изделий)[266]. Категории дел, подведомственных земским участковым начальникам, свидетельствуют о том, что это был административно-судебный орган, прежде всего, по крестьянским делам[267].

По оценке К. П. Краковского, законодательное введение института земских участковых начальников означало «прежде всего, укрепление роли дворянства в местном управлении и усиление их контроля за крестьянским самоуправлением и обычным правосудием в волостных судах»[268]. Ведь «дела, предоставленные ведению мировых судей, распределялись между земскими начальниками и городскими судьями, с одной стороны, и уездными членами окружных судов - с другой. Второй инстанцией для земских начальников и городских судей сделаны уездные съезды, образуемые из них же с участием почетных мировых судей, которые сохранялись повсюду, а для уездных окружных судов - окружные суды»[269]. Дела, подсудные мировым судьям в

---

[264] Ефремова Н.Н., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду … С. 1425.

[265] Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX – начало XX вв. С. 190.

[266] Положение о земских участковых начальниках. Ст. ст. 48-49; Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века … С. 235-236.

[267] Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX – начало XX вв. С. 191.

[268] Краковский К.П. Земские начальники и мировая юстиция (реформа местного суда 1889 г.) / К.П. Краковский // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. Вып. 1 (19). С. 90.

[269] Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. / Е.В. Васьковский М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1917. С. 24.

ходе проведенной Судебной реформы 1864 г. и выходящие за пределы компетенции земских участковых начальников и городских судей, стали подведомственными уездным членам окружных судов, назначаемым министром юстиции[270].

До 1889 г. ведению волостного суда подлежали только тяжбы и проступки крестьян, теперь стали подсудны все лица бывших податных сословий, постоянно проживающих в пределах волости. В этом смысле, по мнению М.В. Немытиной, волостной суд перестал быть сословным судом для крестьян, становясь судом для всех категорий сельского населения. Если до 1889 г. им были подсудны только споры о надельном имуществе крестьян ценою не свыше 100 руб., как обеспечение государственной гарантии права на защиту, то теперь волостные суды получали права на осуществление судебного разбирательства по всем спорам о надельном имуществе без ограничения ценой иска (кроме исков о праве собственности, основанных на крепостных и явочных актах) при цене иска до 300 руб., дела о наследовании после крестьян: если наследство состояло из надельного имущества, то независимо от его суммы), а также споры об вненадельном имуществе, в том числе дела о наследовании после крестьян вненадельного имущества при цене наследства не свыше 500 руб.)[271].

Таким образом, как отмечает С. П. Сальников, во-первых, законодатели возвратились к пределам подсудности, изложенных в Общих положениях о крестьянах 1861 г. – сумма иска до 100 руб., что фактически означало фактическое уменьшение подсудности (если принять в расчет произошедшие инфляционные процессы). Во-вторых, несмотря на сокращение подсудности, ведению волостного суда подлежали порядка 92-94% дел прежнего волостного суда[272]. Эффект от сокращения подсудности был низким еще из-за

---

[270] Полное собрание законодательства. Собр. 3-е. Т. 9. № 6195. Положение о земских участковых начальниках. Ст. 48-49. Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках. Ст. 6, 14.

[271] Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX – начало XX вв. С. 193.

[272] См. подробнее: Закон о преобразовании местного суда: Текст Закона о мировых судах - пост. объясн. Текст Закона о волост. судах – пост. объясн. Изменения Уст. гр. судопр. – текст и пост. объясн.

того, что в законе прямо указывалось на подсудность исков о защите права собственности, с некоторыми ограничениями, волостному суду, тогда как ранее эти иски не были прямо упомянуты в законе, что вынуждало крестьян обращаться к земскому начальнику. И, в-третьих, определение пределов подсудности волостного суда с наглядностью показало связь двух рудиментов крепостной эпохи - волостного суда и общинного землевладения.

Изменения, принятые в 1889 г., усложнили реализацию механизма правового регулирования права на защиту и его реализации множественностью судебных инстанций, сделав ее довольно сложной и запутанной в осуществлении права на защиту. Это было обусловлено тем, что перераспределение дел, подсудных мировым судьям между земскими участковыми начальниками, городскими судьями и уездными членами окружных судов совершенно не уменьшило рассмотрение дел подсудных окружным судам. Кроме этого, множественность судебных инстанций, и, как следствие, увеличение компетенции и пределы ее разграничения, ограничивали или вовсе не давали возможности реализовать право на защиту. Следует все же предположить, что реализация прав и свобод человека в новой судебной системе, созданной в 1889 г., соотносилась с положениями Устава 1864 г., что и сказалось на правилах подсудности судов.

Автор диссертационной работы разделяет научную точку зрения С. В. Лонской[273], которая, анализируя итоги реформы 1889 г., пишет о том, что в конце XIX в. в Российской империи для рассмотрения малозначительных дел было создано несколько судебных и судебно-административных органов, к которым относились:

«1) мировые суды, действовавшие на основании Общего учреждения судебных установлений 1864 г.;

Изменения Уст. уг. суд. – текст и пост. объясн. Ст. Уст. о наказаниях, обязат. для волост. судов. Ст. Уг. улож. обязат. для мировых судов. Нагляд. табл. подсудности миров. и волост. судов / [Сост.] А.А. Васильев. СПб.: Изд. Юрид. книж. магазина В.П. Анисимова, 1913. 248 с.

[273] Лонская С.В. Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864 –1917 гг.). / С.В. Лонская. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 126-128.

2) мировые суды в национальных окраинах, действовавшие на основании Особенных учреждений судебных установлений 1864 г.;

3) земские участковые начальники, городские судьи и уездные члены окружных судов, действовавшие на основании Положения о земских участковых начальниках 1889 г. и Правил об устройстве судебной части в местностях, в которых введено Положение 1889 г.;

4) волостные суды, действовавшие на основании Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 1861 г., и Временных правил о волостном суде 1889 г.;

5) инородческие суды, действовавшие на основании особых о них положений в местностях компактного проживания этнических групп (самоеды, горцы и т.д.);

6) до конца 1890-х гг. в отдаленных губерниях Сибири, Дальнего Востока, Севера действовали дореформенные суды (земские и т.п.) на основании Учреждений для управления губерний 1775 г.»[274].

Поэтому новая судебная система включала в себя элементы прожитого, т.е. положения и идеи Устава 1864 г. это, полагаем, и сказалось на том, что судебная система 1889 г. стала громоздкой и сложной для восприятия и реализации гражданами права на защиту. В свою очередь, это и влияет на эффективность правосудия, путем сложного определения законного и компетентного суда для восстановления нарушенных прав и законных интересов. Поэтому всесторонний анализ развития правового регулирования права на защиту в историко-правовом аспекте может помочь избежать проблем, возникающих в ходе реализации данного общеправового и межотраслевого принципа.

В соответствии с Указом Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» 1904 г.[275] началось

---

[274] Ефремова Н.Н., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду … С. 1425.

[275] Указ Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» / Список актов конституционного значения 1600—1918 гг. // URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3080/

реформирование местного суда и восстановление института мировых судей. Уже к весне 1906 г. был разработан проект реформы местного суда, который предусматривал реализацию института защиты прав и интересов поданных путём возрождения института мировых судей[276].

Так, партия конституционных демократов предлагала вернуться к Судебной реформе 1864 г., и устранив все отступления от первоначального текста судебных уставов, внести необходимые изменения[277]. Первоначально законопроект об изменении судебной системы был внесен на обсуждение в Государственную Думу первого созыва. Изменения касались следующего:

1) предлагалось упразднить суд Судебной палаты с участием сословных представителей, а разрешаемые им ранее дела передать в ведение окружных судов с участием присяжных заседателей[278], что должно было устранить сословные преимущества и привилегии[279];

2) наказание применялось только по факту вступления в юридическую силу приговора компетентного суда;

3) вводился принцип независимости судебных учреждений от администрации, что означало запрет любого вмешательства со стороны министра юстиции, в том числе в процедуру назначения и увольнения судей с должности, в ход судебного расследования;

4) запрет на награждение со стороны имперского правительства судей;

5) установление принципа равенства всех перед судом, в результате чего, виновность должностных лиц должна определяться на общих основаниях;

6) только суд с участием присяжных заседателей может разбирать дела с наибольшей тяжестью наказаний и, прежде всего, касающиеся

(дата обращения 02.12.2018)

[276] Александрова А.В. Судебная власть в России в 1905 – 1917 гг. / А.В. Александров // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 15. М.: «Юрист», 2015. С. 16.

[277] Программа партии Народной свободы (конституционной-демократической): [принята на учредительном съезде партии 18 октября 1905 г.; изменения внесены на 2-м съезде 5 января 1906 г. и на 7-м съезде 25 марта 1917 года]. М.: Б. и., [1917]. Ст. 27.

[278] Дума. 1906. 23 мая, 24 мая.

[279] Дума. 1906. 23 мая; Проект изменения судебных уставов. Ст. 1 - 3.

государственных преступлений и деяний, нарушающих Закон о печати;

7) провозглашался принцип единства кассационного производства;

8) право на защиту в судебном процессе гарантировалось участием адвокатов, организованных исключительно на принципах самоуправления[280].

9) мировая юстиция должна была заменить волостную юстицию, а именно: мировые судьи «для малых дел» учреждались «взамен земских начальников», а для «больших дел» - совместное заседание мирового судьи и суда присяжных заседателей. Мировых судей и присяжных заседателей избирает местное население с целью их доступности, для чего отменяется имущественный ценз при занятии подобных должностей[281].

Частично эти предложения были внесены в Закон «О преобразовании местного суда»[282] (далее по тексту – Закон 1912 г.), внесенный Министерством юстиции на обсуждение Государственной Думы III созыва, и вступивший в силу только 1 января 1914 г. на территории 10 губерний. В соответствии с этим законом, несмотря на то, что система мировых судов в целом не изменилась – первой инстанцией были единоличные мировые судьи (почетные, участковые и добавочные), составлявшие совместно вторую инстанцию - мировой съезд, само правовое положение мировой юстиции стало принципиально другим. Это подтверждается тем, что территориальная подсудность не увязывалась с уездным делением потому, что на всю территорию Российской империи была распространена возможность объединения в один мировой округ нескольких уездов (ранее действовавшее лишь на Правобережной Украине)[283]. По мнению С. В. Лонской, Закон 1912 г. «остановился на полпути в вопросе положения мирового суда в судебной системе», т. к. законодательно закрепил существование судебной палаты, обладающей надзорной функцией за

[280] Попова А.В. Проблемы институализации государства в российском неолиберализме в начале XX в.: монография / А.В. Попова // М.: Изд-во Юрлитинформ, 2017. С. 178.

[281] Программа Партии Народной Свободы. Ст. 28.

[282] Закон 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда» // Полное собрание законодательств Российской империи. Собрание третье. Т. 33. Ч. 1. №39582. Стб. 650-651; Т. 32. Ч. 1. С. 662-663 // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1957&regim=3 (дата обращения 30.10.2018 г.)

[283] Лонская С.В. Мировая юстиция в России: Монография. / С.В. Лонская. Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 2000. С. 141-142.

деятельностью мировых судей[284].

Кроме мировых судей Закон 1912 г. определял устройство следующих низовых звеньев судебной системы:

1) волостные суды, сохраняя характер сословного суда, разрешавшего дела между крестьянами, представляли собой низшей инстанцией местного суда;

2) верхний сельский суд, состоявший из председателя (мировой судья) двух членов (председатели волостных судов по очереди, установленной мировым съездом) являлся апелляционной инстанцией для волостного суда и подконтрольный земскому участковому начальнику; а мировому съезду.

3 марта 1917 г. Приказом министра юстиции были введены временные суды[285] (в составе председателя (мировой судья) и двух членов (выборные представители от рабочих и армейских подразделений) в г. Петрограде, подсудность и порядок деятельности которых были определены в Инструкции для временных судов[286]. Так, они имели право решать уголовные дела по факту обеспечения личной и имущественной безопасности граждан; общественного порядка и спокойствия, в том числе и посягательства против «нового порядка», совершенные после 27 февраля 1917 г.

Временный суд мог назначить одно из следующих наказаний: выговор, замечание, внушение, штраф до 10 тысяч руб., арест до трех месяцев и тюремное заключение до 1,5 лет. Приговор был окончательным и не подлежал апелляции, в порядке надзора мог был быть отменен только лично министром юстиции Временного Правительства. В случае, если требовалось более строгое наказание, дело передавалось на рассмотрение вышестоящей инстанции. Таким образом, по мнению С. В. Лонской, подобные органы судебной власти реализовывали в своей деятельности принцип

---

[284] Там же, с. 152.

[285] Об образовании временных судов в Петрограде: приказ министра юстиции от 3 марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 7/53.

[286] Инструкция для временных судов от 22 марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 19/65.

«революционной законности», «будучи плодом компромисса между Временным правительством и Советами рабочих и солдатских депутатов, они исчезли вместе с исчезновением ситуации «двоевластия», (…) были упразднены уже 19 июля 1917 г.»[287].

Таким образом, первым кодифицированным актом, законодательно закрепившим право на защиту прав и интересов в суде, является Воинский устав Петра I 1715 г., а точнее – раздел «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб». Основное значение для определения содержания категории права на защиту имеют его положения о судебном разбирательстве по иску потерпевшей стороны только по месту нахождения ответчика; нормы о праве обращения к представителей интересов сторон судебного процесса (адвокатам) при невозможности участия в суде по уважительной причине одной из сторон; о четырех законных доказательствах, используемых при защите нарушенных прав - признание, свидетельские показания, письменные доказательства и присяга).

Особую роль в области правового регулирования защиты прав имеет Свод законов Российской империи 1832 г., т.к. в нем в специальных главах (Глава VI «О праве вознаграждения за понесенный вред и убытки» и Глава VII «О праве судебной защиты по имуществам») впервые определены основания для выплаты различных компенсаций в случае нарушения прав и интересов отдельных категорий населения или нанесения ущерба имущественным правам этих лиц. была проведена систематизация оснований для защиты нарушенных прав лица путем выплаты различных компенсаций. Так, в Главе VI законодательно закреплены права на справедливое и приличное вознаграждение в случае принудительное изъятие недвижимого имущества собственнику на основе достигнутого с ним соглашения, в случае же отсутствия оного – размер компенсации определялся специально создаваемой предводителем уездного дворянства комиссией. Если изъятие происходит в

[287] Лонская С.В. Мировая юстиция в России. С. 152-154.

общественных или государственных интересах, то размер компенсации определяется стоимостью недвижимости.

По согласованию с собственником возможна была замена денежной компенсации равным по значимости и стоимости иным имуществом. Большое значение, безусловно, имеет Глава VII, в соответствии с нормами которой, дворянин, в отношении которого установлено причинение вреда, получил право обращения в суд за защитой нарушенных имущественных прав в течение 10 лет с момента нанесения ущерба его имуществу. Предусматривалась самозащита от самоуправства со стороны третьих лиц.

Право на защиту в судебном процессе могло осуществляться как самостоятельно лицом, либо через институт судебного представительства в России до Октябрьской революции 1917 г. Представлять интересы могли как судебные поверенные в уголовном и гражданском процессе, так и частные поверенные исключительно в гражданском процессе, имевшие доверенность от суда, в котором они и получали право защиту своих доверителей. Таким образом, право на защиту в дореволюционном законодательстве представляло собой не только право личности, которое раскрывает право на защиту через право на судебную защиту, право на законный суд, право на обращение в суд, но и особенную или универсальную правовую идею права на защиту – как принцип права (отраслевой и межотраслевой), гарантированный от имени государства.

§ 3. Право на защиту в советском законодательстве

В начале XX в., после свержения царского правительства, характеристика права на защиту получила свое дальнейшее развитие. На наш взгляд, произошел некоторый возврат к оценке этого права как индивидуального права, т.к. применение судами царского законодательства ставилось под сомнение, приоритет был за создаваемым в общественном

правосознании революционным содержанием права, появлением т.н. «революционной законности», явившейся закономерным следствием двоевластия. После свержения Временного правительства была предпринята попытка полного упразднения старой судебной системы и замены ее принципиально новой революционной модели, хотя первые попытки, как мы указывали в предыдущем параграфе, уже были в актах периода Двоевластия[288]. Как отмечает О. Д. Максимова, «после Октябрьской революции была поставлена задача создать право нового типа на основе марксизма, который был официальной идеологией Советского государства»[289].

Октябрьская революция 1917 г. явилась поворотной вехой в истории не только российского, но и общемирового государства и права, результатом которой стал отказ от неолиберальной попытки осуществить в России ряд преобразований, конечным итогом которого должно было выступить построение демократического, конституционного, правового и социального государства[290], и провозглашение государства принципиально нового типа - советской республики. Как отмечает И. А. Кравец, построение системы советской власти было основано на принципе народного суверенитета, который был важнейшим условием легитимации монопольного господства одной партии, лидеры которой выступали от имени народа, сохраняя рычаги механизма государственной власти для трансформации общества[291].

Первым юридическим актом, провозгласившим новую Россию, стала принятая на III Всероссийском съезде Советов Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа[292], явившаяся вместе с текстом Конституции (Основного Закона) Российской Социалистической Федеративной Советской

---

[288] Краснов Ю.К. Российская государственность … С. 251.

[289] Максимова О.Д. Роль Д.И. Курского в формировании идей советского права и в законотворчестве / О.Д. Максимова // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 226.

[290] См. подробнее: Попова А.В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политико-правовой доктрины в России: конец XIX – начало XX вв. С. 166-318.

[291] Кравец И.А. Формирование российского конституционализма. С. 62.

[292] Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа [Принята III Всероссийским съездом Советов] // СУ РСФСР. 1918. № 15. Ст. 215.

Республики[293] (далее по тексту — Конституция РСФСР 1918 г.) единым нормативным актом, устанавливающим новую правовую действительность, основанную на диктатуре пролетариата и подразумевавший «вольности рабочего класса (трудящегося населения в городе и деревне)»[294] и подчеркивая классовый характер прав человека[295], будучи «Конституцией гражданской войны».

Несмотря на то, что в нормах Конституции РСФСР 1918 г. не упоминалось о защите и охране прав вообще и о праве на защиту в частности, советским правительством были предприняты попытки проведения судебной реформы с целью реализации механизма защиты и охраны прав и свобод рабочего класса. В. И. Ленин по вопросу возможности гарантирования прав человека в Советской Республике отмечал, что «центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся, свергающих эксплуататоров»[296]. Особое значение, по нашему мнению, имел факт не просто провозглашения наличия прав только у трудящихся, а необходимости разработки механизма их реализации[297].

После Октябрьской революции право на защиту получили только трудящийся и эксплуатируемый народ в лице рабочих (пролетариев), беднейших слоев крестьянства, солдат и казачества. Однако такое содержание исследуемой категории права не могло состояться в правовой действительности «военного коммунизма». Желание немедленного освобождения от законодательных установок предшествующего периода не

---

[293] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[294] Стучка П.И. Избранные произведения по марксистской-ленинской теории права. / П.И. Стучка; Сост.: Клява Г.Я. Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. С. 252.

[295] Плотников А.А. Конституция РСФСР 1918 г.: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Плотников Андрей Анатольевич М., 2003. С. 109.

[296] Ленин В.И. Черновой набросок проекта Программы. / В.И. Ленин // Поли. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 36. М.: Изд-во Полит. лит-ры, 1974. С. 73

[297] См. подробнее: Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина о социалистическом государстве и праве: история и современность. / Витрук Н.В., Гайдуков Д.А., Губин В.Ф., Лукашева Е.А., и др.; Редкол.: Витрук Н.В., Мамут Л.С., Фарберов Н.П., Шебанов А.Ф. М.: Наука, 1978. 431 с.

реализовалось именно из-за отсутствия норм права, подлежащих применению, а также невысокого уровня профессионального правосознания лиц, облеченных судебной властью.

В этих условиях вынужденной мерой было привлечение к организации судебной власти «старых» кадров, обладавших юридическим образованием, но, в то же время, бывшими лояльными к советской власти. Право за защиту становится в прямую зависимость от классового содержания, а законность подменяется революционным правосознанием. Поэтому рабочим и крестьянским революционным трибуналам, как чрезвычайным органам[298], были подсудны наиболее тяжкие преступления и, прежде всего, дела, связанные с контрреволюцией и саботажем[299], в силу того, что члены «троек», избираемые только из числа лиц, признаваемых Конституцией 1918 г. гражданами РСФСР, уже в силу своей классовой принадлежности обладали высокой степенью революционного правосознания. Таким образом, произошел возврат от общеправовой характеристики категории право на защиту к ее единичному содержанию, бывшим распространенным со времен Русской правды и до начала XIX в. включительно.

После объявления советской власти на территории России были созданы первые судебные органы для осуществления подлинной социалистической справедливости. Как отмечал П. И. Стучка: «Революционные суды образовались раньше, чем издавались общие о суде закона, старые законы были признаны упраздненными раньше, чем о том повествовали декреты»[300]. Д. И. Курский, будучи руководителем центрального органа юстиции, утверждал, что Октябрьская революция уничтожила прежний суд, основанный на классовом базисе и несправедливости, создав принципиально новый суд, в котором решающим голосом обладали народные заседатели,

---

[298] Руководство для устройства революционных трибуналов // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов № 238. 28.11.1917 г.

[299] Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 года «О Революционных Трибуналах (Положение)» // Известия ВЦИК. № 67. 27.03.1920.

[300] Стучка П. Пять лет революции права / П. Стучка // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44-45.

избираемые только из трудящихся и эксплуатируемых масс (рабочих и беднейшего крестьянства) Советами[301]. Об организации судебной власти он писал: «Пролетариат, облекая своих представителей исключительной полнотой власти, какой еще не знала история, отказался бы по существу от своей диктатуры, если бы допустил хотя бы в одном пункте, хотя в одной отрасли государственного управления, несменяемость того или другого своего представителя»[302].

Однако в силу того факта, что законодательные акты, регламентирующие создание иной судебной системы, создавались, в том числе и юристами, получившими образование под влиянием дореволюционной школы, порядок формирования и деятельности советских судов был схож с предшествующим событиям 25 октября (7 ноября) 1917 г. правовой реальностью в сфере судопроизводства. Новая концепция пролетарского права, созданного и призванного служить только интересам трудящихся в целях коммунистического будущего, была создана Д. И. Курским, П. И. Стучкой и Н. В. Крыленко, получившими юридическое образование в Московском и Санкт-Петербургском государственных университетах Российской империи.

Как отмечали М. П. Ирошников и В. П. Портнов, «в старом госаппарате имелись и рациональные звенья, которые временно или постоянно могли быть полезны новому обществу. Соответствующая часть буржуазного госаппарата, выполнявшая учетно-регистрационную, информационную, статистическую и другую нужную для любого социального строя работу, могла быть реорганизована и приспособлена к условиям нового общества»[303]. Первые декреты о суде советской власти, авторами которых они являлись, были написаны с позиции этой концепции.

---

[301] Курский Д.И. Избранные статьи и речи. / Д.И. Курский М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1958. С. 83-87.

[302] Цит. по: Максимова О.Д. Роль Д.И. Курского в формировании идей советского права и в законотворчестве. С. 227.

[303] Ирошников М.П., Портнов В.П. Об особенностях революционного слома буржуазных карательных учреждений в России. / М.П. Ирошников, В.П. Портнов // Правоведение. 1970. № 3. С. 90.

Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О суде» [304] (далее по тексту – Декрет № 1) упразднил все существующие в России суды, включая окружные, судебные палаты и Правительствующий Сенат со всеми департаментами, военные, морские и коммерческие суды; приостановил действие мировых судов; упразднил институты судебных следователей, прокуратуры и адвокатуры; отменил все законы России, которые противоречат декретам Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее по тексту – ВЦИК), а также политическим программам большевиков и эсеров[305]. Декрет № 1 ограничивал компетенцию местного суда, распространяя его подсудность лишь на гражданские иски ценой не более 3000 рублей и уголовные дела, по которым правонарушителю грозило наказание в виде лишения свободы сроком до 2-х лет. Таким образом, заменив систему дореволюционных мировых судей институтом местных судов (в составе постоянного судьи и двух заседателей), ставшими первой судейской инстанцией, по отношению ко второй - уездным съездам местных судей, Декрет № 1 практически полностью повторил акты Российской империи и Временного Правительства, за исключением способа их формирования[306].

В научной литературе, например, в работах Л. И. Антоновой[307],

---

[304] Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О суде» // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 17.

[305] Декрет о Суде. // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50; Краснов Ю.К. Российская государственность ... С. 251-252; Алакпаров К.А. Становление отечественного суда и формирование принципов судопроизводства в 1917-1936 гг.: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. / Алакпаров Казим Алакпарович М., 2005. С. 37.

[306] Постоянные местные судьи избирались путем прямых выборов, до проведения которых районные, волостные или уездные, а в случае их отсутствия – городские и губернские Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов имели право их избрания. Причем на должности местных судей могли претендовать прежние мировые судьи. Как отмечал П.И. Стучка, прямые выборы были вынужденной уступкой представителям партии социал-революционеров, входившим в этот период времени в коллегиальное правительство, наряду с членами ВКП(б). Фактически местные судьи назначались исполнительными комитетами названных Советов, а очередные заседатели могли быть приглашены на заседания суда только из списка, подготовленных теми же Советами.

[307] Антонова Л. И. Великая Октябрьская революция и создание народных судов (1917 – 1918 гг.) [Электронный ресурс] // Юридическая Россия. 2002 – 2006. URL: http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1133185 (дата обращения 15.10.2018)

М. В. Кожевникова[308], Д. И. Курского[309], Н. В. Крыленко[310], П. Г. Мишунина[311], М. М. Славина[312], долгое время господствовала мнение о том, что принятие этих декретов представляло собой закономерный этап развития советской правовой политики, базисом для которой выступал принцип революционной целесообразности. Но это не совсем так, первоначально большевики не рассматривали юстицию, вообще, и судебную власть, в частности, необходимой составляющей новой советской действительности. Так П. И. Стучка[313] вспоминал, что проект Декрета № 1 был им подготовлен совместно с М. Козловским по собственной инициативе[314].

Однако в сложившихся исторических реалиях военного коммунизма необходимость в судейских установлениях стала насущной необходимостью, поэтому революционное правосознание становиться источником права для правоприменительной практики в судебных учреждениях, заменяя и подменяя собой закон. Действовало положение, что «местные суды... руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»[315].

А. В. Верещагина отмечает, что Декрет № 1, принятый Советом Народных Комиссаров (далее по тексту – Совнарком) 22 ноября 1917 г., был ответом на «потребность в наведении революционного порядка», его нормы

---

[308] Кожевников М.В. История советского суда / М.В. Кожевников; под ред.: Голяков И.Т. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 376 с.

[309] Курский Д. И. Статьи и речи, 1919 – 1926. / Д.И. Курский М.: Юридическое изд-во Н.К.Ю. РСФСР, 1927. 118 с.; Его же Основы революционного суда / Д. Курский // Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 1. М.: Изд-во Наркомюста, 1918. 56 с.; Его же Избранные статьи и речи. / Д.И. Курский М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1958. 327 с.

[310] Крыленко Н.В. Судоустройство в РСФСР. Лекции по теории и истории судоустройства. / Н.В. Крыленко М.: Юридическое издательство НКЮ, 1924. 414 с.

[311] Мишунин П.Г. К истории декрета № 1 о суде / П.Г. Мишунин // Советское государство и право. 1952. № 1 (январь). С. 31–38.

[312] Славин М.М., Смирнов Н. Портнов В.В. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг.). / М.М. Славин, Н. Смирнов, В.В. Портнов М.: Наука, 1990. 166 с.

[313] Стучка П. Пять лет революции права. / П. Стучка // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44-45; Стучка П. Классовый или демократический суд. / П. Стучка // Правда. 1917. № 185.

[314] Верещагина А.В. Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание / А.В. Верещагина // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 102.

[315] Стучка П. Пять лет революции права / П. Стучка // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44-45.

которого были направлены на «урегулирование споров (…) для придания легитимности новой власти, подтверждения ее прерогативы на применение репрессий за нарушение устанавливаемых советской властью норм, оформлявших советскую государственность и направленных на ее защиту»[316]. В введении к проекту Декрета № 1 указывалось, что в результате его принятия должна быть решена «неотложная творческая задача по созданию новых судов и по выработке новых законов, которые должны отразить в себе правосознание народных широких масс»[317].

Как вспоминал П.И. Стучка, один из авторов Декрета № 1: «суть декрета заключалась в двух положениях: разогнать старый суд и отменить все старые законы»[318]. Основное значение этого декрета, по его мнению, заключалось в провозглашении «революционного правосознания» и «революционной совести» основными источниками судейского решения, именно в этом П. И. Стучка видел гарантию того, что «красные» прокуроры у нас не превратятся в дореволюционных прокуроров, «красные» защитники не обратятся в прежних Балалайкиных, а советские народные суды не станут просто казенными судами»[319].

Оценивая значение Декрета № 1, А. В. Верещагина справедливо отмечает, что он носил межотраслевой характер: в нем содержались судоустройственные нормы и нормы уголовно- и гражданско-процессуального права, что роднило его с актами обществ с активным политогенезом. Например, таким же актом была Русская Правда, в которой судоустройственная и процессуальная регламентация практически отсутствовали, не было четких понятий, противоправность деяния определялась представлениями тяжущихся сторон о нарушенном праве,

---

[316] Верещагина А.В. Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание. С. 103.

[317] Проект Декрета № 1 о суде // Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. II. М.: Изд-во Наркомюста, 1918.

[318] Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сборник статей 1917-1930 гг. М.: Госюриздат, 1931. С. 155.

[319] Стучка П. Пять лет революции права. / П. Стучка // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44-45.

обратившихся к правомочным»[320].

Право на защиту перестало быть привилегией адвокатов, т. к. Декрет № 1 запретил как частную, так и присяжную адвокатуру. Каждый теперь имел право быть себе адвокатом защиты, но только в том случае, если у него «было правильное сознание», причем «правильное» было синонимом революционного, классового сознания. Таким образом, нормами ст. 50 Декрета № 1 устанавливался принципиально новый порядок – когда в ходе судебного заседания, после оглашения протокола следственной комиссии, любой, присутствующий на заседании имел право задавать вопросы сторонам разбираемого дела, а также выступать в роли обвинителя или защитника. Обвиняемый имел право поручить собственную защиту любому лицу (представителю его интересов) как в ходе предварительного следствия по делу, так и в самом ходе судебного заседания[321].

Конституция РСФСР 1918 г. не предусматривала право на защиту, а лишь гарантировала отдельные права рабочим и беднейшему крестьянству. Однако, 1922 – 1923 гг. ознаменовались принятием процессуальных нормативных правовых актов, закрепивших категорию защиты права и сам механизм защиты и охраны прав рабочего класса и трудового крестьянства. Тем самым, государство взяло на себя обязанность по соблюдению прав, гарантированных Конституцией РСФСР 1918 г. Поэтому, несмотря на отсутствие прямого закрепления принципа защиты прав советских гражданин, нормы процессуального законодательства закрепляли возможность обеспечения доступности и восстановления нарушенных прав отдельных классов в соответствие с провозглашенной диктатурой пролетариата.

Для рассмотрения дел, не подлежащих подсудности местных судей, 15 февраля 1918 г. был принят Декрет ВЦИК «О суде» (далее по тексту – Декрет о суде № 2), в соответствии с которым для населения нескольких

---

[320] Верещагина А.В. Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание. С. 104.

[321] Соломатин Е.Н. Формирование советской адвокатуры в условиях судебной реформы 1922 – 1930-ые гг. / Е.Н. Соломатин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2009. Вып. 2-1. С. 252-253.

уездов создавались окружные суды[322]. При этом Декретом № 2 была расширена компетенция местных судов, но споры о подсудности не допускались, поэтому судебное учреждение, признав дело себе неподсудным, немедленно должно было препроводить его в суд по подсудности, который обязан разрешить дело. Право на защиту предусматривалось только для физических лиц, поэтому судебные иски между государственными учреждениями не допускались[323]. В качестве кассационной инстанции выступал уездный, а в столицах – столичный съезд местных судей[324].

Часть Декрета № 2, принятая 7 марта 1918 г., предусматривала создание коллегии правозащитников в составе народных судов как группы профессиональных лиц, осуществляющих защиту граждан РСФСР. Такая группа, по замыслу В.И. Ленина, должна быть малочисленной, квалифицированной и контролируемой не судами, как до Октябрьской революции 1917 г., а местными Советами. Как отмечает С. О. Гаврилов, нормами Декрета № 2 «предусматривался порядок избрания и отзыва членов коллегии защитниками соответствующим Советом рабочих и крестьянских депутатов. Каждый обвиняемый имел право пригласить себе правозащитника самостоятельно, либо обратиться в народный суд с просьбой предоставить ему такового. При этом в судебных прениях могли участвовать два члена коллегии, один из которых поддерживал обвинение, а второй играл роль защитника»[325].

В июле 1918 г. был принят новый Декрет СНК «О суде» от 20 июля

---

[322] Декрет ВЦИК «О суде» от 15 февраля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 26. Ст.420; Лёзов И.Л. Советский суд в 1917-1940 гг.: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Лёзов Игорь Леонидович М., 1998. С. 23-24; Алакпаров К.А. Становление отечественного суда и формирование принципов судопроизводства в 1917-1936 гг. С. 39; Краснов Ю.К. Российская государственность … С. 252-253.

[323] Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве: дис. канд. юрид. наук. М., РГБ, 2004. С. 24.

[324] Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. С. 294.

[325] Гаврилов С.О. Институциональные основы и региональные особенности советской адвокатуры в период с 1917 до начала 60-х гг. (на примере Западно-Сибирского региона): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаврилов Станислав Олегович М., 2017. URL: https://scicenter.online/teoriya-gosudarstva-prava-scicenter/advokatura-period-stanovleniya-sovetskogo-166459.html (дата обращения 10.01.2019)

1918 г.[326] (далее по тексту - Декрет № 3), по которому местному суду стали подсудны дела по искам до 10 000 рублей[327], при этом вместо прежних многочисленных судебных органов, существовавших по Декрету № 1 и Декрету № 2, вводился единый народный суд, которому были подсудны почти все гражданские дела. Судом второй инстанцией для них являлся Совет народных судей[328]. Таким образом, к 1922 г. в советской России была создана следующая судебная система. Судом первой инстанции, решавшей все дела по существу, провозглашался «единый народный суд», который действовал «на территории района уездного или городского» с широкой компетенцией. Ему, в соответствие со ст. 4 Положения о народном суде РСФСР, утвержденным Декретом ВЦИК 21 октября 1920 г.[329], «в пределах района были подсудны все уголовные дела, споры об имущественных и личных правах и интересах, а также дела в порядке бесспорного производства, по которым требуется для какого-либо учреждения Республики или лица установление факта или события».

30 ноября 1918 г. ВЦИК принял Положение «О народном суде РСФСР»[330], целью которого стало создание унифицированной и упрощенной системы судоустройства, когда вместо коллегии правозащитников при народных судах и революционных военных трибуналах были созданы коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе. Члены таких коллегий считались госслужащими, получавшими оклады, устанавливаемые исполкомами Советов. Как отмечает Г. Т. Камалова, «в гражданском процессе в качестве представителей сторон могли выступать, как и прежде, ближайшие родственники, а также уполномоченные от

[326] Декрет СНК «О суде» от 20 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

[327] Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. С. 296.

[328] Там же, с. 297.

[329] Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о народном суде РСФСР». // Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

[330] Декрет ВЦИК от 30.11.1918 «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // Известия ВЦИК. № 269. 08.12.1918; № 270. 10.12.1918.

советских учреждений»[331]. Оказание помощи в осуществлении права на защиту было платным, оплата происходила на счет Наркомюста, который выплачивал заработную плату членам коллегий обвинителей и защитников. Следует отметить, что граждане не имели право напрямую выбирать себе защитника, для этого они должны были обратиться с соответствующим заявлением в суд или коллегию, которые и назначали защитника.

Необходимость проведения судебной реформы в начале 1920-х гг. была обусловлена практически «нерабочей» системой судебных органов, когда одновременно действовали: народный суд в составе постоянного народного судьи, народный суд в составе постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей, народный суд в составе постоянного народного судьи и шести очередных народных заседателей, камера народного судьи при Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) и ее отделениями, дежурная камера народного суда, особые сессии народного суда, действовавшие под председательством члена президиума совета народных судей или уездного бюро юстиции и при участии народных заседателей для рассмотрения наиболее важных дел, подсудных народному суду, губернские Советы народных судей (кассационная инстанция для рассмотрения жалоб на приговоры и решения народного суда) и находящиеся при них особые сессии народного суда, губернские трибуналы, военные трибуналы, военно-транспортные трибуналы, единый Верховный трибунал при ВЦИК, Высший судебный контроль при Наркомате юстиции. В качестве органов судебного управления и органов надзора за исполнением законов действовали: в республике – Наркомат юстиции, в губерниях – губернские отделы юстиции, в уездах – уездные бюро юстиции[332].

Второй предпосылкой для судебной реформы следует назвать

---

[331] Камалова Г.Т. Характер деятельности советской адвокатуры в годы НЭПа. / Г.Т. Камалова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15. № 3. С. 12.

[332] Судебная реформа 1922 года / История судебной системы в России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.А. Демичев и др. под ред. Н.А. Колокова. М.: Юрист, 2012. 224 с. [Электронный ресурс] / URL: http://isfic.info/court/cohis76.htm (дата обращения 30.11.2018)

произошедший политико-правовой кризис в общественном сознании после завершения Гражданской войны и перехода к новой экономической политике (далее по тексту – НЭП), а также изменения трактовки социалистического права. Часть руководящих партийцев во главе с В.И. Лениным пришло к выводу о возможности использования в правовой политике советского государства дореволюционных неолиберальных идей, получивших свое развитие в начале XX в., а именно: необходимость создания строгой системы законодательства для систематизации большого нормативного материала и ликвидации существенных пробелов в сфере правового регулирования общественных отношений в целях осуществления революционной законности и правопорядка и при сохранении уже сложившейся в стране практики диктатуры пролетариата.

31 октября 1922 г. ВЦИК утвердил Положение о судоустройстве РСФСР[333], вступавшее в юридическую силу на всей территории РСФСР с 1 января 1923 г. и устанавливающее единую советскую судебную систему в виде общих судов, к числу которых могут быть отнесены: народный суд в составе постоянного народного судьи; народный суд в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей; губернский суд и Верховный суд РСФСР, избираемый ВЦИК в составе Президиума, Пленума и семи коллегий (две судебные (по уголовным и гражданским делам), две кассационные, военная, военно-транспортная и дисциплинарная). Верховный суд РСФСР работал одновременно как суд первой инстанции по особо опасных преступлениях; в качестве надзорной инстанции по отношению ко всем судебным органам без исключения, а также в роли кассационной для губернского суда.

Кроме таких судов в единой системе судопроизводства параллельно действовали и чрезвычайные (квазисудебные) органы специальной компетенции, к числу которых следует отнести: революционные трибуналы в

[333] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

крупных центрах; Верховный революционный трибунал при ВЦИК, одновременно выступавшим в роли суда первой инстанции по наиболее сложным делам и кассационной инстанции для всех революционных трибуналов; революционные военные трибуналы, военно-транспортные революционные трибуналы, трудовые сессии народных судов, земельные комиссии, арбитражные комиссии при Совете труда и обороны (СТО) и губернских экономических совещаниях.

Особое значение в целях исследования темы диссертационной работы имеет создание советской прокуратуры[334] и адвокатуры в ходе судебной реформы 1922 г., как органов призванных гарантировать от лица государства обеспечивать граждан РСФСР право на защиту. Первоначально предлагалось двойное подчинение прокуратуры не только вышестоящим прокурорским органам, но и исполнительным комитетам (далее по тексту – исполкомам), но В. И. Ленин выступал за создание независимой, но не автономной системы надзорных инстанций, когда Народный комиссар юстиции являлся Прокурором Советской Республики. Поэтому в целях создания независимой судебной системы и устранения вмешательства исполнительных комитетов при различного уровня Советов, прокуратура как подразделение Наркомата юстиции должна была осуществлять не только надзор от имени государства за соблюдением законов всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью, надзор за следствием и дознанием, за местами заключения, поддерживать государственное обвинения в уголовном процессе, но и осуществлять защиту публичного интереса в гражданском процессе.

В отличие от прокуратуры как государственного учреждения, адвокатура, в соответствии с принятым Положением об адвокатуре[335] III

[334] Постановление ВЦИК от 28.05.1922 «Положение о прокурорском надзоре» // Известия ВЦИК. № 132. 16.06.1922.

[335] Положение об адвокатуре // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

сессией ВЦИК 26 мая 1922 г., объявлялась профессиональной автономной добровольной общественной организацией[336], в виде корпорации советских защитников, имеющей признаки дореволюционной адвокатуры. Причинами воссоздания адвокатуры была связана с необходимостью обеспечить со стороны государства каждому гражданину нового советского государства не только права на защиту в судном процессе, но и права на юридическую помощь. Создаваемые в соответствие с Положением об адвокатуре коллегии защитников по гражданским и уголовным делам, контролировались губернскими отделами юстиции, а затем губернскими судами.

Деятельность защитников строго регламентировалась Положением о коллегии защитников[337] (далее по тексту – Положение о защитниках 1922 г.), утвержденной Народным комиссариатом юстиции РСФСР (далее по тексту – Наркомюст) 05 июля 1922 г. Члены коллегии защитников имели право выступать в уголовном процессе в роли защитников, а в гражданском – представителей истца и ответчика, но под контролем судов и исполкомов губернских советов рабочих и крестьянских депутатов.

Так, в соответствии со ст. 2-3 Положения о защитниках 1922 г., членами коллегии могли быть только те, которые а) имели практический стаж ответственной работы не менее 2-х лет в органах советской юстиции, а именно: судьи, следователи, члены коллегии отделов юстиции, консультанты и правозаступники; б) выдержали испытание по особой программе[338] в особой комиссии «в составе председателя совнарсуда или его заместителя, как председателя комиссии, и 2-х членов – одного из числа членов президиума совнарсуда и одного члена президиума коллегии защитников». Запрещалось выступать в роли защитников: а) несовершеннолетним; б) лишенным права

[336] Соломатин Е.Н. Формирование советской адвокатуры в условиях судебной реформы 1922 – 1930-ые гг. С. 252.

[337] Положение о коллегии защитников (утв. Наркомюстом РСФСР 05.07.1922) // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922-1925 гг. М., 1926.

[338] Приложение № 3 к Положению о коллегии защитников // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922 – 1925 гг. М., 1926.

избирать и быть избранными по ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г.[339]; в) «состоящим под следствием или судом по преступлениям, за совершение коих Уголовным Кодексом РСФСР предусматривается наказание, лишение свободы или другое более тяжелое наказание; г) ограниченным в правах по судебным приговорам; д) состоящим под опекой; е) исключенным из числа членов коллегии защитников какой бы то ни было губернии или области» (ходатайство о возобновлении членства можно было подавать по истечении трех лет с момента исключения). По воспоминаниям Я.Н. Бранденбургского, большинство защитников были юристами, получившими образование в дореволюционной России[340]. Например, в составе Петроградской губернской коллегии защитников подавляющее большинство составляли беспартийные, бывшие присяжные поверенные, имевшие стаж работы в органах советской юстиции[341].

По ст. 4 членам коллегии защитников запрещалось «занимать должности в государственных учреждениях и предприятиях», за исключением только дух категорий лиц: «занимающих государственные должности по выборам, и для профессоров и преподавателей юридических наук». Была установлена такса[342] по оплате услуг адвоката, утвержденная Положением о защитниках (по гражданским делам – 5% с присужденной судом суммы по вступившему в силу решению суда; а по уголовным делам – «в размере,

---

[339] «65. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой: ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором» // URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/0257344edab1af5a18841e154a3312f4/ (дата обращения 02.12.2018).

[340] Бранденбургский, Я.Н. К вопросу о юридической помощи населению / Я.Н. Бранденбургский // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 7 – 8. С. 1-2.

[341] Чекунов Н.А. Судебная реформа 1922 года в Петрограде – Ленинграде: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чекунов Николай Александрович СПб., 2004. 172 с.

[342] Приложение № 1 «Такса оплаты защитников рабочими государственных и частных предприятий и служащими советских учреждений (п. «б» ст. 47 Полож. о нарсуде)» // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922-1925 гг. М., 1926.

устанавливаемом органом, выдающим ордер на ведение дела, в зависимости от размера и сложности дела», причем в обоих случаях вознаграждение не может превышать суммы 25 рублей золотом «по официальному курсу дня»). С каждого получаемого дела члены коллегии защитников обязывались уплачивать процентные взносы в размере 3% в фонд коллегии не реже одного раза в месяц[343].

В соответствии с Положением о защитниках 1922 г., члены коллегии защитников под надзором областных (краевых) судов имели право на следующие действия: оказывать юридические консультации, составлять разного рода деловые бумаги, вести судебные и административные дел, готовить доклады и проводить беседы в трудовых коллективах, осуществлять деятельность по повышению уровня политических и профессиональных знаний защитников. При этом, как отмечает И. И. Олейник, «действовал прямой запрет на занятие частной практикой в силу того, что их деятельность по оказанию юридической помощи в осуществлении гражданами СССР права на защиту «рассматривалась как поручение, дававшееся только через коллектив защитников (коллегию)»[344]. Защитники имели право занимать должности юрисконсультов, но в этом случае они теряли право на занятия частной практикой.

Несмотря на законодательное возвращение профессионального института защитников в судебный процесс, отношение к адвокатам в 1922 – 1930-х гг. продолжало оставаться предвзятым, о чем свидетельствует дискуссия, развернувшаяся на страницах газеты «Правда» в августе 1922 г., может ли коммунист быть членом коллегии защитников. Как отмечает В.Н. Смирнов, «Бранденбургский (представитель Наркомюста) доказывал допустимость и принципиальную желательность участия коммунистов в

---

[343] Приложение № 2 «О процентном отчислении получаемого защитниками вознаграждения // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922 – 1925 гг. М., 1926.

[344] Олейник И.И. Изменение организационных принципов деятельности советских коллегий защитников в начале 1930-х гг. / И.И. Олейник // European research. 2015. № 9 (10). URL: https://vivliophica.com/articles/law/98876 (дата обращения 30.11.2018).

коллегии защитников (Правда. 1922. № 176). Андерс в другой статье в «Правде» (№ 181) отстаивал противоположную точку зрения, к нему присоединились Красиков (Правда. 1922. № 189), Прушицкий (Еженедельник советской юстиции. 1922. № 29-30)», который, «в частности, писал: «Признавая участие коммунистов в этой среде необходимым, надо послать туда стойких, твердых, испытанных товарищей, но их-то для этой работы и жаль, а потому лучше уже совсем коммунистов туда не посылать»[345]. Точка в дискуссии была поставлена специальным Циркуляром ЦК ВКП(б) от 2 ноября 1922 г., «согласно которому коммунистам разрешалось вступать в коллегию защитников с санкции губернского партийного комитета и при условии отчетности перед ним коммунистической фракции коллегии. Однако коммунисты не могли выступать на стороне буржуазных и контрреволюционных элементов, взяточников, расхитителей государственного имущества и всякого рода насильников»[346].

Автор диссертационной работы разделяет научную позицию Н. А. Чекунова о том, что в этот период «положение адвокатов было двойственным: с одной стороны, они выполняли общественно-значимые обязанности: проводили бесплатные защиты и консультации, в том числе в уездах Петроградской губернии; с другой стороны, не получали заработной платы, платили налоги и квартплату как лица «свободных профессий». В первой половине 1920-х заметна тенденция признания коллегии защитников полноправным советским учреждением»[347]. Глава XII Положения «О судоустройстве РСФСР» 1926 г.[348] регулирующая правовой статус коллегий защитников, особое внимание уделяла обязанности оказывать помощь гражданам СССР на безвозмездной основе под угрозой исключения из числа членов коллегии.

---

[345] Смирнов В.Н. Партийно-государственное руководство адвокатурой в довоенное время: 1922 – 1940 гг. / В.Н. Смирнов // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 151.

[346] Там же.

[347] Чекунов Н.А. Судебная реформа 1922 года в Петрограде – Ленинграде. С. 153.

[348] Положение о судоустройстве РСФСР. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 56 с.

Таким образом, в содержании судебной реформы 1922 г. проявились черты преемственности с предыдущим дореволюционным этапом правового регулирования судебных институтов. Примером этого может служить «возврат от принципа «единого народного суда» к разделению дел по родовой подсудности»; созданная советская прокуратура сочетала «черты надзорной (до 1864 г.) и обвинительной (после 1864 г.) прокуратуры Российской империи»; а институт защитников практически полностью был основан на дореволюционной модели функционирования адвокатуры[349]. Однако всё это должно было быть основано на принципах революционного правосознания, началам классовости и партийного контроля, в соответствие с которыми запрещалось лицам, лишенных избирательных прав, становится не только судьями, но и народными заседателями в силу того, что они не могли, по мнению законодателя, обладать революционной совестью.

Знаменательным этапом в развитии механизма правового регулирования права на защиты прав было принятие Гражданский процессуальный кодекс РСФСР[350] (далее по тексту – ГПК РСФСР 1923 г.), вступившим в действие в сентябре 1923 г., и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР[351] (далее по тексту – УПК 1922 г.), вступившего в юридическую силу 01 июля 1922 г., но в связи принятием нового Положения о судоустройстве, вводившегося в действие с 01 января 1923 г.[352], Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. был утвержден новый текст Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г.[353] (далее по тексту – УПК 1923 г.). Надо признать, что в формальном смысле речь шла скорее о новой редакции УПК 1922 г. Именно так

---

[349] Чекунов Н.А. Судебная реформа 1922 года в Петрограде – Ленинграде. С. 155.

[350] Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1923. N 46 – 47. Ст. 478.

[351] Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собраний узаконений РСФСР. 1922. № 20 – 21. Ст. 230.

[352] См. подробнее: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. 1278 с.

[353] Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

характеризовали данный законодательный акт видные представители советской уголовно-процессуальной науки, разграничивавшие не два кодекса, а две редакции одного кодекса[354]. Однако, в российской уголовно-процессуальной доктрине сложилась достаточно устойчивая традиция рассматривать варианты 1922 и 1923 гг. в качестве автономных кодификаций и отделять друг от друга УПК 1922 г. и УПК 1923 г.[355] Данные нормативные правовые акты были первыми кодифицированными нормативными актами, законодательно закрепляющие право на защиту и сам механизм защиты прав рабочего класса и трудового крестьянства, ставшими правовыми регуляторами особой правовой формы общественной жизни, предназначенной для восстановления нарушенных прав и свобод.

Так, УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. предусматривали механизм реализации защиты и охраны прав и свобод, закрепив главу «О подсудности». В свою очередь, ГПК РСФСР 1923 г. также предусматривал отдельную главу, посвященную правовому регулированию защиты прав и свобод человека – Глава III. «Подсудность». А. А. Бугаевский отмечал, что ГПК РСФСР 1923 г. представляет собой «грань между подведомственностью и подсудностью уничтожена, существуют только один термин «подсудность», и если иск предъявлен не в том суде, будь то по месту, будь то по роду дел, всегда вопрос о подсудности должен быть возбужден судом, не ожидая заявления о подсудности со стороны ответчика»[356]. ГПК РСФСР 1923 г. регулировал защиту прав и свобод человека в рамках правил предметной подсудности народного, краевого (областного) и Верховного судов.

Защита прав и свобод Верховным Судом ГПК РСФСР 1923 г. не регламентировалась, но было установлено его право изъять из судопроизводства любого суда РСФСР любое дело и принять его к своему

---

[354] См., например: Строгович М.С. Уголовный процесс. Учебник / М.С. Строгович М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. С. 65; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс: учебник. / Чельцов М.А. 2-е изд., перераб. М.: Госюриздат, 1951. С. 57.

[355] См., например: Курс уголовного процесса.

[356] Бугаевский А.А. Гражданский процесс в его движении. / А.А. Бугаевский Л.: Воен. тип., 1924. С. 13.

производству, а также, в зависимости от места нахождения сторон и других обстоятельств, право передать отдельные дела или категории дел на рассмотрение любого краевого (областного) суда. В свою очередь, УПК РСФСР 1922 г. предусматривал введение военных трибуналов, военно-транспортных трибуналов и революционных трибуналов. УПК РСФСР 1923 г. предусматривал компетенцию народного суда, губернского суда, военных трибуналов и военно-транспортных трибуналов, исключив революционные трибуналы.

Таким образом, учитывая причины и обстоятельства принятия УПК 1923 г. неудивительно, что по содержанию он почти не отличался от УПК 1922 г. Основные изменения были связаны с судоустройственными реформами: упразднением революционных трибуналов, включая Верховный трибунал, созданием Верховного Суда РСФСР и др., а также с отказом от расширенной коллегии народных заседателей из шести человек - теперь почти все дела рассматривались в составе судьи и двух народных заседателей, кроме очень ограниченного круга дел, рассматриваемых единолично. И. Л. Лёзов: «Верховный Суд РСФСР выступал как суд первой инстанции по наиболее важным делам, как кассационный орган в отношении приговоров и решений губернских судов и высший надзорный орган в отношении всех судов республики. Необходимость в создании этого органа была очевидна и не вызывала споров»[357]. К непосредственной деятельности по осуществлению возложенных на него полномочий по осуществлению защиты прав и свобод суд приступил в январе 1923 г., и уже в первые месяцы своей работы рассмотрел ряд дел, вылившихся в крупные процессы[358]».

В советской юридической литературе дискуссия о необходимости института адвокатуры возобновилась в конце 1920-х гг. Так, А. Сольц

[357] Лёзов И.Л. Советский суд в 1917 – 1940 гг. С. 85-86.

[358] См. подробнее: Кожевников М. В. История советского суда, 1917 – 1956 годы / Кожевников М.В. М.: Госюриздат, 1957. 383 с.; Краснов Ю.К. Российская государственность: Генезис и эволюция институтов власти, проблемы модернизации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. / Краснов Юрий Константинович М., 2003. С. 259.

утверждал, что защита интересов народа должна находиться в руках только пролетарского суда, поэтому «буржуазный» судебный процесс, основанный на состязательности сторон, должен быть заменен докладом назначаемого судом лица, в котором будут представлены объективные доказательства по существу дела[359]. Противниками такой позиции были А. Н. Винокуров (Председатель Верховного суда СССР 1924 – 1938 гг.) П. И. Стучка (Председатель Верховного суда РСФСР 1923 – 1932 гг.), выступавшие за сохранение состязательность судебного процесса и сохранение института защитников (адвокатов).

Таким образом, как отмечает И. И. Олейник, «с конца 20-х гг., в условиях «коренного поворота» страны от НЭПа к «социалистической реконструкции народного хозяйства», в советской юридической науке, а также выступлениях руководителей и сотрудников органов юстиции активно выдвигались и обсуждались предложения об отказе от состязательности судопроизводства, его максимальном «упрощении». В данном контексте всерьез ставился вопрос о целесообразности ликвидации института адвокатуры, оформленном в то время в виде коллегий защитников. Были предприняты шаги по сокращению их автономности и пересмотру организационных принципов функционирования»[360]. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР «Об организации сельских судов»[361] от 29 сентября 1930 г. Постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР «О производственно-товарищеских судах на фабриках, заводах, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях»[362] от 20 февраля 1931 г. и «О производственно-товарищеских судах на предприятиях и в общих мастерских промысловой

[359] Реформа советского уголовного процесса // Революция права. 1928. № 2. С. 72-74

[360] Олейник И.И. Изменение организационных принципов деятельности советских коллегий защитников в начале 1930-х гг. URL: https://vivliophica.com/articles/law/98876 (дата обращения 30.11.2018).

[361] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15.06.1927 «Об ограничении конфискации по суду» // СЗ СССР. 1930. № 15. Ст. 531.

[362] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.02.1931 «О производственно-товарищеских судах на фабриках, заводах, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях» // Собрание узаконений РСФСР. 1931. № 14. Ст. 160.

кооперации и кооперации инвалидов»[363] от 30 октября 1931 г. были организованы специализированные суды, которые вправе были рассматривать и разрешать права, связанные со спорами о нарушении трудовой дисциплины, о систематическом небрежном отношении к социалистическому имуществу, об оскорблении, о хулиганстве, не требующем уголовного преследования, об имущественных спорах на сумму до 50 рублей и т. д. Появление таких судов снова поставило вопрос о необходимости защиты прав трудящихся либо силами только этих судебных учреждений, либо относительно независимым от государства профессионалам.

Так, 11 января 1930 г. Коллегия Наркомюста утвердила Постановление «Работа консультационных коллективов членов коллегии защитников (ЧКЗ)»[364], а 27 февраля 1932 г. было принято «Положение о коллективах членов коллегии защитников»[365] (далее по тексту – Положение о коллективах 1932 г.), практически полностью повторившего Положение о коллегии защитников (утв. Наркомюстом РСФСР 05.07.1922). В соответствии с нормами Положения о коллективах 1932 г. эти коллективы защитников должны были:

«1) оказывать юридическую помощь населению, обслуживать государственные учреждения и предприятия, кооперативные и общественные организации (путем дачи юридических советов в устной и письменной формах; составления разного рода деловых бумаг, жалоб и заявлений по судебным и административным делам; ведения судебных и административных дел; подготовки докладов, проведения бесед и консультаций на предприятиях, в колхозах, совхозах и т. д.);

2) вести пропаганду советского права;

---

[363] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.10.1931 «О производственно-товарищеских судах на предприятиях и в общих мастерских промысловой кооперации и кооперации инвалидов» // Собрание узаконений РСФСР. 1931. № 68. Ст. 489.

[364] Постановление Коллегии Наркомата Юстиции РСФСР «Работа консультационных коллективов ЧКЗ» от 11 января 1930 г. // Советская юстиция. 1930. № 4.

[365] Положение о коллективах членов коллегии защитников от 27 февраля 1932 г. // Советская юстиция. 1932. № 6 – 7.

3) готовить практикантов, выдвигаемых общественными организациями для дальнейшей работы в коллективах»[366].

При этом нормами Положения о коллективах 1932 г. всем членам коллективов защитников запрещалось заниматься частной практикой и любым видом юридической работой особо кроме как порученной коллективом, за исключением педагогической, литературной и научной деятельности, а также «работы юрисконсульта предприятий и учреждений общественного сектора по совместительству»[367]. Труд защитников подлежал оплате в зависимости от их квалификации, общественно-правовой работы и нагрузки. С 1939 г. коллегии защитников были переименованы в коллегии адвокатов[368], новое Положение об адвокатуре, по оценке В. Н. Смирнова, «послужило моделью для всех последующих нормативных актов об адвокатуре XX в.»[369]. Как отмечает Г.Т. Камалова, «коллективизация» адвокатуры осуществлялась принудительными мерами (…) и лимитировала возможности адвоката выступать в суде»[370]. Таким образом в 1930-ые гг. адвокаты стали представлять интересы не столько граждан, обращавшихся к ним за помощью, сколько интересы социалистического государства.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик,[371] утвержденная Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05 декабря 1936 г., в отличие от предыдущих, более полно и доступно урегулировала гарантированные основные права и обязанности граждан, но не предусмотрела фундаментальную идею их защиты и охраны.

---

[366] Цит. по: Олейник И.И. Изменение организационных принципов деятельности советских коллегий защитников в начале 1930-х гг. URL: https://vivliophica.com/articles/law/98876 (дата обращения 30.11.2018).

[367] Гаврилов С.О. Институциональные основы и региональные особенности советской адвокатуры в период с 1917 до начала 60-х гг. URL: https://scicenter.online/teoriya-gosudarstva-prava-scicenter/advokatura-period-stanovleniya-sovetskogo-166459.html (дата обращения 10.01.2019)

[368] Постановление СНК СССР от 16.08.1939 № 1219 «Об утверждении Положения об адвокатуре СССР» // СП СССР. 1939. № 49. Ст. 394.

[369] Смирнов В.Н. Партийно-государственное руководство адвокатурой в довоенное время: 1922 – 1940 гг. С. 165.

[370] Камалова Г.Т. Характер деятельности советской адвокатуры в годы НЭПа. С. 16.

[371] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик» (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) (ред. от 29.10.1976) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936.

Лишь процессуальное законодательство строилось на абстрактном восприятии данного принципа, о чем свидетельствуют положения, закрепленные в нормативных правовых актах, регулирующих соответствующие общественные отношения, поскольку подсудность, как условие реализации принципа защиты прав и свобод, определялась весьма четко.

В годы Великой Отечественной войны, как отмечает С. О. Гаврилов, «тяжелые условия военного времени способствовали воссозданию системы чрезвычайной юстиции, напоминавшей аналогичную модель периода гражданского противостояния 1917 – 1922 гг.»[372] В соответствии с Указом Президиумы Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»[373] все уголовных дел, связанных с преступлениями против безопасности государства и общественного порядка, а также с воинскими преступлениями, были переданы на рассмотрение военных трибуналов. «Это обстоятельство ограничивало возможность участия адвокатов в уголовном процессе: их привлечение к рассмотрению дела было возможным только по инициативе самого трибунала, который, по вполне понятным причинам, эту инициативу проявлял крайне редко»[374]. Институт защиты прав сводился в этот период времени к оказанию бесплатной юридической помощи, в том числе и в судебном процессе по делам частного обвинения, участникам и инвалидам войны, членам их семей, нуждавшимся в помощи по решению пенсионных и жилищных вопросов, оформлению материальной поддержки и разного рода льгот, эвакуированным в районы Сибири и Средней Азии, т.е. крайне нуждающимся категориям населения.

---

[372] Гаврилов С.О. Институциональные основы и региональные особенности советской адвокатуры в период с 1917 до начала 60-х гг. URL: https://scicenter.online/teoriya-gosudarstva-prava-scicenter/advokatura-period-stanovleniya-sovetskogo-166459.html (дата обращения 10.01.2019)

[373] Указ Президиумы Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. / Сост.: Власов В.А.; Под ред.: Денисов А.И. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. С. 38-39.

[374] Гаврилов С.О. Институциональные основы и региональные особенности советской адвокатуры в период с 1917 до начала 60-х гг. URL: https://scicenter.online/teoriya-gosudarstva-prava-scicenter/advokatura-period-stanovleniya-sovetskogo-166459.html (дата обращения 10.01.2019)

После XX съезда КПСС в 1956 г. начался процесс гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что, в свою очередь, отразилось на общем состоянии советской правоохранительной системы и механизме реализации права на защиту, в частности. Как отмечается в научной юридической литературе, «на мартовской 1957 г. сессии ВС СССР впервые за многие годы вспомнили об адвокатуре, заявив о том, что именно она должна помочь партийно-советскому аппарату укрепить социалистическую законность и гарантировать справедливое отправление правосудия»[375]. В 1958 г. были приняты Основы уголовного судопроизводства СССР[376], которые позволили адвокатам участвовать в защите прав обвиняемого, начиная с того момента, когда обвиняемому лицу становится известно об окончании предварительного следствия по его делу, а с момента предъявления обвинения адвокат осуществлять право на защиту прав и интересов специально обозначенных в законе категорий лиц, а именно: «не владеющих языком, на котором были составлены процессуальные документы; несовершеннолетних; а также лиц, чьи психофизиологические недостатки, препятствовали самостоятельной защите своих собственных интересов»[377].

Вслед за принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. начинается разработка нового Уголовно-процессуального кодекса РСФРСР (далее по тексту - УПК РСФСР 1960 г.), вступившего в силу с 1 января 1961 г.[378] Глава II «Подсудность» УПК РСФСР 1960 г. предусматривала механизм реализации защиты прав и свобод человека. Согласно ст. 38, допускалось принятие Верховным Судом РФ в свое производство любого уголовного дела «особой сложности или особого

---

[375] Там же; Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва, шестая сессия (5-12 февраля 1957 г.): стенографический отчет. М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1957. С. 464.

[376] Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

[377] Гаврилов С.О. Институциональные основы и региональные особенности советской адвокатуры в период с 1917 до начала 60-х гг. URL: https://scicenter.online/teoriya-gosudarstva-prava-scicenter/advokatura-period-stanovleniya-sovetskogo-166459.html (дата обращения 10.01.2019)

[378] Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 16.01.1990) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

общественного значения» по собственной инициативе, а также по инициативе Прокурора РСФСР, Генерального прокурора СССР или их заместителей. Данное положение являлось отголоском откровенного и вопиющего пренебрежения институтом подсудности (правом на законный и компетентный суд), наблюдавшегося в 1930 – 1950-е гг. в период массовых репрессий, когда создавались разнообразные чрезвычайные суды, специальные составы, особые правила и т.п., в том числе для рассмотрения конкретных дел (ad hoc)[379].

11 июня 1964 г. был принят и введен в действие с 1 октября 1964 г. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР[380] (далее ГПК РСФСР 1964 г.), заменивший ГПК РСФСР 1923 г. Он действовал на протяжении 40 лет и подвергался постоянным изменениям и дополнениям. Я. Ф. Фархтдинов утверждал, что среди гражданских процессуальных законов, являющихся источниками процессуального права, по-прежнему центральное место принадлежит ГПК РСФСР 1964 г. Именно этот кодифицированный закон являлся систематизированным и полным источником процессуальных норм, регулирующих гражданское судопроизводство,[381] направленное на защиту прав и свобод человека.

Защита прав и свобод человека по нормам ГПК РСФСР 1964 г. осуществлялась районным (городским) народным судом; Верховным судом автономной республики; краевыми, областными, городскими судами, судами автономной области, автономного округа; Верховным Судом РСФСР. Порядок и критерии осуществления защиты прав мировыми судьями, регламентированные ГПК РСФСР 1964 г., схожи с ныне действующими, за исключением отдельных категорий дел: имеется граница по цене иска о разделе между супругами совместно нажитого имущества; более четко

---

[379] Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. / В.Н. Кудрявцев, А.И. Трусов СПб.: Наука, 2002. С. 279-294.

[380] Закон РСФСР от 11 июня 1964 г. (ред. от 21.03.1991) «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

[381] Фархтдинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.15. / Фархтдинов Ягфар Фасхетдинович. Екатеринбург, 2002. С. 137.

регламентированы исключения из семейно-правовых дел, которые не подсудны мировому судье; полностью подсудны районному суду дела, возникающие из трудовых отношений.

Реализация права на защиту посредством территориальной подсудности по ГПК РСФСР 1964 г. осуществлялась в рамках общей, альтернативной, исключительной, договорной подсудностей и по связи дел. Для постсоветского периода, по мнению А. В. Цихоцкого, ГПК РСФСР 1964 г., как основополагающий акт процессуального законодательства, по своему содержанию не соответствовал новым экономико-правовым началам и методам регулирования общественных отношений, в том числе и в сфере отправления правосудия. Развиваясь на основе Конституции РФ 1993 г., подчеркивает автор, кодекс стал заметно улучшаться за счет появления качественно иных институтов и норм[382].

Положения об определении механизма защиты прав и свобод посредством правил подсудности в ГПК РСФСР 1964 г. содержались в Главе 11 Раздела II «Производство в суде первой инстанции». Следует отметить, что за время действия ГПК РСФСР 1964 г. в него было внесено более 35-ти изменений и дополнений. После принятия Конституции РФ 1993 г. ГПК РСФСР 1964 г. был дополнен новыми главами, предписания которых явились следствием существенных изменений в реализации механизма права на защиту права и законных интересов человека и гражданина в 1990-х гг.[383].

Конституция СССР[384], принятая Верховным Советом СССР 07 октября 1977 г. (далее по тексту – Конституция СССР 1977 г.) закрепила уважение личности, охрану прав и свобод граждан как обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц. Кроме этого, граждане СССР имели право на судебную защиту от

---

[382] Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: дис. ... доктора юридические науки: 12.00.03. / Цихоцкий Анатолий Викторович. Новосибирск, 1998. С. 397.

[383] Фархтдинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 138.

[384] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и имущество. Вместе с этим, Конституция СССР 1977 г. предусматривала гарантированность со стороны советского государства защиты прав и свобод для иностранных граждан и лиц без гражданства на всей территории СССР, в том числе право на обращение в суд и иные государственные органы для защиты принадлежащих им личных, имущественных, семейных и иных прав. Следовательно, Конституция СССР 1977 г. не только расширила перечень прав и свобод советских граждан, но и законодательно закрепила стройную систему разнообразных гарантий их реализации, и, прежде всего, юридических[385]. К их числу следует отнести обязанность государства охранять права и свободы, гарантированные Основным Законом, предусматривая право на защиту.

В Конституции СССР 1977 г. эти гарантии конкретизировались следующим образом: а) предоставлением гражданам права обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов с обязанностью соответствующих инстанций рассмотреть жалобы в порядке и в сроки, установленные законом; б) признанием за гражданами возможности обжаловать в судебном порядке действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, превышением полномочий, ущемлением прав граждан; в) предоставлением гражданам права возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями организаций и должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей.

Конституция СССР 1977 г. стала значимым этапом развития, но не возникновения, правового регулирования защиты прав и свобод человека и гражданина. Закрепив данную идею как общеправовой принцип, определив обязанность государства охранять и защищать права и свободы человека, государство закрепило процесс реализации права на защиту, как правомерного поведения, обеспечивающего движение, развитие и регулирование

[385] Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 2. М.: Статут, 2012. 351 с. // КонсультантПлюс [Дата обращения 10.09.2016]

общественных отношений. Представленные процессы обеспечивались путем построения законодательства на основе принципа защиты и охраны прав и свобод всеми государственными органами, общественными организациями и должностными лицами.

Право на защиту гарантировалось государством институтом адвокатуры, впервые получившим закрепление в Конституции СССР 1977 г. как правозащитный орган. Как отмечает В. Н. Смирнов, «Союзный закон об адвокатуре (1979 г.) расширил права граждан на уголовную защиту. Положения об адвокатуре РСФСР 1960 и 1980 гг. демократизировали корпоративное самоуправление, Минюст выполнял роль координирующего центра, поощрял обмен опытом, устраивал совещания, семинары, курсы повышения квалификации»[386].

Таким образом, в советском законодательстве содержание категории защита права было подвергнуто изменениям. Рассмотрим данный тезис. Если до второй половины XIX в. оно основывалось на принципе сословности, когда способ и мера защиты ставилась в прямую зависимость от сословной принадлежности сторон правоотношений и, в силу такого факта, дела по их разрешению подлежали суду «равных», и право на защиту также гарантировалось только определенным категориям свободного населения, женщина, ребенок, категории зависимого населения были лишены такого права. После Судебной реформы была предпринята попытка провозгласить всесословность и право обращения в судебные учреждения всякому, невзирая на чины и звания. Суды принимали решения только на основании закона и внутреннего убеждения представителей судейской власти, поэтому значение суда присяжных заседателей, избираемых из числа граждан практически любого сословия, имело первоочередное значение для характеристики права на защиту, как общей идеи в содержании категории «право на защиту», когда право на защиту предоставлялось всем категориям населения и могло быть

[386] Смирнов В.Н. Адвокатура в годы хрущевской «оттепели» и развитого социализма (1956 – 1985) / В.Н. Смирнов // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 197.

охарактеризовано как необходимый элемент системы прав и свобод человека и гражданина.

Исследуя правовую категорию права на защиту в исторической ретроспективе, следует отметить, что право на защиту появляется в период образования Древнерусского государства и регулируется правовыми обычаями и письменными источниками. Позднее памятники права и государственные акты определяют порядок осуществления данного права как права свободных категорий населения на обращение в судебные учреждения за защитой нарушенных прав. Но несмотря на это, полноценного осуществления права на защиту как особой правовой категории в истории российской государственности в X – XVIII вв. не было, ввиду отсутствия единого и равноправного механизма реализации права на защиту. Таким образом, в исследуемый исторический период защита прав и интересов отдельных категорий населения представляла собой единичную правовую категорию – как право свободной по правовому статусу личности, которое раскрывает право на защиту через право на судебную защиту, право на законный суд, право на обращение в суд на основе осуществления принципа сословного судопроизводства.

В конце XIX – начале XX вв. практика применения права на защиту стала более совершенной, поскольку государство гарантировало взятое на себя обязательство по защите прав и законных интересов в соответствие с Основными законами Российской империи и дарованными государем-императором правами и свободами всем категориям населения страны Высочайшим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка[387] (Октябрьский манифест), обнародованный 17 (30) октября 1905 г. В законодательстве были четко закреплены условий и требований для определения подсудности каждого вида судов, что позволяет охарактеризовать право на защиту как общеправовой принцип, выражавшийся

[387] Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка // Ведомости СПб Градоначальства. № 221. 18 октября 1917 г.

в идее универсальности в праве в частной и публичных отраслях дореволюционной системы права и законодательства.

Историческая судьба права на защиту сводится к тому, что процессы его возникновения и этапы развития механизма его правового регулирования позволяют логически правильно и исторически верно раскрыть сущность и значимость права на защиту одновременно как фундаментального начала и универсальной идеи в праве.

Анализ исторического процесса возникновения и этапов становления правового регулирования права на защиту позволяют сделать вывод о том, что право на защиту представляет собой категорию, лежащую в основе динамики развития всей системы законодательства в частной и публичных отраслях права, представляя собой одновременно: индивидуальное (единичное) право на защиту прав и интересов лиц в судебном производстве, право на справедливый суд и возможность обращения к третьим лицам за оказанием помощи в осуществлении права на защиту (X – XVIII вв.); особенную или универсальную идею в праве, когда право на защиту выступает отраслевым принципом права, положенный в основу гражданского и уголовного судопроизводства (XIX - XX вв.); в советском законодательстве право на защиту из области правоприменения перешло в теоретическую универсальную идею – общеправовой принцип как правовую категорию.

ГЛАВА II
ПРАВО НА ЗАЩИТУ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ В ПОНЯТИЙНОМ РЯДУ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

§ 1. Право на защиту как общеправовая категория: философско-правовые подходы

Теория государства и права как фундаментальная юридическая наука подвержена изменениям, связанными с перманентным реформированием системы законодательства Российской Федерации, которое, в свою очередь, вызвано необходимостью решения новых стратегических задач в целях дальнейшего государственно-правового развития страны. Содержание правовых категорий изменяется вслед за динамикой трансформации правовых понятий, изменениями в толковании их содержания в системе права, обусловленными целями и задачами развития социальных и правовых институтов и, прежде всего, государства и права на современном этапе глобализирующих отношений. Все это предопределяет потребность формирования концептуально нового подхода к аксиологической направленности и мотивированности трактовки права на защиту как категории, представляющей собой триединую идею права, отражающую механизм обеспечения и охраны прав и свобод личности.

Право на защиту, как совокупность единичного, особенного и всеобщего начал, направленных на возникновение общественных отношений в различных областях человеческой деятельности, позволяет личности осуществлять защиту своих нарушенных прав и законных интересов, а государству – гарантировать и обеспечивать ее реализацию. Такой концептуально новый подход к праву на защиту позволяет раскрыть его онтологическую значимость через общеправовую идею, выраженную в правовой категории, универсально-правовую (особенную) идею,

раскрывающую право на защиту как фундаментальное начало для отображения основных идейных начал в теории государства и права, а также единичную правовую идею, выражающуюся в неотъемлемом и неотчуждаемом праве личности.

Необходимость современного подхода к осмыслению права на защиту продиктовано особым местом института прав и свобод личности в российских системах права и законодательства, представляющем главенствующий правовой компонент, обеспечивающий повседневную жизнедеятельность индивида. Система права базируется на определенной иерархии ценностей, которая задает основное направление для правоприменения и правового поведения субъектов общественных отношений[388]. Одним из наиболее значимых и возможно уязвимых субъектов общественных отношений выступает человек. С аксиологической точки зрения, право на защиту можно представить не только как источник правовых и морально-нравственных ценностей, но и как объект их прямого воздействия. Мы солидаризуемся с научной позицией А. В. Холопова о том, что «человека следует рассматривать не только в качестве части сверхсложной социальной системы – общества, но и в качестве критерия тотального ценностного измерения субъективных и объективных социальных процессов»[389]. Подход к акцентированию внимания в содержании института системы прав и свобод на субъекта правоотношения – человека – определяет онтологическое значение не только его самого, но и совокупности всех его прав, свобод и обязанностей в виде неотъемлемой части государственно-правовой действительности. Поэтому право на защиту на современном этапе развития правовых систем, в целом, и российской системы права, в частности, необходимо рассматривать через призму такой аксиологической платформы.

---

[388] Цинцадзе Н.С. Классификация и иерархия правовых ценностей в теории права. / Н.С. Цинцадзе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (130). С. 189.

[389] Холопов А.В. Антропологическое измерение аксиологии права. / А.В. Холопов // Криминалистъ. 2018. № 1 (22). С. 83.

По мнению Л. И. Глухаревой, права человека, как объект права на защиту, – это нормативно выраженные в законе возможности человека в его самореализации и развитии, которые следуют из его способностей (состояния) и/или из поддержки со стороны государства и общества[390]. Е. А. Лукашева определяет права человека как определенные нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности, которые выражают ее свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями ее жизни, ее взаимоотношений с обществом, государством, другими индивидами[391].

Высшая ценность права на защиту проявляется в том, что оно остается единым и неизменным. Дитрих фон Гильдебранд отмечал, что ценность представляет собой первичную данность, которая познается только интуитивным способом и не может быть к чему-либо сведена или объяснена; ценность интеллигибельна, т. е. постигается прямо разумом[392]. Поэтому аксиологическое значение права на защиту выражается в отражении объективного блага, а не в средстве удовлетворения физических или моральных потребностей. Вместе с этим, аксиологические характеристики права связаны с его природой, формой, местом и ролью в нормативной системе правового общества[393]. В данном случае, право на защиту, как общеправовая идея, – объективно, поскольку содержится в нормах Конституции РФ и обеспечивается государством.

Фридрих Ницше утверждал, что ценность ценностей заключается в самих ценностях и она определяется только их жизнеспособностью[394]. Ценность права на защиту, как общеправовой идеи, также определяется его

---

[390] Глухарева Л.И. Права человека в системе теории права и государств: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.01. / Глухарева Людмила Ивановна. М., 2004. С. 132.

[391] Права человека: учебник / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 12

[392] См. подробнее: Гиндельбранд Д. Этика. / Перевод с немецкого А.И. Смирнова. СПб.: Алетея, 2001. 569 с.; История этических учений: Учебник / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. С. 732.

[393] Нефедовский Г. В. Аксиологические проблемы современной юридической науки / Нефедовский Г. В. // Право и практика. 2013. № 1. С. 39.

[394] См. подробнее: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. / Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5-237; Ницше Ф. Антихристианин. Проклятие христианству. URL: http://lib.ru/NICSHE/antihristianin.txt (дата обращения 12.02.2019); Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2002. 848 с.; История этических учений. С. 693.

жизнеспособностью, поскольку, являясь общеправовой идей, право на защиту, познается интуитивно, постигается разумом, закреплено в положениях Конституции РФ.

Раскрывая аксиологическую значимость права на защиту как общеправовой идеи, следует обратить внимание на высказывание Аристотеля, который говорил, что цель этики «не познание, а поступки». В свою очередь, этические знания имеют ценность не сами по себе, они переходят в нормы, в требования к поведению[395]. Поэтому аксиология права на защиту должна исходить не только из того, чтобы знать о ней, но и знать и понимать каким путем она достигается. Знание о праве на защиту, прежде всего, отражено у каждой личности в действительности и осмыслении данной идеи. Безусловно, идея права на защиту в сознании личности представлена формой деятельности, ориентированной на отражение, понимание и преображение ее действительности. Вместе с этим, понятие «права человека», их правовая природа, в том числе «право на защиту» возникают в сознании личности в результате осмысления потребности в их государственном признании, т.е. «в придании им общеобязательного, общезначимого характера; в обеспечении этих интересов мерами государственного принуждения»[396]. В данном случае, осознание права у личности происходит с помощью правосознания, которым, как отмечают Н. И. Матузов и А. В. Малько, обладает каждая личность, даже если она не задумывается об этом[397].

Общепризнано, что в правосознании есть два основных элемента: правовая идеология и правовая психология[398]. Вместе с этим, правовые оценки, эмоции, чувства оказывают существенное влияние на выбор

---

[395] История этических учений. С. 380.

[396] Комаров С. А. Общая теория государства и права: Учебник. СПб.: Издательство Юридического института, 2012. С. 429.

[397] Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 212.

[398] См. подробнее: Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 214-215; Комаров С.А. Общая теория государства и права. 433; Сырых В.М. Теория государства и права. С. 136; Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. С. 288; Теория государства и права: учебник / А.А. Гогин, Д.А. Липинский, А.В. Малько [и др.]; под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. М.: Проспект, 2016. С. 277.

человеком конкретного варианта поведения[399]. В свою очередь, правовая идеология не возникает самопроизвольно, она вырабатывается специалистами и усваивается населением в процессе правового воспитания, при получении юридического образования, при знакомстве с юридической литературой, нормативными актами[400]. Поэтому право на защиту выступает как общеправовая идея у личности, которая оказывает влияние на выбор способа защиты и возникает в правосознании в результате правового воспитания. При этом, общеправовая идея права на защиту у личности сводится к реализации данной идеи в правовой действительности юрисдикционными органами.

Так, например, по данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, в течение всего 2020 г. на территории России зарегистрировано 2 044 221 преступления, относительно 2019 года число зарегистрированных преступлений увеличилось на 1 %[401]. В 2020 году к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации поступило 44 087 обращений, из них 1910 (4,3%) – коллективные. На определенное увеличение числа обращений (на 15%) по сравнению с 2019 годом повлияло распространение новой коронавирусной инфекции, а также внедрение новых форматов приема обращений. Выросло и количество коллективных обращений (на 13,5%)[402]. В 2020 году в сравнении с предыдущими годами сократилось количество обращений, направленных заявителями в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, традиционно – по почте России. Вместе с тем произошло увеличение количества обращений, поступивших по электронной почте, что объясняется востребованностью такого канала обращений в период введения ограничений, вызванных распространением коронавирусной инфекции (COVID-19)[403]. Следует обратить внимание, что

---

[399] Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов. С. 138.

[400] Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. С. 288.

[401] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года // http://crimestat.ru/analytics (дата обращения 24.11.2021 г.)

[402] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год // https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/Doc4.pdf (дата обращения 24.11.2021 г.)

[403] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год // https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/Doc4.pdf (дата обращения 24.11.2021 г.)

новыми способами и средствами, которые остаются и по настоящее время, направленными на защиту прав и свобод человека и гражданина, стали видеоконференцсвязи, телефонный режим, специализированные горячие линии, специальный чат. Но вместе с этим, положительное разрешение получила 1701 жалоба, поступившая к Уполномоченному, в том числе 122 коллективных обращения, адресную помощь получили 6492 гражданина, по 23 449 обращениям (с учетом 7072 телефонных звонков) даны разъяснения заявителям относительно средств и способов защиты своих прав и свобод[404].

В 2020 году к Службу финансового уполномоченного поступило 187 386 обращений потребителей[405] (финансовый омбудсмен), 50 941 (81%) обращение направлены потребителями в электронной форме посредством личного кабинета на официальном сайте финансового уполномоченного, 36 445 (19%) обращений – в письменной форме.[406] По данным размещенным на официальном сайте Роспотребнадзора, в 2020 г. в территориальные органы Роспотребнадзора поступило 431 040 обращений по вопросам защиты прав потребителей, что на 14,4 % больше, чем в 2019 г. (368 98 обращений)[407]. Следует обратить внимание, что современное общество нуждается в новых средствах защиты прав, поскольку наращивается тенденция нарушений прав потребителей на маркетплейсах. Так, например, по данным Роспотребнадзора, как и в 2019 году, значительная часть обращений потребителей, касающаяся деятельности владельцев агрегаторов, поступила в отношении сервисов заказа такси, в 2020 году в Управление Роспотребнадзора по городу Москве поступило порядка 1000 обращений о нарушении прав потребителей,

---

[404] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год // https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/Doc4.pdf (дата обращения 24.11.2021 г.)

[405] Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 04.06.2018 № 123-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 4 июня 2018 г.

[406] Отчет о деятельности Службы финансового уполномоченного, предусмотренная Федеральным законом от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» за 2020 год // https://finombudsman.ru/about/otchety/ (дата обращения 24.11.2021 г.)

[407] Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2020 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2020. 380 с. // https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=18267 (дата обращения 24.11.2021 г.)

касающихся ненадлежащего оказания услуг по перевозке пассажиров легковым такси, доставке продуктов, в том числе продукции общественного питания, с использованием услуг владельцев агрегаторов информации об услугах (далее – владелец агрегатора) таких мобильных приложений, как «Яндекс.Такси», «Сити-Мобил», «Яндекс.Еда», «Деливери Клаб», что составляет 1,5 % от общего количества (65 574) обращений, поступивших в Управление в 2020 году[408].

Согласно данным судебной статистики, в 2020 году в арбитражные суды субъектов Российской Федерации поступило 1 млн 765 тыс. заявлений. Это на 16,9 % меньше показателя 2019 года – 2 млн 124 тыс.[409]. Кроме этого, всего рассмотрено судами общей юрисдикции всех уровней гражданских и административных дел по первой инстанции 28,4 млн. (в 2019 году – 24,8 млн., в 2018 году – 21,7 млн., в 2017 году – 18,8 млн.), из них в порядке гражданского судопроизводства, предусмотренного Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ) – 21,4 млн, в порядке административного судопроизводства, предусмотренного Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) – 7,0 млн.[410].

Исходя из представленных статистических данных, можно предположить, что реализация общеправовой идеи права на защиту преобладает в сознании у личности, когда каждый индивид убежден в своей защищенности юрисдикционными органами, поскольку судебная защита является потенциально важнейшим и востребованным инструментом обеспечения прав и свобод человека[411].

---

[408] Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2020 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2020. 380 с. // https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=18267 (дата обращения 24.11.2021 г.)

[409] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2020 году // http://www.cdep.ru/index.php?id=80 (дата обращения 24.11.2021 г.)

[410] Обзор о деятельности судов о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году // http://cdep.ru/index.php?id=80 (дата обращения 24.11.2021 г.)

[411] См. подробнее: Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 19.02.2013 «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год» // Российская газета. № 68, 29.03.2013.

Следовательно, общеправовая идея права на защиту в сознании личности сводится к осмыслению потребности в ее реализации органами по отправлению правосудия. Таким образом, право на защиту в сознании личности выражена в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, т. е. являясь субъектом общественных отношений, личность осознает действительность своей защищенности. В государственно-правовой действительности, право на защиту, как общеправовая идея, в индивидуальном, личностном восприятии должна быть представлена не только как знание о праве на защиту, отношение к нему, к его ценностям, но и в усвоении идеи в качестве инструмента познавательной деятельности, способа понимания и фиксации правовых знаний о ней.

Таким образом, аксиология общеправовой идеи права на защиту как в действительности, так и в правовой действительности, сводится к следующему:

1) право на защиту едино и неизменно, поскольку в ходе исторического развития представляет собой категорию, лежащую в основе динамики развития всей системы законодательства в частной и публичных отраслях права, представляя собой одновременно индивидуальное (единичное), особенное или универсальное и общеправовое явление, а также действует на всей территории Российской Федерации и не может быть ограниченно или приостановлено;

2) оно совершенно, т.е. выражает идею некоего высшего стандарта защиты в сознании и правосознании личности, подлежащей обязательному признанию и соблюдению со стороны государства;

3) жизнеспособно и объективно, так как познается интуитивно, постигается разумом и отражено в положениях Конституции РФ и во всей системе законодательства Российской Федерации;

4) обладает признаками всеобщности, поскольку принадлежит каждому индивиду с рождения, получая как национальное, так и международное

признание, и гарантированность со стороны государственных и наднациональных органов.

Аксиологическое значение права на защиту в правовой действительности проявляется и в его онтологии. Исследование права на защиту в его онтологическом значении, как общеправовой идеи, на наш взгляд, позволяет говорить о том, что ее содержание составляют общественные отношения, позволяющие индивидам, их коллективам и обществу в целом осуществлять защиту своих нарушенных прав и законных интересов, а государству – обеспечивать необходимые условия для реализации такой защиты. Таким образом, онтология права на защиту позволяет определить его правовую природу в теории права посредством объективного и содержательного научного представления о закономерном и существенном познании, позволяя, тем самым, глубокого познать те явления и процессы, к которым относится данная правовая идея. Ведь в сущности права на защиту содержатся важнейшие и значимые комплексы общественных отношений в различных областях человеческой деятельности.

А. М. Васильев отмечает, что правовые категории представляют собой высшую ступень абстрактных знаний в теории права. Они далеко не всегда являются результатом прямого выхода из эмпирических правовых данных. В то же время, правовые категории объективны и служат практике[412]. Вместе с тем, особенность юридических категорий по сравнению с понятиями других общественных наук, заключается как раз в том, что определения или существенные признаки некоторых из них получают свое закрепление в законе. Это относится к большинству понятий, которые вырабатывают специальные юридические науки. Объективизируясь в праве, соответствующие понятия выходят за пределы чисто научных представлений, получая более широкую общественно-юридическую значимость. Такая объективизация выступает как момент перехода правовых категорий в

[412] Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. / А.М. Васильев. М.: Юридическая литература, 1976. С. 61.

категории права и является основанием для проведения различий между ними[413].

Как отмечает Н. Н. Тарасов, те или иные аспекты правовой действительности могут выступать предметом исследования разных наук[414]. Для определения категории права А. М. Васильев приводит три признака, по которым следует разграничивать правовую категорию и категории права:

1) превращаются в общеобязательные государственные установления;

2) не только проявляются как атрибуты абстрактного мышления, но и выступают как средство регулирования общественных отношений, как государственный масштаб оценки поведения людей;

3) приобретают способность переводить общие абстрактные требования на уровень практических действий участников правового общения[415].

На первый взгляд, право на защиту удовлетворяет только первому признаку категории права – оно общеобязательно и законодательно установлено, в то время как остальные критерии, определенные правоведом, не могут быть отнесены к нему в полной мере. Однако, следует заметить, что право на защиту может быть представлено как атрибут абстрактного мышления, поскольку данное право содержится в основном законе государства. Более того, данное право неотчуждаемо и гарантируется государством каждому человеку и гражданину. В свою очередь, средства и способы его непосредственного исполнения каждым кому оно гарантировано, предусмотрены статьями иных нормативных правовых актов (например, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации[416], Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации[417], Кодекс административного

---

[413] Васильев А.М. Правовые категории (…) С. 63-64.

[414] См. подробнее: Тарасов Н.Н. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях. / Н.Н. Тарасов // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 9–21.

[415] Васильев А.М. Правовые категории (…) С. 64.

[416] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[417] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

судопроизводства Российской Федерации[418]). Соответственно, право на защиту как общеправовая идея содержится в различных нормативных правовых актах, которые устанавливают механизм ее правового регулирования.

Право на защиту не содержит абстрактных требований. Напротив, оно модифицируется в иное конкретное и реальное процессуальное право, устанавливающие непосредственно порядок обращения лиц в суд, с целью защиты и восстановления нарушенных прав и законных интересов. Кроме этого, законодательство, которое базируется на реализации права на защиту, устанавливает определенные требования, которые необходимые для соблюдения всеми субъектам соответствующих правоотношений. Следует отметить, что в случае нарушения конкретных норм процессуального законодательства, не может быть осуществлено и само право на защиту, поскольку, нарушая нормы процессуального права, нарушается и право на защиту как общеправовая идея, отраженная в Конституции РФ.

Автор диссертационного исследования разделяет мнение А. М. Васильева о том, что изменения в составе правовых категорий, формирование новых категорий могут иметь место тогда, когда они:

а) отражают новые общие процессы, отношения и закономерности, возникающие в государственно-правовой действительности;

б) обоснованы, доказаны и проверены опытом;

в) по своим качественным особенностям и уровню обобщения могут быть включены в понятийный аппарат правовой теории[419].

Процесс возникновения и развития категории права на защиту отражает новые общие процессы, позволяющие выявить закономерности в её реализации в различных областях юридических знаний, приобретая в ходе исторического развития государства и права характер всеобщности. Право на

---

[418] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 09.03.2015.

[419] Васильев А.М. Правовые категории (…) С. 66.

защиту в современной России является высшей ценностью и гарантируется государством. Характер всеобщности права на защиту проявляется и в положениях международных актах и в национальном законодательстве практически всех стран. Согласно ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[420], каждый индивид в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Аналогичное положение закреплено в ч. 1 ст. 14 Международного Пакта от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах»[421], в тексте которого, в частности, отмечается, что все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Общеправовая идея защиты прав и свобод личности отражена и в положениях Всеобщей декларации прав человека 1948 г.[422].

Признавая за правом на защиту признак всеобщности, следует обратить особое внимание на правовую природу данной общеправовой идеи в некоторых государствах Восточной Азии. Выбор государств Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего, связан с расширением интеграции российского Дальнего Востока, движением России на Восток, отвечающим стратегическим интересам нашей страны[423], и, в силу данного обстоятельства, необходимости исследования иных методологических подходов к

---

[420] Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, № 2, ст. 163.

[421] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР", 28.04.1976, № 17, ст. 291,

[422] Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета, № 67, 05.04.1995.

[423] См.: Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России: монография / Л.В. Андриченко, М.М. Баранчикова, К.М. Беликова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: ИЗиСП, 2018. 301 с.

обоснованию содержания и структуры механизма правового регулирования права на защиту в праве отдельных государств данного региона.

Так, современная Китайская Народная Республика (далее – КНР) как по форме правления (республика социалистического типа), так и по организации судебной власти страны представляет собой заимствования советской системы[424]. Китай, в соответствие со ст. 1 Конституции Китайской народной республики (далее по тексту – Конституция КНР)[425], является социалистическим государством демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян. В отличие от Российской Федерации, где права признаются высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита - обязанность государства, в Китае согласно ч. 3 ст. 33 Конституции КНР государство уважает и охраняет права человека.

Анализ положений Главы II Конституции КНР «Основные права и обязанности граждан» позволяет сделать вывод об отсутствии закрепления в данной главе права на защиту или схожих с ним прав, связанных с защитой прав и свобод граждан КНР. Вместе с этим, в § 8 Главы III «Народный суд и народная прокуратура» содержится единственное упоминание о праве на защиту – «Обвиняемый имеет право на защиту» причем только в уголовном судопроизводстве. Вместе с этим, правовые основы судебной системы КНР закреплены ст. ст. 123-128 Конституции КНР. И хотя в тексте Конституции нет ничего о защите праве физических лиц[426], в ст. 3 Закона КНР от 01 июля 1979 г. (ред. 31.10.2006) «Об организации народных судов»[427] к «задачам народных судов относится рассмотрение уголовных и гражданских дел,

---

[424] Правовые системы мира. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. М.: Норма, 2000. С. 317-328; Правовые основы бизнеса в Китае / Отв. ред. А.Е. Молотников, В. Шань М.: Издательство РКЮО, 2018. С. 50.

[425] Конституция Китайской Народной Республики от 04 декабря 1982 г. (ред. 11.03.2018) // URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения 25.01.2019).

[426] См. подробнее: Чжихуа В. Судебные разъяснения в развитии гражданского права Китайской Народной Республики // Российский судья. 2012. № 4. С. 34-36.

[427] Закон КНР от 01 июля 1979 г. «Об организации народных судов» (ред. 31.10.2006) // URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_peoples_courts_organic_law_revised_2006_russian/ (дата обращения 25.01.2019).

наказание в судебном порядке преступных элементов и разрешение гражданских споров, имеющих целью защиту, народно-демократического строя, поддержание общественного порядка, охрану общественной собственности, законных прав и интересов граждан, обеспечение успешного проведения социалистического строительства и социалистических преобразований в стране». Ст. 8 данного закона прямо предписывает право на получение профессиональной защиты адвоката или представителя интересов обвиняемого лица в уголовном процессе[428]. Государство защищает не только государственные предприятия, но и иные предприятия, в том числе коллективные, частные и предприятия с иностранным капиталом[429].

Согласно положениям Конституции Социалистической Республики Вьетнам (далее по тексту – Конституции СРВ)[430], государство гарантирует и непрерывно поддерживает народовластие во всех областях; государство стремится построить богатую и сильную страну, в которой господствует социальная справедливость, а жизнь у всех свободна и счастлива, создаются условия для всестороннего развития человека; вместе с тем государство строго наказывает всяческие действия, ущемляющие интересы страны и ее народа. Идеология государства, о чем упоминается в Конституции СРВ, построена на марксизме-ленинизме и идеях Хо Ши Мина.

До 2013 г. положения Главы IV Конституции СРВ «Основные права и обязанности граждан» не предусматривали права на защиту. Более того, содержалось лишь упоминание об уважении прав и гарантированности прав гражданам Социалистической Республики Вьетнам (далее по тексту – Вьетнама), не акцентируя внимание на их охране или защите. Однако в 2013 г.

---

[428] Там же.

[429] Правовые основы бизнеса в Китае. С. 24-25.

[430] Социалистическая Республика Вьетнам. Конституция и законодательные акты. Перевод с вьетнамского / Сост.: Буданов А.Г.; Под ред.: Гудошников Л.М. (Вступ. ст.); Редкол.: Барабашев Г.В., Жидков О.А., Ильинский И.П., Калямин Г.П., Страшун Б.А., Туманов В.А., Чиркин В.Е.; Пер.: Буданов А.Г., Воронин А.С., Макаров Н.А.; Сост. и пер.: Богатова Е.Р. (Вступ. ст.) М.: Прогресс, 1988. 460 с.

были внесены изменения и дополнения, которые практически полностью изменили содержание основного закона[431].

Как отмечает П.Ю. Цветов, «Вторая глава рассматривает «права человека, основные права и обязанности граждан». Подробно в трех десятках статей даются гарантии основных гражданских прав: равноправие граждан, защита жизни и имущества, свободы вероисповедания, слова, передвижения, в т. ч. выезда за границу, и др. Существенно и то, что на государство возложена обязанность гарантировать эти права»[432], т.е. государство, по мнению заместителя Председателя Национального собрания Уонг Тю Лыу, «обязано защищать, уважать и строго соблюдать права человека и гражданские права» в точном соответствии с международным законодательством и заключенными Вьетнамом договорами[433]. Как верно отмечает Е. Е. Власов: «в новой Конституции была также зафиксирована обязанность государства защищать человека труда, заботиться о его здоровье, развитии системы медицинского страхования, жилищном строительстве»[434].

Таким образом, положениям вьетнамской конституции и системе прав и свобод граждан присуще еще одно сходство с положениями Конституции КНР. Так, согласно ст. 132 Конституции СРВ, обвиняемому обеспечивается право на защиту. Обвиняемый может пользоваться услугами защиты или осуществлять самозащиту[435]. Следовательно, как в КНР, так и в СРВ в систему прав и свобод их граждан входит только право на защиту обвиняемого в ходе уголовного процесса[436], в то время, как право на защиту в гражданском или ином судопроизводстве, не связанным с уголовным процессом, отсутствует.

---

[431] Конституция Социалистической Республики Вьетнам. 2013 г. (на вьет. яз.). Ханой: Госполитиздат, 2014. 31 с.

[432] Цветов П.Ю. Новая Конституция Вьетнама: усиливается акцент на права человека и гражданина / П.Ю. Цветов // Азия и Африка сегодня. 2014. № 6 (683). С. 22.

[433] Уонг Тю Лыу. «О Конституции СРВ». М., 2013. // URL: http://www. nhat-nam.ru/forum/viewtopic.php?f=4&t=1356 (дата обращения 26.12.2018).

[434] Власов Е.Е. Вьетнамское государство в процессе обновления страны (тридцатилетию начала политики «Дой Мой») / Е.Е. Власов. // Ойкумена. 2016. № 2. С. 144.

[435] Конституция Социалистической Республики Вьетнам. 2013 г. (на вьет. яз.). Ханой: Госполитиздат, 2014. С. 24.

[436] См. подробнее: Нгуен М.Д. Народные суды в системе государственных органов Социалистической Республики Вьетнам [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. / Нгуен Минь Дык. М., 2006.

Действующая Конституция Японии, промульгированная 3 ноября 1946 г. и вступившая в силу 3 мая 1947 г., технически является поправкой к первому Основному Закону страны 1889 г.[437] Хотя Конституция Японии фактически представляет собой новый и самостоятельный нормативный правовой акт, устанавливающий основы конституционализма в стране, в нее была внесена единственная поправка[438]. Конституция Японии гласит: «Народ не может быть ограничен в пользовании всеми основными правами человека. Эти основные права человека, гарантируемые народу настоящей Конституцией, предоставляются нынешнему и будущим поколениям в качестве нерушимых вечных прав»[439].

В отличие от Китая, где права народа уважаются и охраняются или Вьетнама, где права граждан уважают и гарантируют, Япония провозглашает права своих граждан как нерушимые вечные права, не акцентируя внимания на их охране или защите. В тоже время, в системе прав граждан Японии, в отличие от КНР и СРВ, содержится право на обращение в суд. В частности, ст. 32 Конституции Японии гласит: «Никто не может быть лишен права на обращение в суд» [440]. Отсутствие права на защиту в Конституции Японии, заменяется правом на обращение в суд, которое входит в систему прав граждан Японии. Таким образом, несмотря на отсутствие четко сформулированного и нормативно урегулированного права на защиту прав и свобод человека в положениях конституций государств Азиатско-Тихоокеанского региона, идея о защите прав и свобод личности прослеживается в государственно-правовой действительности стран Восточной Азии.

С. 51.

[437] Конституция Японской империи. / Пер. М. А. Шрейдер, С. Г. Займовский // Японцы о Японии / Под ред. Д.И. Шрейдера. СПб., 1906. С. 530—535 URL: https://ru.wikisource.org/wiki (дата обращения 24.12.2019 г.)

[438] Birth of the Constitution of Japan // URL: http://www.ndl.go.jp/ constitution/ e/index.html (дата обращения 11.09.2018 г.).

[439] Конституция Японии от 03.05.1947. Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 1021-1037. // КонсультантПлюс (дата обращения 15.07.2015 г.)

[440] Конституция Японии от 03.05.1947. Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. // КонсультантПлюс (дата обращения 15.07.2015 г.)

Таким образом, в международном аспекте, право на защиту отображает общие процессы, позволяющие определить закономерность своей всеобщности, единого и неизменного правового явления в действительности, а также существование идеи в правосознании личности, которая обеспечивается государством. В Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина -- обязанность государства. При этом, важность составляющей содержание деятельности государства, проявляется в наличии законодательной, исполнительной и судебной властей, с помощью которых осуществляется обеспечение и охрана прав и свобод человека и гражданина. Более того, в правовом государстве одним из принципов права является его верховенство, а само право представляет собой систему прав человека и гражданина и вместе с этим является «принципом приоритета прав человека, которым должно руководствоваться современное демократическое государство в своей правотворческой и правоприменительной деятельности. Потому что только право (в отличие от норм нравственности или религии) может иметь общезначимый и общеобязательный в масштабах государства характер»[441]. Более того, процессы, отношения и закономерности, возникающие в государственно-правовой действительности, проявляются в настоящее время в реформировании действующего законодательства Российской Федерации, в том числе затрагивающие условия, обеспечивающие реализацию права на защиту.

Анализ правоприменительной деятельности позволяет обосновывать значимость и особенность данной правовой категории. Так, Конституционный Суд Российской Федерации, отмечает, что в силу ст. 46 Конституции РФ во взаимосвязи со ст. 17 и 19 право на судебную защиту, будучи основным и неотчуждаемым правом человека, признается и гарантируется в России согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в

[441] Зорькин В.Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. № 5782. 16.05.2012 // http://www.rg.ru/ [Дата обращения 19.08.2016]

соответствии с Конституцией РФ реализуется на основе принципа равенства всех перед законом и судом[442].

Вместе с этим, право каждого на защиту обеспечивается законным, независимым и беспристрастным судом, что означает, в частности, тот факт, что рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным, а не произвольно выбранным судом. Признание же суда законно установленным требует, чтобы его компетенция по рассмотрению данного дела определялась законом. Вместе с тем, рассмотрение дела вопреки правилам о подсудности не отвечает требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение данного конкретного дела, не является законным судом, принятые же в результате такого рассмотрения судебные акты не могут признаваться реально обеспечивающими права и свободы[443].

На основании изложенного можно выделить следующие качественные особенности права на защиту как правовой категории:

1) универсальность, выражающаяся в том, что оно позволяет обеспечить охрану других прав и свобод человека и гражданина, выступая одним из важных составляющих элементов построения системы законодательства, поскольку отсутствие права на защиту как общеправовой идеи, обесценивает прочие положения законодательства и лишают значимой юридической гарантии;

2) фундаментальность проявляется в построении материального и процессуального законодательства, действующего на территории Российской

---

[442] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 г. № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.

[443] Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 11. Ст. 1366; Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 19. Ст. 2357; Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6, Ст. 699 (Постановление); Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2006 № 3-П // Собрание законодательства РФ, 17.04.2006, № 16, ст. 1775; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.2006 № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2006. № 10. Ст. 1145; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 48. Ст. 5123; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 № 4-П // Собрание законодательства РФ, 01.03.2004, № 9, ст. 831; Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.1998 № 5-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 6. Ст. 784.

Федерации, с целью реализации права на защиту и доступности справедливого правосудия, а также развития правового государства;

3) всеобщность, когда право на защиту принадлежит наравне как гражданину, так и человеку независимо от их принадлежности к государству или сословию, гарантируется и реализуется способами и условиями, установленными правилами поведения, закрепленными в нормативных правовых актах;

4) правоприменительная значимость, в правоприменительной деятельности право на защиту представлено основным и неотчуждаемым правом человека, которое гарантируется общепризнанными принципами и нормами международного права, поскольку нарушение данного права позволяет признать судебные акты не обеспечивающими охрану прав и свобод, ненадлежащие правопонимание и применение норм права, обеспечивающих реализацию права на защиту.

Таким образом, по своим качественным особенностям и уровню конкретности право на защиту выражает истинное знание о правовой сфере общественной жизни, поскольку данные знания лежат в государственном масштабе поведения людей и оценки их действий. Речь идет о закреплении соответствующих правил поведения в различных нормативных правовых актах, позволяющих реализовать право на защиту. Также право на защиту как правовая категория служит получением новых знаний. Так, право на защиту модифицируется в процессуальном законодательстве в право на обращение в суд, его реализация взаимосвязана с иными нормами права, соответствующими требованиями и гарантиями, которые предусмотрены действующим законодательством. Поэтому можно считать, что право на защиту, как общеправовая категория – это обусловленное естественно-правовым характером, выраженное в объективном праве и гарантированное обязанным субъектом в лице государства юридическое дозволение,

выражающееся в стремлении и действиях субъекта отразить угрозу личным или общественным интересам.

Справедливо указывает А. М. Васильев, что образование новых категорий в составе теории права – результат нового представления о сущности и развитии права, возникшего на основе обнаружения определенной закономерности.[444] Будучи структурным элементом системы права и, одновременно, общеправовой категорией, право на защиту представляет особую научную ценность. Поскольку идея о праве на защиту, определяемой как правовая категория, имеет свои качественно-существенные признаки, получающие свое отражение и закрепление в нормативных правовых актах. Обусловлено это тем, что государство, обеспечивая данную идею, полагает иные правила поведения таким способом, чтобы они стали доступнее в процессе реализации каждым лицом, соблюдались государственными органами и другими участниками любых правоотношений. Такая особенность выражает суть и закономерность реальных процессов правовой сферы общественной жизни, в итоге идея права на защиту личности фиксируется как принцип права.

А. М. Васильев определяет правовые принципы как правовые категории, отмечая, что они служат в теории права для отображения основных идейных начал – целенаправленного правового регулирования, лежащего в основе, как отдельных его компонентов, так и всего его механизма в целом, обеспечивающего в своей деятельности необходимый правопорядок[445]. С одной стороны, правовые принципы получают свое прямое выражение в нормативных правовых актах, а с другой стороны, принципы развиваются и детализируются в определенных нормах права, содержащихся в различных нормативных правовых актах.

В. Н. Карташов верно указывает, что принципы права – это «определенные фундаментальные идеи и идеалы, которые сформулированы

[444] Васильев А.М. Правовые категории (…) С. 96.
[445] Васильев А.М. Правовые категории (…) С. 152.

на основе научного и практического опыта. В этом плане они вместе с принципами правосознания являются важнейшими компонентами господствующей юридической идеологии. Однако разнообразные юридические идеи и идеалы только тогда становятся принципами права, когда они непосредственно (легально) выражены в нормативно-правовых актах или иных формах права»[446].

Л. С. Явич отмечает, что некоторые принципы могут формироваться, совершенствоваться и действовать, не будучи до определенного времени четко выраженными в законодательстве, могут функционировать в сфере судебной практики и правовых обычаев (традиций), в области складывающихся комплексов субъективных прав и конкретных правоотношений, хотя, конечно, оптимальный вариант заключается в наиболее полном закреплении основных начал в конституционном законодательстве[447].

Следовательно, право на защиту рассматривается как теоретическое понятие, выступающее структурно-функциональной единицей категориального аппарата общей теории права. При этом право на защиту предстает как категория в системе общетеоретических понятий. Общеправовая категория «право на защиту» обладает универсальным характером, определяемым её природой, ценностью, местом и ролью в правовой системе, так как на теоретическом уровне она предопределяет основу построения законодательства, объективируясь в нормах права, инвариантно различной отраслевой специфике.

Право на защиту как общеправовая категория представляет собой категорию, лежащую в основе динамики развития всей системы законодательства в частных и публичных отраслях права, представляя собой общее, особенное и единичное одновременно, в основе которых лежит

---

[446] Общая теория государства и права: Академический курс / М.Н. Марченко, С.Н. Бабурин и др.; Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. Т. 2. С. 75.

[447] Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 149-150.

потенциальная правовая возможность и связи. Эта категория выражает идею некого высшего стандарта защиты в сознании и правосознании личности.

Общеправовая категория «право на защиту» как идеальная структура правового мышления и предметная единица юридического познания, содержит в себе не только потенциал правовых возможностей, но и весь потенциал правовых связей.

Таким образом, онтологическое определение права на защиту позволяет судить о нем, как об общеправовой идее, содержащейся в теории права. Рассмотрев право на защиту как правовую категорию, можно полагать, что оно является правовой идеей, содержащейся в правовых принципах защиты прав и свобод человека и гражданина, правосознании личности, обязанности государства по защите прав и свобод личности. Поскольку идеи как принципы права в теории права и государства содержатся в понятиях и категориях и через обоснование доказывают необходимость и значимость своего существования. В свою очередь, общетеоретические идеи имеют своим основанием юридические знания, поэтому признаки права на защиту как правовой категории, процессы, отношения и закономерности, возникающие в государственно-правовой действительности, непосредственно связанные и обусловленные правом на защиту, обоснованность и доказанность правоприменительной деятельности в области защиты прав и свобод субъектов права, закрепление данной категории в тексте Конституции РФ, позволяет утверждать, что право на защиту есть правовая категория во всей совокупности ее признаков и должно быть определено как правовой принцип.

§ 2. Правовой принцип права на защиту: теоретико-прикладные грани

В условиях происходящей современной трансформации государственно-правового развития России и «Стратегии развития

информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»[448], утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203, информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан и развитие хозяйственной деятельности. Так, развитие современной цивилизации, идущее по пути четвертой промышленной революции, подразумевающей новые технологии и стирание границ между цифровой, производственной и биологической сферами, немыслимо без развития науки. Именно наука задает содержание, направления и темпы прогресса, обуславливает трансформацию общества в экономической, политической и социальной сферах. Не случайно Президент России В.В. Путин назвал развитие науки «ключевым фактором суверенитета и безопасности» страны[449].

Таким образом, возникают основания и стимулы для определения права на защиту как универсального начала, формирующего качественно новый уровень законодательства не только федерального, но и регионального уровней. Поскольку правотворческая деятельность должна исходить из определенных принципов и основных правовых идей, важной составляющей исследования права на защиту личности как категории в теории права является идея универсальности права на защиту и сохранение его аксиологического значения права для построения новой системы законодательства Российской Федерации в целях ее прорывного развития на современном этапе развития права и государства.

Универсальность как качественная особенность правовой категории права на защиту выступает базисом для построения законодательства Российской Федерации, которое должно обеспечить защиту и охрану прав и свобод личности. Тем самым универсальность права на защиту тесно

---

[448] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

[449] Президент России В.В. Путин назвал развитие науки ключевым фактором [Электронный ресурс]. https://www.ntv.ru/novosti/1597365/ (Дата обращения: 17.11.2021).

взаимосвязана с ее фундаментальностью, поскольку новое представление о праве на защиту, возникшего на основе общеправовой идеи, позволяет исследовать право на защиту как принцип права в общеправовой теории.

Существуют различные основания для классификации принципов права по их происхождению, роли в правовой системе, отрасли права и т.д. Как отмечается в научной литературе, правовые принципы закреплены в текстах нормативных правовых актов, а «принципы со столетней историей становятся обычаями»[450]. При этом, принципы права имеют три тесно связанных друг с другом значения:

1) основополагающие, исходные идеи права, определяющие его сущность;

2) основные положения, выражающие политику государства в ведущих сферах правового регулирования;

3) основы устройства и функционирования конкретных отраслей и институтов права[451].

Особенность принципов права проявляется в том, что их начало в зависимости от назначения может исходить из правовой доктрины, процесса судопроизводства, механизма реализации и правоприменения права[452]. Кроме этого, сами правовые принципы не оказывают воздействие на поведение субъектов права, но выступают основой для формирования механизма правового регулирования, включая как законодательную, так и правоприменительную практики. Как отмечают Н. И. Матузов и А. В. Малько, принципы права «пронизывают всю правовую систему, включая все ее компоненты – законодательство, субъектов правоотношений, практику, правосознание, и поэтому выступают регулятором общественных

---

[450] Теория государства и права: учебник / С.В. Бошно. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. С. 111.

[451] Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 176.

[452] См. подробнее: Бошно С.В. Теория государства и права: учебник С. 111; Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 176; Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 45; Теория государства и права: учебник / Под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. М.: Проспект, 2016. С. 128.

отношений»[453]. Принципы права в системе права играют роль «жизненной силы», «механизма саморегулирования», «стержня», обеспечивающего единство и согласованность всех элементов правовой системы»[454].

Таким образом, признавая право на защиту общеправовым принципом, можно с уверенностью заявлять, что данное право по своей сущности не влияет на действия субъектов права, поскольку выступает регулятором для дальнейшего развития соответствующих правоотношений. Право на защиту – это основа для формирования материального и процессуального законодательства. Также оно играет важную и фундаментальную роль в правоприменительной практике, поскольку нарушение данного права влечет отмену судебного акта, являющегося результатом деятельности органов по отправлению правосудия. В теории права и государства общепринято подразделять правовые принципы в зависимости от того, на какую область юридических знаний они распространяются. Так выделяют следующие виды принципов: общеправовые, межотраслевые, отраслевые[455].

Рассматривая право на защиту как общеправовой принцип права, следует обратить внимание на определение его сущности в качестве такового. Характеризуя общеправовые принципы, ученые в области государства и права отмечают, что такие принципы применяемы во всей системе права, закреплены, как правило, в основном законе страны[456]. Кроме этого, общеправовые принципы распространяют свое действие на все отрасли права, относятся к праву в целом и выступают его первоосновой (базисом)[457]. Общеправовые принципы – это начала, которые определяют наиболее существенные черты права в целом, его содержание и особенности как

---

[453] Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 176.

[454] Нерсесянц В.С. Право и закон. М.: Юридическая литература, 1983. С. 342-343.

[455] См. подробнее: Теория государства и права: учебник / С.В. Бошно. С. 113; Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 177; Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. С. 45; Теория государства и права: учебник / Под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. С. 130; Теория государства и права. Учебник / Под ред. В.Г. Стрекозова. М.: Изд-во «Интерстиль», «Омега-Л». 2006. С. 216-218.

[456] Теория государства и права: учебник / С.В. Бошно. С. 113.

[457] Теория государства и права: учебник / Под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. С. 130.

регулятора всей совокупности общественных отношений. Они распространяются на все правовые нормы и с одинаковой силой действуют во всех отраслях права в независимости от характера и специфики регулируемых ими общественных отношений.[458]

На основании изложенного, таким образом, можно выделить следующие критерии, определяющие общеправовые принципы:

1) используются во всех отраслях права;

2) закреплены в Конституции РФ, относятся к праву и выступают его основой;

3) определяют существенные признаки, содержание и особенности права как регулятора общественных отношений.

Следовательно, право на защиту следует определить, как общеправовой принцип права. Данный вывод основывается на следующем:

1. Право на защиту является основным и неотчуждаемым правом, которое гарантируется каждому и регламентировано ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется, в том числе и судебная защита прав и свобод индивида.

2. Право на защиту предполагает право на защиту прав и свобод, право на охрану законных интересов, право на обращение в суд, право на законный суд, закрепленных в действующем законодательстве Российской Федерации. Являясь фундаментальным правом, гарантирующим восстановление нарушенных или оспариваемых прав и свобод личности, коллектива или юридических лиц, оно относится к праву в целом. Более того, право на защиту представляет собой основу права, выражающуюся в распространении защиты всех правовых норм во всей правовой системе.

3. Право на защиту, в соответствие с признаками, характеризующими его как общеправовую идею (универсальность, фундаментальность, всеобщность, правоприменительная значимость) отражают его сущность,

[458] Теория государства и права. Учебник / Под ред. В.Г. Стрекозова. С. 216.

определяя его в качестве базиса для построения любой отрасли права и подтверждая значимость при реализации права и в правоприменительной деятельности. Поэтому, на наш взгляд, следует говорить о том, что право на защиту, как общий принцип права является регулятором общественных отношений. Принципы права должны быть определены как основные начала, в соответствии с которыми осуществляется правовое регулирование общественных отношений[459]. Положительным моментом данного определения, по мнению Г. Л. Свердлык, является то, что правовое регулирование общественных отношений строится в соответствии с принципами[460].

Таким образом, право на защиту можно признать общеправовым принципом, который содержится во всех отраслях права. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018)[461] (далее по тексту -- УК РФ), задачами уголовного законодательства являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Р. С. Бурганов указывает, что принципы уголовного права как отрасли права – это система относительно устойчивых и постоянных идей, имеющих объективно-субъективный, фундаментальный и основополагающий характер, которые отражают сущность уголовного права[462].

Право на защиту как общеправовой принцип представляет собой фундаментальную и основополагающую идею в теории права,

---

[459] Фролов С.А. Принципы права (вопросы теории и методологии): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Фролов Сергей Евгеньевич. Кострома, 2001. С. 16.

[460] Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. / Г.А. Свердлых. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. С. 10.

[461] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[462] Бурганов Р.С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания: автореферат канд. юрид. наук: 12.00.08. / Бурганов Рамис Салихутдинович. Казань, 2006. С. 15.

выражающуюся, в то же время, в объективном представлении защиты и охраны нарушенных прав и законных интересов, на которых в уголовном законодательстве:

- базируется основание и принципы уголовной ответственности;
- определяется, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями;
- устанавливаются виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

Ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 27.12.2018)[463] (далее по тексту -- ТК РФ), исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией РФ, устанавливает, что одним из основных принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, является обеспечение права каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, включая судебную защиту. Таким образом, право на защиту в трудовом праве признается как основополагающая и исходная идея, определяющая сущность трудового права, устанавливающая основу устройства и функционирования как трудового права в целом, так и отдельных его институтов, закрепляя основу для защиты и восстановления трудовых прав и законных интересов, как работника, так и работодателя.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018)[464] (далее ГК РФ) предусматривает, что защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд (далее – суд). Защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь

[463] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[464] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

в случаях, предусмотренных законом. Решение, принятое в административном порядке, может быть оспорено в суде.

В цивилистической доктрине восстановление нарушенного права рассматривается в качестве одной из целей защиты гражданских прав[465]. Как верно указывает А. Н. Климова, исходя из буквального толкования ст. 1 ГК РФ, «в систему принципов гражданского права входят следующие принципы: «равенство участников гражданского оборота; неприкосновенность собственности; свобода договора; недопустимость произвольного вмешательства в частные дела; беспрепятственное осуществление гражданских прав; обеспечение восстановления нарушенных гражданских прав и их судебная защита»[466]. Бесспорным можно признать то обстоятельство, что право на защиту является одним из немаловажных базисов построения гражданского законодательства, поскольку оно выступает началом идеи о защите и восстановлении нарушенных прав и законных интересов субъектов гражданского права.

Согласно ст. 8 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018)[467] (далее – СК РФ), защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных СК РФ, государственными органами, в том числе органами опеки и попечительства. Защита семейных прав осуществляется способами, предусмотренными соответствующими статьями СК РФ, а также иными способами, предусмотренными законом.

Обратим внимание, что семейное право предполагает защиту нарушенных семейных прав и интересов либо в судебном порядке, либо уполномоченными государственными органами. Как верно указывает

---

[465] См. подробнее: Тутынина В.В. Восстановление нарушенного права: принцип гражданского права, цель или способ защиты гражданских прав. / В.В. Тутынина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1. С. 86-92.

[466] Климова А.Н. Принципы гражданского права: автореферат канд. юрид. наук: 12.00.03. / Климова Анна Николаевна. М., 2005. С. 6.

[467] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

Н. С. Шерстнева, в систему принципов российского семейного права необходимо включить следующие принципы: укрепления семьи, построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважении, взаимопомощь и ответственность перед семьей всех ее членов, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, в том числе возможность судебной защиты этих прав[468].

Таким образом, анализ права на защиту как общеправового принципа позволяет определить его тем фундаментом, на котором базируется частное и публичное права, закрепляющие возможности гарантии защиты соответствующих прав и свобод, а также предусматривающие способы и условия реализации общеправового принципа. Анализ категории права на защиту в процессуальном праве, как частного, так и публичного характера, позволяет проследить ее межотраслевое начало в общей теории права.

В учебной литературе по теории государства и права по вопросу о межотраслевых принципах говорится в упрощенной форме. Так, межотраслевые принципы являются основой сразу для нескольких отраслей права[469], определяя их специфику регулирования[470]. В целом, логической ошибки здесь нет, так как, по мнению А. Л. Захарова, межотраслевые принципы характеризует, в первую очередь, сфера распространения, т.е. возможность быть общими для нескольких правовых отраслей[471].

Право на защиту, являясь общеправовым принципом, выступающим основой для построения действующего материального и процессуального права, направлено на регламентацию требований, правил и условий по охране тех или иных прав и свобод. В тоже время, право на защиту можно считать и межотраслевым принципом системы права и системы законодательства.

---

[468] Шерстнева Н.С. Принципы российского семейного права: автореф. доктора юрид. наук: 12.00.03. / Шерстнева Надежда Степановна. М., 2007. С. 12.

[469] Теория государства и права: учебник / Под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. С. 129.

[470] Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 179.

[471] Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Захаров Алексей Леонидович. Самара, 2003. С. 112.

Обусловлено это тем, что данный принцип, будучи реализован в содержании института защиты прав и свобод человека и гражданина, в полной мере и с четкими предписаниями регламентируется в процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Как верно указывает А. Л. Захаров, на смежные (родственные) отрасли права одновременно с межотраслевыми принципами в полной мере распространяют свое влияние и общие правовые принципы. Общие принципы проявляя себя в системе права, в целом, в каждой отдельной отрасли права, частности, одновременно могут быть определены как общие категории права, так и межотраслевые и отраслевые принципы. Таким образом, между общими, межотраслевыми и отраслевыми принципами в системе российского права и законодательства отмечается устойчивая (системная) прямая и взаимообратная связь.[472]

Так, уголовно-процессуальное право, закрепляя в ст. 6 УПК РФ, определяет назначение уголовного судопроизводства как защиту:

1) прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

М. Л. Базюк отмечает, что под защитой прав и свобод личности понимается совокупность преимущественно охранительных норм права, направленных на восстановление прав, реализацию субъективных прав участников в случае их нарушения или ограничения, осуществление комплекса мер, направленных на устранение обстоятельств, препятствующих осуществлению прав, а также деятельность государственных органов и их должностных лиц, по реализации указанных норм права[473]. По мнению О. В. Федоровой, вопрос о закреплении в законе принципа защиты прав и

---

[472] Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права. С. 114.

[473] Базюк М.Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: автореферат канд. юрид. наук: 12.00.09. / Базюк Марина Леонидовна. Иркутск: РГБ, 2009. С. 3.

свобод человека и гражданина и создании эффективного механизма его реализации, способного обеспечить, гарантировать и защитить права, свободы и законные интересы человека и гражданина в рамках уголовного судопроизводства, остается актуальным[474].

Так, Верховный Суд Российской Федерации в июне 2015 г. принял Постановление Пленума № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»[475] (далее по тексту -- Постановление). Справедливо указывает Е. Г. Ларин, что данное Постановление имеет большое значение, как с теоретической, так и с практической точек зрения. Предыдущее Постановление, посвященное вопросам обеспечения права на защиту, было принято еще Пленумом Верховного Суда СССР в 1978 г.[476]. С этого времени (почти 41 год назад) в государстве произошли значительные изменения: взят вектор на построение правового государства; в 1993 г. принята Конституция РФ, которая провозгласила права и свободы человека и гражданина высшей ценностью; принят «охранительный» УПК РФ 2001 г., который закрепил в качестве назначения уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; ряд решений Конституционного Суда Российской Федерации[477] существенно расширил возможности участников

---

[474] Федорова О.В. Защита прав и свобод человека и гражданина -- принцип уголовного судопроизводства: автореферат канд. юрид. наук: 12.00.09. / Федорова Ольга Вячеславовна. Владимир, 2008. С. 3.

[475] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. № 150. 10.07.2015.

[476] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 4. 1978.

[477] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. // СПС КонсультантПлюс; По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2007 г. № 13-П // СПС КонсультантПлюс.

уголовного судопроизводства, официально не поставленных в процессуальное положение подозреваемого (обвиняемого), по защите своих прав в случае осуществления в их отношении обвинительной деятельности. Нельзя не отметить значимость принятия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, благодаря которому право на получение квалифицированной юридической помощи получило «прописку» в УПК РФ, а лицо, в отношении которого проводится проверка, теперь может воспользоваться помощью защитника[478]. Более того, в Постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 Верховный Суд РФ четко и правильно указывает, что по смыслу ст. 16 УПК РФ обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях.

Соответственно, право на защиту имеет отраслевой характер, распространяя свое действие на все этапы уголовного судопроизводства[479]. С теоретической точки зрения, разъяснения Верховного Суда РФ логичны, поскольку принцип уголовного судопроизводства, как отмечает Е. Г. Ларин, – это наиболее общее, исходное положение, которое проходит через все его стадии[480], проявляясь на каждом этапе судопроизводства по-разному[481].

Следовательно, можно сказать, что УПК РФ закрепляет принцип права на защиту, основываясь на конституционно-правовых нормах, а также с учетом правоприменительной значимости, которые связанны с обеспечением защиты прав и свобод человека и гражданина. Более того, сам УПК РФ направлен на охрану и защиту нарушенных прав, определяя конкретные процессуальные действия для всех участников уголовно-процессуальных отношений. Соответственно в теории уголовного процесса можно выделить и

---

[478] См. подробнее: Ларин Е.Г. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о праве на защиту в уголовном судопроизводстве. / Е.Г. Ларин // Законодательство и практика. 2015. № 2. С. 3-8.

[479] Таратута И.В., Маркина Е.А. Комментарий к Постановлению Пленума ВС о применении норм законодательства о праве на защиту. / И.В. Таратута, Е.А. Маркина // Уголовный процесс. 2015. № 8. С. 19.

[480] Ларин Е.Г. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о праве на защиту в уголовном судопроизводстве. / Е.Г. Ларин // Законодательство и практика. 2015. № 2. С. 3-8.

[481] Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. / В.Т. Томин. М.: Юрайт, 2009. С. 118.

определить право на защиту как отраслевой принцип в этой сфере российского законодательства.

В ГПК РФ определено, что задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. В соответствии с ч. 1 ст. 3 ГПК РФ, заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов. Как отмечает Н. А. Чечина под принципами гражданского процессуального права понимаются руководящие положения, имеющие определяющее значение для всей системы процессуальных институтов и выражающие наиболее существенные черты данной отрасли права[482].

Современное понимание принципов гражданского процессуального права практически в целом ничем не отличается от тех дефиниций, которые давались в советский период развития гражданского процессуального права. Так, А. Т. Боннер рассматривает принципы гражданского процессуального права как основные положения данной отрасли права, отражающие ее специфику и содержание[483]. На наш взгляд, особое внимание следует уделить утверждению В. В. Яркова о том, что в системе права, в целом, и отрасли права, в частности, выделяются основополагающие начала, определяющие содержание норм той либо иной отрасли, ее место, роль и назначение в системе права, а также характеризующие содержание правоприменения и в целом правореализационного процесса. Такие основные начала отрасли права,

---

[482] Чечина Н.А. Принципы гражданского процессуального права. / Н.А. Чечина // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. С. 52.

[483] Гражданское процессуальное право России. Учебник / Боннер А.Т., Громошина Н.А., Гукасян Р.Е., Кудрявцева Е.В., и др.; Отв. ред.: Шакарян М.С. М.: Былина, 1996. С. 29.

объективированные и отраженные в содержании ее норм, получили название «принципы права». Принципы любой отрасли права имеют важнейшее значение для построения нормативной базы любой отрасли и ее применения. Они выступают в качестве своеобразной несущей основы, на которой строится нормативная база той или иной отрасли права[484].

Таким образом, основываясь на положениях, которые закреплены в ГПК РФ, а также теорию гражданского процессуального права, можно предположить, что гражданский процесс ставит во главе идею защиты нарушенных прав и законных интересов. В свою очередь, это возможно путем реализации заинтересованным лицом права на обращение в суд. Поэтому, наравне с УПК РФ, ГПК РФ основываясь на конституционных положениях, выстраивает свои процессуальные нормы на соблюдении основного и неотчуждаемого права – права на защиту.

В 2015 г. принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации[485] (далее КАС РФ), одной из задач административного судопроизводства, в соответствие с которым, является защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений. Принятие КАС РФ является важным шагом в развитии судебной власти в Российской Федерации. Обращение к сложившимся процессуальным принципам, понятиям и конструкциям также развивает данную сферу судебной деятельности[486].

Согласно ч. 1 ст. 4 КАС РФ, каждому заинтересованному лицу гарантируется право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод

---

[484] Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2010. С. 39.

[485] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[486] См. подробнее: Ярков В.В. Принципы административного судопроизводства: общее и особенное. / В.В. Ярков // Закон. 2016. № 7. С. 52-60.

и реализации законных интересов либо на него незаконно возложена какая-либо обязанность, а также право на обращение в суд в защиту прав других лиц или в защиту публичных интересов в случаях, предусмотренных КАС РФ и другими федеральными законами.

Вместе с этим, ст. 6 КАС РФ, регламентирует принципы административного судопроизводства, к которым относятся: независимость судей; равенство всех перед законом и судом; законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел; осуществление административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок; гласность и открытость судебного разбирательства; непосредственность судебного разбирательства; состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда.

Принципы административного судопроизводства -- это закрепленные в нормах судебного административного процессуального права положения, отражающие его особенности и касающиеся осуществления правосудия по делам из административных и иных публичных правоотношений[487]. Принципы судопроизводства не только определяют все построение процесса, перспективы его развития, но и обеспечивают правильное применение конкретных норм. Значение их трудно преувеличить, поэтому само появление в КАС РФ ст. 6 с их перечнем является очень важным[488].

Верно утверждает В. В. Ярков, важность закрепления принципов непосредственно в тексте КАС РФ, проявляется, во-первых, они задают основы правового регулирования административного судопроизводства и, во-вторых, определяют условия и ориентиры правоприменения при отсутствии конкретной нормы, регулирующей совершение конкретного процессуального

---

[487] См. подробнее: Административное судопроизводство: Учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016. 560 с.

[488] Туманова Л.В. Кодекс административного судопроизводства: хорошее должно быть лучшим. / Л.В. Туманова // Судья. 2018. № 11. С. 18-20.

действия при рассмотрении дел административного судопроизводства, помогают также правильно использовать аналогию права и закона[489]. Кроме этого, перечень принципов административного судопроизводства не является исчерпывающим. Общие части процессуальных отраслей российского законодательства предусматривают целый ряд правовых принципов, которые имеют непосредственное отношение к осуществлению защиты нарушенных и оспариваемых прав и интересов личности. В целом, можно с уверенностью отметить, что все процессуальные правоотношения основываются на общеправовой категории в виде права на защиту, поскольку сущность процессуальных правоотношений проявляется в осуществлении защиты и восстановлении нарушенных прав и законных интересов, правила и требования которых предусмотрены процессуальным законодательством Российской Федерации. Таким образом, универсальность правовой идеи права на защиту проявляется в его дуальном подходе в теории государства и права, поскольку право на защиту, являясь общеправовым принципом защиты прав и свобод личности, предполагает построение всей системы законодательства с учетом основных правовых идей и принципов, которые позволяют обеспечить признание и соблюдение прав и свобод, и дополняя общеправовую сущность, межотраслевым аспектом, который направлен на защиту и восстановление нарушенных прав и законных интересов личности.

Вместе с этим, общеизвестно, что основными признаками правового государства являются принципы верховенства права, разделения властей, признание и обеспечение прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, признание и обеспечение прав и свобод человека и гражданина предполагает их правовое закрепление в основном законе государства, с последующим урегулированием в соответствующих нормативных правовых актах. Важнейшей составляющей правового государства является защита нарушенных прав и свобод субъектов права. Следовательно, являясь

[489] Ярков В.В. Принципы административного судопроизводства: общее и особенное / В.В. Ярков // Закон. 2016. № 7. С. 52 - 60.

гарантией, которую предоставляет государство, право на защиту соотносится с другими правовыми принципами, определенными в теории права. Связь права на защиту как принципа права с другими принципами, существующими в системе российского права и законодательства, позволяет определять его как универсальную общеправовую идею. Анализ содержания общеправовых принципов позволяет говорить о таких видах, выделяемые большинством авторов в учебной литературе по теории государства и права, как: принцип гуманизма, принцип верховенства права, принцип справедливости, принцип равноправия, принцип законности[490].

Среди перечисленных принципов основополагающим признается принцип гуманизма, суть которого заключается в том, что отношения между людьми закреплены на основе человеколюбия, уважения достоинства личности, создания всех условий, необходимых для нормального существования и развития личности[491]. Кроме этого, реализация принципа гуманизма предполагает уважение человеческого достоинства в любых проявлениях правового регулирования, включая установление обязанностей, правовой ответственности и наказания за правонарушения[492].

Взаимосвязь права на защиту с принципом гуманизма выражается в непосредственном их сближении друг с другом как единое целое. Принцип гуманизма - это признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина со стороны государства. В свою очередь, право на защиту выступает одним из условий, необходимых для развития личности. Оно способствует охране и защите в случае нарушения реализации принципа гуманизма, а также установлению правовой ответственности и наказания за

---

[490] См. подробнее: Бошно С.В. Теория государства и права. С. 113-115; Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 177-179; Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. С. 45; Теория государства и права: учебник / Под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. С. 130-133; Теория государства и права. Учебник / Под ред. В.Г. Стрекозова. С. 216-218; Теория государства и права / Отв. ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. С. 238; Кузнецов Э.В., Сальников В.П. Наука о праве и государстве. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Издательский Торговый Дом «Герда», 1999. С. 82; Общая теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. С. 24-25.

[491] Бошно С.В. Теория государства и права. С. 113.

[492] Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 178.

правонарушения в соответствии с нормами действующего российского законодательства. Таким образом, если принцип гуманизма предполагает уважение человеческого достоинства, то принцип права на защиту осуществляет защиту и охрану человеческого достоинства любыми легитимными способами, уполномоченными на то государственными органами.

К общеправовым принципам в теории права относится принцип верховенства права. Появившись в XII - XIII вв., принцип верховенства права долгое время развивался в пределах национальных юрисдикций. Истоки концепции верховенства права связаны с идеями светского и управляемого законом (правового) государства. Соответственно, принцип верховенства права в современных государственно-правовых реалиях является одним из признаков правового государства, и выражается в наличии системы законов, формировании судебной системы на основе специальных принципов[493]. В западной научной литературе верховенство права трактуется как всеобъемлющий принцип, определяемый следующими признаками: наличие независимой исполнительной власти - правительства, но находящейся под контролем законодательной (представительной) власти; система сдержек и противовесов, основанной на разделении властей; представительная демократия; федерализм; независимая система судебных органов[494]. Так, принцип верховенства права выражает идею правового государства, в соответствие с которой все государственные органы действуют на основе права, понимаемого как система государственных установлений, обеспечивающих приоритет прав и свобод человека. При этом, все нормативные правовые акты, включая законы, исходят из первичности идеи

[493] См. подробнее: Марочкин С.Ю. Взаимодействие правовых систем как общий вектор развития (отношение международного сообщества к принципу верховенства права: намерения и реальность) / С.Ю. Марочкин // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 15-25.

[494] См. подробнее: Мур Дж. Н. Верховенство права: обзор / Дж. Н. Мур // Верховенство права: Сб. / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992. С. 13-28. Впрочем, при совпадающем понимании концепции перечень признаков у разных авторов различается. См., например: Fallon R.N. «The Rule of Law» as a Concept in Constitutional Discourse // Columbia Law Review. 1997. Vol. 97. № 2. P. 7-8; Nollkaemper A. National Courts and the International Rule of Law. Oxford, 2011. P. 3-5.

права – справедливого и гуманного отношения к человеческому достоинству[495].

Таким образом, можно утверждать, что право на защиту тесно взаимодействует с принципом верховенства права, поскольку историческая судьба принципа верховенства права предполагала развитие всей правовой системы, в том числе разделение властей и создание судебных органов. В свою очередь, право на защиту -- это гарантия, предоставляемая государством как основное, неотчуждаемое и фундаментальное право человека, позволяющее осуществить восстановление и защиту своих нарушенных прав и свобод с помощью судебной власти, которая в своей деятельности руководствуется только нормативными правовыми актами. Общеизвестно, что все нормативные правовые акты основаны на общеправовых и межотраслевых принципах права. Следовательно, нарушение принципа права на защиту влечет отмену судебного акта, принятого по какому-либо делу, поскольку в России все государственные органы должны действовать на основе права, т.е. соблюдать принцип верховенства права.

Тесная взаимосвязь проявляется также между принципом права на защиту и принципом справедливости. Принцип справедливости указывает на необходимость в правовом регулировании, включая правоприменение, поиска юридической соразмерности в оценке человеческих поступков на основе добра и нравственности[496]. Кроме этого, справедливость в значительной мере выступает явлением морали, социальным и этическим критерием права. Идеи справедливости, воплотившись в правосознании законодателя, правоприменителя, граждан, затем находят свое выражение в действующем законодательстве и практике его применения, а также реализуются в правомерном поведении субъектов права.[497]

---

[495] Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 177.
[496] Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 178.
[497] Теория государства и права: учебник / Под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. С. 130.

Так, например, принцип справедливости, по мнению О.Е. Руевой, часто нарушается не только из-за неправильного применения судом уголовного закона, но и в силу несовершенства самого уголовного законодательства, когда у суда не остается выбора и он вынужден, действуя в рамках закона, назначить несправедливое наказание[498]. Принцип справедливости обеспечивает соответствие между практической ролью индивидов в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами человека и их общественным признанием. Посредством права достигается наиболее оптимальная соразмерность между возможным и должным поведением и оценкой его результатов.[499]

Действующее законодательство Российской Федерации базируется также на принципе права на защиту, поскольку нормы как материального, так и процессуального права предусматривают требования или условия для его реализации, но вместе с тем, оно основывается и на принципе справедливости. Таким образом, право на защиту и справедливость существуют совместно в нормативных правовых актах. Более того, нарушая принцип права на защиту, предполагается, что действия субъектов права незаконны и несправедливы. В свою очередь, как верно указывает В. А. Лаптев, в правоприменительной практике важно определить критерии справедливого и законного судебного акта. Содержание присяги судьи говорит о том, что при вынесении решения (постановления, определения) судья должен быть справедливым и подчиняться только закону. Судебная практика свидетельствует о тонкой грани и нередкой эквилибристике при применении правовых категорий «закон» и «справедливость». В действительности получается, что любой справедливый судебный акт можно отменить вышестоящей инстанцией, если он незаконный. Наоборот, законный судебный акт отменяется, если он не

[498] Руева Е.О. Нарушение принципа справедливости в результате несовершенства юридической техники уголовного закона. / Е.О. Руева // Российский следователь. 2016. № 4. С. 42-46.

[499] Теория государства и права. Учебник / Под ред. В.Г. Стрекозова. С. 216.

справедливый[500]. Разумеется, это не касается одновременно справедливых и законных судебных актов, какими они должны быть в идеале[501].

Например, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. 27.12.2018)[502] закрепляет, что законность и справедливость при рассмотрении и разрешении судами административных дел обеспечиваются соблюдением положений, предусмотренных законодательством об административном судопроизводстве, точным и соответствующим обстоятельствам административного дела правильным толкованием и применением законов и иных нормативных правовых актов, в том числе регулирующих отношения, связанные с осуществлением государственных и иных публичных полномочий, а также получением гражданами и организациями судебной защиты путем восстановления их нарушенных прав и свобод. Как отмечает В. А. Майборода, в диспозиции одной нормы совмещены два принципа - законности и справедливости[503].

Таким образом, действия всех участников гражданского общества должны сводиться к принципу справедливости, но особое внимание уделяется отдельным государственным органам. Так, судебные органы, осуществляющие непосредственно принцип права на защиту, обязаны выносить свои судебные акты не только на основе закона, но и справедливо осуществлять рассмотрение и разрешение любого дела, чтобы результат их деятельности в полном объеме соответствовал принципам справедливости и права на защиту. Тем самым государство, в лице различных органов, взяв на себя обязанность по охране прав и свобод человека и гражданина,

---

[500] См. подробнее: Постановления Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 г. № 99 «О процессуальных сроках» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3; Постановление Президиума ВАС РФ от 11 декабря 2012 г. № 10237/04 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 3; Постановление Президиума ВАС РФ от 8 октября 2013 г. № 6004/13 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2.

[501] См. подробнее: Лаптев В.А. Решения судов в составе судебной практики: применение закона и принципа справедливости. / В.А. Лаптев // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 10. С. 28-33.

[502] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. № 49. 11.03.2015.

[503] Майборода В.А. Принцип справедливости в административном судопроизводстве. / В.А. Майборода // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 11-15.

гарантировав им право на защиту, будет поступать справедливо, поскольку обеспечивает права и свободы для всех, независимо от расы, этнической принадлежности, языка, религии и т.д.

Принцип законности и право на защиту имеют тесную взаимосвязь, и это находит свое выражение в том, что если принцип законности рассматривается как четкое и верное соблюдение требований всех правовых норм, то и право на защиту, как производное от принципа законности, может также быть рассмотрено в данном аспекте. Так, принцип законности выражается в требовании строгого и полного осуществления предписаний правовых норм всеми субъектами права[504]. Поэтому верно утверждение, что основа общеправового принципа законности заключается в точном и неукоснительном соблюдении требований правовых норм[505].

Особое значение имеет правоприменительная практика при осуществлении права на защиту. Поскольку нарушение строго определенных и закрепленных требований в соответствующих нормативных правовых актах, раскрывающих содержание принципа права на защиту, дает возможность, как суду, так и заинтересованному лицу, отменить принятый судебный акт, нарушающий нормы процессуального и материального права. Следовательно, такой акт будет признан незаконным, т.е. нарушающим общеправовой принцип законности и несоблюдающим гарантии, содержащиеся в праве на защиту. Таким образом, обеспечивая реализацию норм права, принцип законности одновременно содействует воплощению в правоприменении права на защиту.

Взаимосвязь принципа равенства и права на защиту проявляется в следующем. Принцип равенства выражается в том, что все граждане независимо от национальной, религиозной и иной принадлежности, должного и иного положения имеют равные права и обязанности, в одинаковой степени

---

[504] Теория государства и права. Учебник / Под ред. В.Г. Стрекозова. С. 218.
[505] Теория государства и права: учебник / Под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. С. 132.

отвечают перед законом[506]. В. С. Нерсесянц определяет правовое равенство как равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой мере, равной мере[507].

С точки зрения А. Ф. Ефремова, правовое равенство должно касаться не только граждан, но и всех других субъектов права (коллективных образований, государственных органов); во-вторых, правовой защите должны подлежать не только конституционные права и свободы, но и субъективные права и законные интересы; в-третьих, правовое равенство предполагает равный правовой статус однотипных субъектов права; в-четвертых, оно предполагает равную юридическую ответственность за одинаковые правонарушения; в-пятых, ограничения прав и свобод, субъективных прав и законных интересов, установленные законом, не должны ставить одних субъектов в преимущественное, более выгодное по сравнению с другими субъектами права положение, более выгодное по сравнению с другими субъектами права положение, должны быть разумными и справедливыми; в-шестых, субъекты права, обладающие равными правами, должны обладать и равными обязанностями[508].

Как верно указывает К. А. Чернов, признание реализации равноправия участников общественных отношений зачастую невозможно без создания действительно равных возможностей для реализации прав и обязанностей[509]. Так, право на защиту, взаимодействуя с принципом равенства, предполагает доступные и легитимные способы реализации защиты прав и свобод различными субъектами права. Например, действующее законодательство предусматривает защиту и охрану прав и свобод юридических лиц, рассмотрение дел по корпоративным спорам, с участием иностранных лиц, об оспаривании нормативных правовых актов, действий или бездействий

---

[506] Бошно С.В. Теория государства и права. С. 114.

[507] Нерсесянц В.С. Философия права. / В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 2001. С. 17.

[508] Ефремов А.Ф. Принципы законности и проблемы их реализации. С. 64; Чернов К.А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права: дис. канд. юрид. наук: 12.00.01. / Чернов Константин Алексеевич. Самара, 2003. 230 с.

[509] Чернов К.А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права. С. 94.

государственных органов и иное. Таким образом, принцип права на защиту в равной степени предоставляет защиту всех прав и свобод индивида или коллектива, которые закреплены в различных нормативных правовых актах.

Следовательно, общеправовые принципы, выделяемые в теории права тесно взаимосвязаны с отраслевыми принципами правом на защиту прав и свобод человека и гражданина. Обусловлено это тем, что каждый принцип содержит в себе обеспечение, осуществление, закрепление или признание основных прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, право на защиту предполагает защиту и восстановление нарушенных прав и свобод любого субъекта права. Тем самым, действия, содержащиеся в принципе права на защиту, также должны быть справедливыми, законными и равными.

Таким образом, несмотря на многообразие правоотношений, основывающихся на нормах различных нормативных правовых актах, а также анализ и исследование процессуальных, материальных, публичных и частных отраслей права, право на защиту предусматривается во всех перечисленных правовых знаниях юриспруденции. Являясь абстрактным и объективным правом, право на защиту проявляется в каждом нормативном правовом акте, поскольку закрепляет начало идеи и фундамент защиты тех или иных прав и свобод. В данном случае подтверждается качественная особенность права на защиту – его универсальность. Это обусловлено тем, что правовое государство обеспечивает защиту и охрану гарантированных им прав и свобод каждому человеку и гражданину независимо от области юридических знаний. Поэтому право на защиту выступает как общеправовой и межотраслевой принцип, являющийся пределом обобщения как права в целом, так и конкретной отрасли права.

Следовательно, рассматривая право на защиту как правовой принцип права необходимо учитывать, что право на защиту не может быть ограничено в силу того, что оно гарантирует защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов различными способами. В случае, если исчерпаны все имеющиеся

средства защиты в конкретном государстве, оно предполагает осуществление защиты своих прав и свобод в соответствующих международных органах. Важнейшей составляющей права на защиту является то, что оно предоставляется не только гражданам Российской Федерации, а абсолютно любому субъекту права. В силу этого, являясь принципом права, одновременно идеей и началом права, общеправовая категория «право на защиту» получает законодательное закрепление не только в системе законодательства, но и в национальной системе права.

§ 3. Осуществление права на защиту через право индивида на суд как единичное начало

Единичность или индивидуальность права на защиту как правовой идеи, выражена в неотчуждаемом и неотъемлемом праве субъектов права на защиту прав и свобод, определении системы прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, признание и соблюдение которых гарантируется государством. Правовая идея защиты прав и свобод личности, рассматриваемая в таком понимании, находит свое выражение в содержательном значении. Данное утверждение означает, что право на защиту, основным содержанием которого являются конкретные права и свободы личности, подлежащие защиты как со стороны самого индивида, так и общества и государства, воплощает содержательно правую идею о необходимости восстановления в нарушенных правах и законных интересах всех субъектов права, представляя собой эффективное единичное начало защиты прав и свобод личности в государственно-правовой действительности в системе взаимоотношений государства, общества и личности.

М. И. Абдулаев отмечает, что права и свободы человека являются фундаментальными общечеловеческими ценностями и носят универсальный

характер[510]. В Британской энциклопедии права человека определены как «права, принадлежащие индивиду вследствие того, что он является человеком. Они соотносятся с широким континуумом ценностей, которые универсальны по своему характеру и в некоторых смыслах равно присущи всем человеческим существам»[511]. Разумеется, вся система прав и свобод человека и гражданина является значимой в Российской Федерации, потому что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В свою очередь, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Более того, нельзя забывать, что основным государственным органом, осуществляющим защиту прав и свобод человека и гражданина посредствам различных видов судопроизводств, выступает судебная власть.

Мы разделяем точку зрения В. Д. Зорькина о том, что поскольку *право* в своей основе представляет *собой систему прав человека* (выделено нами – М.Г.), то *принцип верховенства права* - это принцип *приоритета прав человека*, которым *должно руководствоваться современное демократическое государство* (выделено нами – М.Г.) в своей правотворческой и правоприменительной деятельности. Применительно к внутригосударственному праву верховенство права предстает как верховенство правового закона (т.е. закона, гарантирующего права человека), если слово «закон» употреблять в широком смысле, имея в виду и нормативный акт, и судебный прецедент[512].

Следует отметить, что взаимосвязь права на защиту и верховенства права, как основополагающего признака правового государства, проявляется в том, что последнее выступает основой для деятельности государства в различных сферах общественной жизни. В свою очередь, право на защиту

---

[510] Абдулаев М.И. Права человека и закон (историко-теоретический анализ): дис. … доктора юрид. наук: 12.00.01. / Абдуллаев Магомет Имранович. СПб., 1998. С. 3.

[511] The New Encyclopedia: Micropaedia. Vol. 6. London, 1988. P. 986.

[512] Зорькин В.Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. № 5782. 16.05.2012.

представляет собой основу для закрепления в материальном праве – возможность восстановления нарушенных прав, в процессуальном праве – все нормы соответствуют реализации принципа защиты прав и свобод человека и гражданина. Поэтому право на защиту представляет собой гарантию, обеспечивающую все другие права и свободы. Положения, регламентирующие данную единичную правовую идею, находятся в неразрывной целостности с обязанностью государства охранять достоинство личности во всех сферах. Таким образом, возможность заинтересованного лица обжаловать принятые органами государственной власти, органами местного самоуправления и их должностными лицами решения, включая нормативные правовые акты, воплощающая как индивидуальный (частный) интерес, связанный с восстановлением нарушенных прав, так и публичный интерес, направленный на поддержание законности и конституционного порядка, является неотъемлемой характеристикой нормативного содержания права каждого на судебную защиту, одной из необходимых и важнейших его составляющих[513]. В свою очередь, данный вывод позволяет говорить не только о характеристике права на защиту с позиции всеобщности права, но и о его универсальности и единичности как правовой идеи, выраженной в правовой гарантии обеспечения защиты и охраны нарушенных прав и свобод, как основы всего законодательства Российской Федерации.

Опираясь на статистические данные согласно которым в 2020 году в арбитражные суды субъектов Российской Федерации поступило 1 млн 765 тыс. заявлений. Это на 16,9 % меньше показателя 2019 года – 2 млн 124 тыс.[514] Кроме этого, всего рассмотрено судами общей юрисдикции всех уровней гражданских и административных дел по первой инстанции 28,4 млн. (в 2019 году – 24,8 млн., в 2018 году – 21,7 млн., в 2017 году – 18,8 млн.), из них в порядке гражданского судопроизводства, предусмотренного Гражданским

[513] См. подробнее: Проблемы развития процессуального права России: монография / А.В. Белякова, Л.А. Воскобитова, А.В. Габов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. М.: Норма, Инфра-М, 2016. 224 с.

[514] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2020 году // http://www.cdep.ru/index.php?id=80 (дата обращения 24.11.2021 г.)

процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ) – 21,4 млн., в порядке административного судопроизводства, предусмотренного Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) – 7,0 млн.[515]. Можно предположить, что реализация права на защиту как правовой категории преобладает в сознании у личности, когда каждый индивид убежден в своей защищенности исключительно юрисдикционными органами, поскольку судебная защита является потенциально важнейшим и востребованным инструментом обеспечения прав и свобод человека. Следовательно, считаем значимым и обоснованным рассмотреть вопрос об осуществлении права на защиту через право индивида на суд как единичное начало.

В. Д. Зорькин справедливо утверждает, что «право человека – это высшая ценность не для общества и тем более не для отдельного человека, а только для государства, *главное содержание деятельности которого (законодательной, исполнительной и судебной) состоит в обеспечении и охране прав человека»*[516] (выделено нами – М.Г.). Поэтому, основным и неотчуждаемым правом по обеспечению, охране и защите прав и свобод человека и гражданина является гарантированное Конституцией РФ – право на защиту, а также немало значительное право позволяющие реализовать первое – право на законный суд. Поэтому в ст. 46 Конституции РФ каждому индивиду гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц также могут быть обжалованы в суде.

Судебная защита прав и свобод человека и гражданина, по образному выражению Т. В. Сахновой, одно из великих достижений цивилизации[517].

---

[515] Обзор о деятельности судов о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году // http://cdep.ru/index.php?id=80 (дата обращения 24.11.2021 г.)

[516] Зорькин В.Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. № 5782. 16.05.2012.

[517] Сахнова Т.В. О сущности судебной защиты в гражданском процессе. / Т.В. Сахнова // Российское правосудие. 2006. № 7. С. 22.

Е. А. Борисова указывает, что гарантирование государством право *судебной защиты* означает его обязанность обеспечить осуществление права на судебную защиту, которая должна быть *справедливой, компетентной, полной и эффективной* (выделено нами -- М.Г.)[518]. Таким образом, обязанность государства заключается в обеспечении и охране прав человека и проявляется в установлении универсального и фундаментального права на защиту, законодательно закрепленного в статьях Конституции РФ, а также построении всех отраслей законодательства на основе принципа защиты и охраны прав и свобод индивида.

Правосудие является наиболее эффективным и надежным способом разрешения споров, защиты прав и свобод граждан, законных интересов юридических лиц, гражданского общества и государства. Как отмечается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 г. № 4-п «По делу о проверке конституционности п. 10 ст. 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и ч. 1 ст. 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации», в Российской Федерации права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием, которое осуществляется *только судом как носителем судебной власти* (выделено нами – М.Г.); *при осуществлении правосудия посредством соответствующего вида судопроизводства* (выделено нами – М.Г.) суд действует самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции РФ и федеральному закону[519].

---

[518] Борисова Е.А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в российском гражданском, арбитражном процессах: дис. … доктора юрид. наук: 12.00.15. / Борисова Елена Александровна. М., 2005. С. 20.

[519] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 г. № 4-п «По делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 9. Ст. 831.

Основой для материального права является осуществление общеправового принципа защиты прав и свобод человека и гражданина, поэтому с нарушением материального субъективного права у заинтересованного лица возникает право на защиту, как реализация одного из правомочий самого субъективного материального права. Способом реализации этого права является обращение заинтересованного лица в суд, который в определенном законом порядке рассматривает требования заинтересованного лица и дает ответ в виде судебного решения[520]. Процессуальное право, наоборот, строится на межотраслевом принципе защиты прав и свобод, и позволяет заинтересованному лицу осуществить доступность лица к правосудию, в случае необходимости также восстановить процессуальные права и законные интересы.

Конституционный Суд РФ[521] в своих постановлениях, касающихся права на судебную защиту, отмечает следующее: право каждого на судебную

---

[520] Пушкар Е.Г. Право на обращение в суд за судебной защитой: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03. / Пушкар Евгений Георгиевич. Львов, 1983. С. 20.

[521] См. например: Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 5-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 215 и абзаца второго статьи 217 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.В. Барабаша и А.В. Исхакова» // Собрание законодательства РФ. 2012, № 11. Ст. 1366; Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 19. Ст. 2357; Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6. Ст. 699; Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2006 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 16. Ст. 1775; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.2006 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 10. Ст. 1145; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центронефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 48. Ст. 5123; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 № 4-П «По делу о проверке конституционности

защиту, *обеспечиваемое путем рассмотрения его дела законным*, независимым и беспристрастным судом, *означает*, в частности, что рассмотрение дел должно осуществляться *законно установленным, а не произвольно выбранным судом*; признание же суда законно установленным требует, *чтобы его компетенция* по рассмотрению данного *дела определялась законом* (выделено нами – М.Г.). Вместе с тем рассмотрение дела *вопреки правилам о подсудности не отвечает требованию справедливого правосудия*, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение данного конкретного дела, *не является законным судом*, принятые же в результате такого *рассмотрения судебные акты не могут признаваться реально обеспечивающими права и свободы* (выделено нами – М.Г.).

Отметим, что в силу ст. 46 Конституции РФ во взаимосвязи с ее ст. 17, 19 право на судебную защиту, *будучи основным и неотчуждаемым правом человека* (выделено нами – М.Г.), признается и гарантируется в РФ согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ и реализуется на основе принципа равенства всех перед законом и судом.[522]

Признание за Конституцией РФ высшей юридической силы и прямого действия ее статей на всей территории Российской Федерации позволяет говорить о современном понимании права на судебную защиту как единичной правовой идеи каждого заинтересованного лица на осуществление защиты своих нарушенных или оспоренных прав, свобод и охраняемых законом

пункта 10 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 9. Ст. 831; Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.1998 № 5-П «По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 6. Ст. 784.

[522] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К»" и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.

интересов в органах судебной власти[523]. Право на судебную защиту принято считать одним из важнейших прав российских граждан, так как это предопределено исходной концепцией Конституции РФ, ориентирующей весь политический механизм на охрану и защиту интересов личности[524]. При этом данное право не подлежит ограничению даже в условиях чрезвычайного положения.

Таким образом, правовое закрепление права на защиту позволяет говорить о его универсальности, как в материальном, так и в процессуальном отраслях права, позволяющей осуществить защиту прав и законных интересов, свобод с помощью средств и условий, гарантированных государством, как стороной, взявшей на себя обязанность по его реализации. Е. А. Борисова справедливо указывает, что международные акты прямо не закрепляют права на судебную защиту, но предусматривают право на справедливое судебное разбирательство и устанавливают обязанность государства обеспечить эффективное средство правовой защиты[525].

Л. А. Терехова[526] отмечает, что Конституция РФ исключает какие-либо ограничения в праве на судебную защиту. ГПК РФ в ст. 3 воспроизводит положение Конституции РФ, и устанавливает недействительность отказа от права на обращение в суд. Аналогичные положения содержатся и в ст. 4 АПК РФ. И хотя, продолжает Терехова Л.А., в последние годы проблема перегрузки судов заставляет учёных и практиков искать пути рационализации судебных процедур, использования потенциала нотариата, досудебных процедур, развития административной юстиции, *бесспорность значения конституционного права на судебную защиту является практически*

---

[523] Абознова О.В. Суд в механизме реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. / Абознова Оксана Владимировна Екатеринбург, 2006. С. 14.

[524] См. подробнее, Соловьева Т.В. Возвращение искового заявления в гражданском судопроизводстве. / Т.В. Соловьева / Под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. 156 с.

[525] Борисова Е.А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в российском гражданском, арбитражном процессах. С. 22.

[526] Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15. / Терехова Лидия Александровна. Екатеринбург: РГБ, 2008. С. 20.

общепризнанной[527] (выделено нами – М.Г.), а судебная форма защиты субъективных прав, свобод и охраняемых законом интересов рассматривается как основная[528].

Несмотря на универсальность права на защиту, его правоприменительная значимость, безусловно, является весомой, поскольку его реализация зависит от соблюдений гарантий, реализующих право на защиту. Следовательно, право на защиту предполагает наличие конкретных гарантий, которые позволяли бы обеспечить эффективное восстановление в правах посредством осуществления правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Одной из таких гарантий является законный суд, право на которую закреплено в ст. 47 Конституции РФ. В свою очередь, содержание ч. 1 ст. 46 Конституции РФ можно свести к тому, что защита осуществляется только органами судебной власти, которые вправе осуществлять правосудие; гарантируется каждому; направлена на защиту прав, свобод и охраняемых интересов человека и гражданина.

Как отмечает О. А. Абозонова, право на защиту, как конституционное право, существует в рамках общих правоотношений охранительного типа[529]. В юридической научной литературе существует позиция, что конституционные правоотношения имеют возможность преобразовываться в иные правоотношения[530]. Следовательно, право на защиту, представляя собой

---

[527] См., например: Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. / И.В, Решетников, В.В. Ярков. М.: Норма. 1999, С. 22; Яковлев В.Ф. Публичное и частное право: процессуальные формы их взаимодействия. / В.Ф. Яковлев // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (17-18 апреля 2003 г.). Екатеринбург: УрГЮА, 2004. С. 9-10 и др.

[528] Шакарян М.С. Приоритет судебной защиты субъективных прав человека и гражданина. / М.С. Шакарян. // Общая теория прав человека. / Карташкин И.А., Колесова Н.С., Ларин А.М., Ледях И.А., и др.; Отв. ред.: Лукашева Е.А. М.: Норма, 1996. С. 226.

[529] Абознова О.В. Суд в механизме реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе. С. 19.

[530] Тархов В.А. Конституционные отношения. / В.А. Тархов. // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции 1977 года. Вопросы теории государства и права, государственного и административного права / Редкол.: Байтин М.И. (Отв. ред.), Манохин В.М., Матузов Н.И., Новоселов В.И., Фарбер И.Е. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. С. 190; Гукасян Р.Е. Реализация конституционного права на судебную защиту. / Р.Е. Гукасян. // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную зашиту. Межвузовский тематический сборник. Калинин: Изд-во Калин. ун-та, 1982. С. 3; Крашенинников Е.А. Структура

общеправовой и межотраслевой принцип, обеспечивает защиту и охрану нарушенных индивидуальных прав, законных интересов и свобод человека и гражданина, возникающих при любых правоотношениях. В свою очередь, при его реализации заинтересованным лицом, право на защиту модифицируется в процессуальные права, которые установлены и регламентированы российским процессуальным законодательством.

В свое время Е. Г. Пушкар отмечал, что право на судебную защиту возведено в ранг конституционных прав советских граждан, чем подчеркнуто ценностное значение этого права, отношение нашего государства к реализации прав и обязанностей граждан, усиление гарантий защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов[531]. Это утверждение дано им еще в 1983 г., но остается актуальным и применимым для правоотношений, возникающих и в настоящее время и регламентированных действующим законодательством Российской Федерации.

Г. А. Жилин пишет о том, что право на судебную защиту является *прежде всего процессуальным* (выделено нами – М.Г.), поскольку без обращения заинтересованного лица в суд, разрешения спора судом в установленной законом процедуре, проверки в необходимых случаях правильности судебного решения вышестоящим судом и его исполнения невозможна защита неправомерно нарушенного или оспоренного права. При этом право на судебную защиту, по его мнению, имеет и материально-правовой аспект. Защите подлежит лишь нарушенное или неправомерно оспариваемое право, и для вынесения законного и обоснованного решения необходимо правильно установить характер спорных правоотношений,

---

субъективного права и право на защиту. / Е.А. Крашенниников. // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Межвузовский тематический сборник. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1979. С. 81; Крашенинников Е.А. Конституционное право граждан на судебную защиту. / Е.А. Крашенниников. // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Межвузовский тематический сборник. / Ред. кол.: П.Ф. Елисейкин и др. [Выпуск 4]. Ярославль: Ярославский гос. ун-т,1979. С. 34; Филиппов П.М. Проблемы теории судебной защиты: автореферат дис. … докт. юрид. наук: 12.00.03 / Филиппов Петр Мартынович. Ленинград, 1988. С. 16.

[531] Пушкар Е.Г. Право на обращение в суд за судебной защитой. С. 17.

содержание субъективных материальных прав и обязанностей сторон[532]. Е. А. Адзинова указывает, что конституционное право на судебную защиту – это гарантированная Конституцией РФ и обеспеченная государством возможность каждого восстановить свои нарушенные или оспариваемые права и законные интересы в законодательно закрепленной процедуре судебного разбирательства.[533]

По вопросу о соотношении процессуальной и материальной стороны права на судебную защиту в юридической литературе существуют разные точки зрения, но большинство авторов[534] и проведенное исследование по данному вопросу исходят из того, что процессуальное и материальное существует в нем вместе, как две равных составляющих права на судебную защиту. При этом распространенным является мнение, что процессуальный аспект имеет значение лишь для отражения средств достижения конечной цели процесса, а материально-правовой аспект -- самой этой цели[535]. Однако следует согласиться с мнением А. Г. Жилина о том, что вряд ли с таким подходом можно безоговорочно согласиться, даже если не брать во внимание, что цели судопроизводства являются в большей степени проблемой процессуального права[536].

Разумеется, право на защиту не существует ради процесса защиты как такового, а предполагает защиту субъективного материального права. Однако защита нарушенного или неправомерно оспариваемого права в данном случае осуществляется посредством правосудия, т.е. особой процессуальной формы, которая имеет и самостоятельное значение[537]. По справедливому замечанию

---

[532] Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2010. С. 133.

[533] Адзинова Е.А. Конституционное право на судебную защиту // Российское правосудие. 2008. № 4 (24). С. 40.

[534] Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. С. 134.

[535] Розова М.Ю. Обращение за судебной защитой по советскому гражданскому процессуальному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Розова Марина Юрьевна. Свердловск, 1983. С. 5. Обзор различных точек зрения на содержание права на судебную защиту см. также: Адзинова Е.А. Некоторые проблемы понимания конституционного права на судебную защиту. / Е.А. Адзинова // Право и политика. 2004. № 7. С. 29-30.

[536] Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. С. 134.

[537] Там же.

Т. В. Сахновой, понимание права на судебную защиту только как итога процесса подрывает сущность правосудия, искажает социальное назначение судебного процесса как гарантии надлежащей реализации субъективных прав, подлежащих защите[538]. Действующее законодательство предусматривает судебную защиту личных прав граждан.

Таким образом, право на защиту, имея материально-правовой характер, закрепляет общеправовую и фундаментальную основу для человека, гражданина, коллектива, юридического лица защиты и охраны их материальных прав и свобод. Процессуально-правовой характер права на защиту выражается в более четкой регламентации и сопровождении данной правовой идеи, раскрывая его содержание в процессе, давая полный объем ее реализации.

О. В. Абознова утверждает, что право на судебную защиту является универсальной правовой категорией, которая применяется ко всем субъектам и всем правоотношениям по следующей схеме. При нарушении (действительном или предполагаемом) принадлежащего лицу субъективного частного права, *он может выбрать судебный способ защиты этого права*, т.е. использование принадлежащего ему субъективного публичного права на судебную защиту. *Применение права на судебную защиту* для защиты конкретного нарушенного или оспоренного права (или предполагаемого таковым) *производится с помощью обращения в соответствующий суд с исковым заявлением* (выделено нами – М.С.) и дальнейшего использования механизма судебной защиты в рамках установленного законом процессуального порядка[539].

В итоге, как указывает О.В. Абознова, реализуя право на судебную защиту, субъект получает судебную защиту своего частного права в виде

---

[538] Сахнова Т.В. Процессуальное право России: реальные идеалы / Т.В. Сахнова // Проблемы защиты прав и законных интересов граждан и организаций: материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар - Сочи, 23-26 мая 2002 г. Краснодар, 2002. С. 369.

[539] Абознова О.В. Суд в механизме реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе. С. 25.

вынесенного по делу законного и обоснованного судебного акта, в котором отражается реальность состоявшейся в отношении данного права судебной защиты. «При этом актом судебной защиты является не только решение суда об удовлетворении иска (полном или частичном), но и решение суда об отказе в иске, а также определение суда о прекращении производства по делу в связи с отказом от иска и утверждением мирового соглашения, т.е. те судебные акты, после вынесения которых субъект уже не может вновь использовать процессуальный механизм судебной защиты в отношении этого же права с участием тех же лиц»[540].

Для того, чтобы гарантированное Конституцией РФ право на защиту не было декларативным, судопроизводство должно быть доступным для заинтересованных лиц. В противном случае не может быть и речи об эффективной защите прав посредством правосудия, соответственно недоступность средств судебной защиты несовместима с социальным предназначением суда как органа государственной (судебной) власти, призванного согласно Основному закону страны обеспечивать действенную защиту прав и свобод человека и гражданина[541].

Считаем существенным, что для реализации права на защиту, как единичной правовой идеи, заинтересованному лицу, прежде всего, необходимо определить законный суд, т.е. непосредственно орган государства, который будет реализовывать право на защиту и соблюдать принцип защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина. Реализация судом данной правовой идеи будет осуществляться путем восстановления нарушенного права и охраняемого интереса лица по средствам осуществления правосудия, где указанное лицо и будет наделено комплексом процессуальных прав и обязанностей, и возможностью доказать свое нарушенное право или оспариваемый интерес для их защиты.

---

[540] Абознова О.В. Суд в механизме реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе. С. 25.

[541] Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. С. 136.

Следует заметить, что ч. 1 ст. 47 Конституции РФ гарантирует, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. При этом несоблюдение установленных законодательством правил подсудности нарушает конституционные нормы, а также нормы международных договоров о законном суде, и, как следствие, само право на защиту, что подтверждается судебными актами Конституционного Суда РФ[542]. Таким образом, право на защиту как единичная и абстрактная правовая идея, выражающая государственно-правовую действительность по защите и охране прав и свобод человека и гражданина, реализуется, прежде всего, с помощью права на осуществление законного правосудия. Право на законный суд содержит в себе правила подсудности, т.е. компетенцию органов, осуществляющих правосудие по рассмотрению и разрешению дел. Иные способы и условия, направленные на реализацию принципа защиты прав и свобод и права на защиту, являются второстепенными ввиду того, что их правовая значимость проявляется в диспозитивности и гарантированности государством в его государственно-правовой действительности, т.е. в системе защиты прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, право на законный суд непосредственно направлено на исполнение, соблюдение, как государством, так и человеком, гражданином, коллективом и юридическим лицом права на защиту, как фундамента построения всего законодательства Российской Федерации.

Поэтому все указанные права, гарантируемые Конституцией РФ, являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются

---

[542] Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Российская газета. № 27. 10.02.2010. (Постановление).

правосудием. Однако обратим внимание, что право на законный суд является наиболее значимым, ввиду необходимости заинтересованным лицом определить надлежащий суд согласно действующего законодательства РФ о судопроизводствах, несмотря и на установленное и гарантированное право на квалифицированную юридическую помощь. Объяснение этому проявляется в том, что как заинтересованному лицу, так и лицу, имеющему специальные познания в области права необходимо прибегать к анализу положений законодательства, чтобы реализовать право на законный суд, которое трансформируется в регламентированные нормы, определяющие правила подсудности. Следовательно, правила подсудности предоставляют прямую и непосредственную реализацию права на защиту через право на законный суд, выступая одним из значимых способов реализации и соблюдения права на защиту.

Т. Н. Нешатаева отмечает, что право на суд является европейским принципом, который «носит объемный и общий характер, имеющий такие элементы, как: а) право быть выслушанным; б) на основе равноправия сторон; в) с юридическим представительством (юридическая профессиональная привилегия); г) *судом, созданным на основе закона* (выделено нами – М.Г.); д) судом, действующим беспристрастно, справедливо, независимо в определенной процедуре»[543].

И. А. Приходько утверждает, что право на судебную защиту включает в себя все аспекты права на суд, в том числе и право доступа к суду. Именно поэтому в соответствие с содержанием ст. 2 ГПК РФ, обеспечение права доступа к суду не выделяется в качестве самостоятельной задачи гражданского судопроизводства. В п. 2 ст. 2 АПК РФ задача обеспечения доступности правосудия хотя и обозначена, но выполняет функцию средства обеспечения цели судопроизводства – предоставления защиты нарушенному праву или охраняемому законом интересу в соответствие с п. 1 ст. 2 АПК РФ.

[543] Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права. / Т.Н. Нешатаева. // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 136.

Поэтому применительно к отечественной правовой системе, право доступа к суду можно определять, как составную часть права на судебную защиту, а именно как процессуальную составляющую этого права, связанную с реализацией права на судебную защиту при обращении в суд и в ходе судебного производства[544]. Следовательно, право на законный суд является составной частью, содержанием и служащим для реализации права на судебную защиту[545].

Согласно Определению Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 145-О-О[546], *право на судебную защиту, равно как и его необходимая составляющая – право на законный суд* (выделено нами – М.Г.), вытекающее из предписаний ст. 46 (ч. 1 и 2) и 47 (ч. 1) Конституции РФ, закреплены также Международным пактом о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 6), в соответствии с которыми каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок *компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона* (выделено нами – М.Г.).

В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации отмечается, что обеспечение права на судебную защиту предполагает следующее: реальный доступ к правосудию; рассмотрение любого дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом; неукоснительное соблюдение процедуры судебного разбирательства, а также процессуальных прав его участников; возможность

---

[544] Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15 / Приходько Игорь Арсениевич. М., 2005. С. 36.

[545] См. подробнее: Комментарий к Конституции Российской Федерации (по состоянию на 15 июля 2014 г.) [Текст] / под ред. проф. С.А. Комарова. СПб.: Издательство Юридического института (Санкт Петербург), 2014. С. 180.

[546] Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 145-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Величковского Леонида Борисовича на нарушение его конституционных прав статьями 28, 29, 32, 33 и 222 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». // Документ не был официально опубликован. Источник Консультант Плюс. [Дата обращения 17 мая 2012 г.]

обжалования судебного решения; эффективный контроль государства за его исполнением[547].

Таким образом, взаимосвязь права на защиту и права на законный суд проявляется в том, что последнее является одним из приоритетных гарантированных и непосредственно действующих прав, которое направленно на реализацию и соблюдение принципа защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина. Поэтому право на защиту проявляется в законном суде, что, в свою очередь, подразумевает не только определение законного суда по первой инстанции, но и в случаях проверки судебных актов.

Е. А. Борисова подчеркивает, что Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что «государство обязано обеспечить осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной»[548], что «правосудие признается таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах»[549].

---

[547] См. подробнее: Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год» // Российская газета. № 81. 17.04.2018; Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год» // http://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/opublikovan_doklad_o_dejatelnosti_upolnomochennogo_po_pravam_cheloveka_v_rossijskoj_federacii_za_2016_god; Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 19.02.2013 «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год» // Российская газета. № 68, 29.03.2013. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 17.02.2009 «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год» // Российская газета. № 68. 17.04.2009; Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год» // Российская газета. № 81. 17.04.2018; Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год» // http://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/opublikovan_doklad_o_dejatelnosti_upolnomochennogo_po_pravam_cheloveka_v_rossijskoj_federacii_za_2016_god; Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 19.02.2013 «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год» // Российская газета. № 68, 29.03.2013.

[548] Определение Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2005 г. № 113-О «По жалобе гражданина Маслова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями 1, 2 и 3 статьи 30.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета от 31.05.2005; Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 1998 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета от 11.02.1998.

[549] Борисова Е.А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в российском гражданском, арбитражном процессах. С. 23. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 3-О «По жалобе ООО «Мемфис Дивижн» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 185 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 10. Ст. 1165.

Раскрывая содержание права на судебную защиту, продолжает Е. А. Борисова, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, *что право на судебную защиту находится в неразрывной связи с правом (возможностью) проверки судебного акта,* (выделено нами – М.Г.) гарантированным государством: право на судебную защиту не может быть полно реализовано, если отсутствует возможность проверки судебного акта[550].

Таким образом, право на защиту как право на законный суд, право на судебную защиту, право на обращение в суд представляет собой фундаментальное и правоприменительное право. Правовое регламентирование права на защиту как уникальной (единичной) идеи выступает основой, гарантирующей и обеспечивающей действие права на защиту как правовой категории в виде общего и межотраслевого принципов в системе российского законодательства, имеющего значение для дальнейшего правотворческого процесса по новым или вновь возникшим общественным отношениям в различных сферах жизни социума. Правовая идея защиты прав и свобод личности при таком единичном подходе выражена в его содержательном значении, которая сводиться к тому, что каждый имеет право на судебную защиту его прав и свобод, определение законного суда, как органа государства, непосредственно реализующего право на защиту и призванного соблюдать не только право на обращение в суд, но и принцип права на защиту, в целом.

§ 4. Проблемы реализации права на защиту как правовой категории уникального характера

Современный подход к пониманию права на защиту как категории в теории права позволяет определить его как общеправовую идею, нашедшей свою реализацию, прежде всего, через правовой принцип защиты прав и

[550] Борисова Е.А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в российском гражданском, арбитражном процессах. С. 23-24.

свобод личности и право личности. Проведенное исследование позволяет говорить о необходимости сохранения идейных начал и аксиологической значимости права на защиту в условиях реформирования системы законодательства Российской Федерации и реализации человеком прав, являющихся основанием возникновения механизма реализации данной правовой категории.

Так, объектом защиты может выступать не только нарушенное субъективное право, но и охраняемый законом интерес. При защите охраняемого законом интереса никакой деформации (нарушения) субъективного права не происходит, в то время как деформация права, по мнению большинства исследователей, является обязательным условием появления права на защиту. Объектом субъективного права на защиту всегда является определенное социальное благо, которому соответствует определенная правовая возможность. Это объективное благо и придает правовой категории «право на защиту» универсальность, так как позволяет обеспечить охрану других прав и свобод человека и гражданина. Вследствие этого право на защиту выступает как основа построения законодательства любой страны. Право на защиту, как универсальная правовая категория, установленное Конституцией РФ, гарантирует каждому восстановление нарушенного права или оспариваемого законом интереса в случае обращения за такой защитой в соответствующий суд. Однако реализация данного права не заканчивается только на конституционных нормах, а имеет свое закрепление в отраслях частного и публичного права, конкретизируется в нормах не только материального, но и процессуального законодательства Российской Федерации.

В вышеуказанных контекстах рассмотрения проблемы реализации права на защиту роль государства как преимущественно обязанного субъекта обеспечения права на защиту заключается в том, чтобы устранять соответствующие дефекты как посредством нормотворческой, так и

посредством правоприменительной деятельности.

Выступая в качестве единичного начала, право на защиту отражает комплекс процессуальных мер (действий), которые может совершать обладатель данного права для защиты от предъявленного обвинения или иска. Вместе с тем реальность данного права (его онтологическое выражение) тесно связано с реальностью субъективных прав (в том числе и права на защиту), присущих другим субъектам. В этом смысле реализация субъективного процессуального права на защиту в ряде случаев опосредует динамику правосубъектности иных лиц. Такая ситуация обусловлена органической взаимосвязью и взаимообусловленностью юридических конструкций процессуального и материального права, в контекстах которой движение процесса как динамического фактического состава опосредовано совокупностью юридических фактов материального права и в то же время – оказывает непосредственное влияние на данную совокупность.

Т. В. Сахнова указывает, что гражданское процессуальное право создает алгоритм судебной защиты по гражданским делам, юридический механизм реализации конституционного права на судебную защиту в гражданском судопроизводстве[551]. Разумеется, реализация конституционного права на судебную защиту происходит и в иных судопроизводствах, указанных в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ.

Особенность конституционных норм состоит в том, что они реализуются обычно в совокупности с другими нормами, в связи, с чем возникает сложное переплетение конституционных и иных правоотношений[552]. Это относится и к нормам, закрепляющим конституционное право на судебную защиту, которое, как субъективное право индивида, входит в состав комплекса сменяющих друг друга

[551] Сахнова Т.В. О сущности судебной защиты в гражданском процессе. / Т.В. Сахнова // Российское правосудие. 2006. № 7. С. 23

[552] Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. / В.О. Лучин М.: Изд-во: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 118.

правоотношений[553]. Применительно к отправлению правосудия по гражданским делам, правоположение о праве на судебную защиту дополнительно регулируются нормами процессуального законодательства.

Как справедливо отмечает Л. А. Грось, право на судебную защиту предполагает, прежде всего, право на обращение в суд с целью получить такую защиту.[554] Связанно это с тем, что право на судебную защиту может быть реализовано только путем обращения заинтересованного лица в суд. Таким образом, право на защиту как общеправовой и межотраслевой принцип, содержащий в себе основу построения и регламентации прав и свобод с учетом возможности их защиты и охраны. Защита и охрана прав и свобод включает в себя право на законный суд, представляющий собой императивное предписание требований по соблюдению определенных норм права, закрепляющих компетенцию органов, осуществляющих правосудие.

Рассматривая право на защиту в уголовном судопроизводстве, следует отметить следующее. Право на защиту наиболее урегулировано применительно к стадиям предварительного расследования и судебного разбирательства. Относительно остальных стадий уголовного судопроизводства можно увидеть лишь фрагментарное регулирование. Наибольшую сложность представляет реализация права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела, а также в стадии исполнения приговора[555]. В силу этого, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»[556] (далее по тексту – Постановление № 29), предусмотрено, что правом на защиту обладают: лицо, в отношении

---

[553] Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2010. С. 130.

[554] Грось Л.А. Подведомственность гражданских дел судам общей юрисдикции и арбитражными судами – проблемы, предложения, перспективы: Лекция. / Л.А. Грось. Хабаровск: ХГАЭП, 1997. С. 12.

[555] См. подробнее: Ларин Е.Г. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о праве на защиту в уголовном судопроизводстве.

[556] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. № 150. 10.07.2015.

которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ; подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче; а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица.

Кроме этого, Постановление № 29 разъясняет положения, которые раскрывают содержание права на защиту, а именно:

– данное право включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, но и право защищаться лично и (или) с помощью законного представителя всеми, не запрещенными законом способами и средствами;

– процессуальные права лица не могут быть ограничены в связи с участием в деле его защитника и (или) законного представителя;

– обязанность разъяснения прав и обязанностей, а также обеспечения возможности реализации этих прав возлагается на лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, и предварительное расследование по делу: на дознавателя, орган дознания, начальника органа или подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, а в ходе судебного производства – на суд;

– предусмотренные нормами уголовно-процессуального закона права должны быть разъяснены в объеме, определяемом процессуальным статусом

лица, в отношении которого ведется производство по делу, с учетом стадий и особенностей различных форм судопроизводства.

Таким образом, право на защиту в уголовном судопроизводстве зависит не от права на законный суд, поскольку последнее определяется правоохранительными органами в ходе предварительного расследования уголовного дела. Однако, нормы уголовно-процессуального права, наравне с иными процессуальными положениями других нормативных правовых актов, базируется на правовой идее защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина. Поэтому, взаимосвязь права на защиту и права на законный суд проявляется в соприкосновении и продолжении более детального регламентирования их в процессуальных правоотношениях. Особенность данной взаимосвязи прослеживается в гражданско-процессуальных и арбитражно-процессуальных правоотношениях.

Для реализации права на защиту заинтересованное лицо должно прибегать к верному изложению не только основания иска, но и формулированию требования, а также указание места жительства или нахождения, как истца или ответчика. Следует учесть, что указанные выше требования не дают полного права на использование заинтересованным лицом права на защиту, потому что непосредственная реализация права на защиту зависит все же от определения надлежащего суда, который в соответствии со своей компетенцией будет рассматривать и разрешать дело, в том числе его принятие к производству.

Е. Г. Пушкар отмечал, что в силу принципа диспозитивности в советском гражданском процессуальном праве заинтересованные лица могут свободно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами, в том числе, и обратиться в суд за защитой нарушенного, или оспариваемого права, или охраняемого законом интереса[557]. Это не отрицается и в настоящее время. Так, Л. Л. Шамшурин указывает, поскольку заинтересованные лица в

[557] Пушкар Е.Г. Право на обращение в суд за судебной защитой. С. 19.

силу принципа диспозитивности вправе самостоятельно распоряжаться принадлежащими им субъективными материальными правами, фактическая реализация права на обращение за судебной защитой всегда зависит от их усмотрения[558]. В свою очередь, Е. Г. Пушкар указывал, что это не означает, что любое лицо может, обратившись с любым делом в суд, положить тем самым начало рассмотрения дела, имеющему своей целью и результатом вынесение судебного решения. Ведь деятельность правосудия осуществляется в определенном порядке, регламентированном процессуальным законодательством[559].

А. Т. Боннер справедливо замечает, что соблюдение «порядка, установленного законодательством о гражданском судопроизводстве» обращения в суд, заключается в выполнении заинтересованным лицом требований ГПК РФ, касающихся разграничения компетенции между отдельными звеньями судебной системы, формы и содержания заявления в суд, а также обращение в суд по надлежащей территориальной подсудности[560]. Более того, право на обращение в суд в других стадиях процесса может быть реализовано в предусмотренных законом иных процессуальных формах – апелляционной, кассационной или надзорной жалобы, а также заявлении о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решений, определений суда[561].

Таким образом, усмотрение заинтересованного лица в реализации права на обращение в суд путем предоставленных ему прав производится не при свободном доступе и при произвольном усмотрении, а при соблюдении правил и положений, которые установлены процессуальным законодательством и строго регулируют порядок обращения в суд, несоблюдение которого влечет

---

[558] Шамшурин Л.Л. Доступность правосудия как гарантия реализации права на судебную защиту в сфере гражданской юрисдикции. / Л.Л. Шамшурин // Арбитражный и гражданский процесс, 2011. № 1. С. 5-8; № 2. С. 5-8

[559] Пушкар Е.Г. Право на обращение в суд за судебной защитой. С. 19.

[560] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / С.А. Алехина, А.Т. Боннер, В.В. Блажеев и др.; отв. ред. М.С, Шакарян. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 18.

[561] Там же.

соответствующие процессуальные последствия, а в совокупности нарушений процессуальных требований - влечет нарушение правовой идеи защиты и охраны прав и свобод.

Предусмотренные законом условия для реализации права на обращение в суд общей юрисдикции за защитой прав, свобод и охраняемых законом интересов не являются ограничением права на защиту. Законодатель лишь стремится упорядочить саму процедуру реализации права на судебную защиту, максимально приспосабливая ее для оптимального достижения основной конституционной цели правосудия – обеспечения прав и свобод человека и гражданина.[562]

Конечно же, современная судебная система судов общей юрисдикции в Российской Федерации, является довольно громоздкой и включает в себя суды различных уровней или звеньев, что подтверждается нормативными правовыми актами, которые наделяют суды полномочиями по рассмотрению и разрешению различных дел. Кроме этого, для устранения судебной ошибки предусмотрены различные способы, которые образуют сложную институциональную систему, что связано с определением не только правоподсудности отдельных судебных органов, но и взаимоподчиненности судов общей юрисдикции в сложной иерархической системе.

Для заинтересованного лица, в случае возникновения необходимости в реализации своего права на защиту и соответственно права на обращение в суд, необходимо, прежде всего, определить какой конкретно суд из судебной системы судов общей юрисдикции или соответственно системы арбитражных судов будет рассматривать его дело. Поэтому порядок разграничения компетенции внутри конкретной судебной системы (суды общей юрисдикции или арбитражные суды) по рассмотрению и разрешению подведомственных им гражданских, уголовных, административных дел регулируется подсудностью и имеет важное как конституционное, так и процессуальное

[562] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Жилина. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 15.

значение для заинтересованного лица.

Г. А. Жилин справедливо отмечает, что сложный многоуровневый характер судебной системы в России не всегда позволяет заинтересованному лицу без затруднений определить тот суд, в который следует обратиться за защитой прав. Более того, в правилах разграничения полномочий между различными судами при осуществлении ими правосудия по гражданским делам иногда бывает *трудно разобраться и профессиональным юристам, в том числе судьям, разрешающим вопрос о возбуждении дела и его рассмотрении в конкретном суде* (выделено нами – М.Г.). Между тем неправильное определение судьей компетенции суда при обращении заинтересованного лица за судебной защитой приводит к нарушению права участвующих в деле лиц на законный суд или к необоснованному отказу в осуществлении правосудия. То и другое несовместимо с предназначением органов судебной власти, на которые возложена конституционная обязанность по обеспечению защиты прав и свобод посредством правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дел, отнесенных к их компетенции[563]. Т. П. Ерохина указывает на то, что правильное установление подсудности конкретного гражданского дела определенному суду и есть необходимое условие реализации права на обращение в суд[564].

Отметим, что посредством *механизма судебной защиты* реализуется право на судебную защиту. В ходе чего, *заинтересованное лицо обращается в суд за судебной защитой*, чем инициирует деятельность по осуществлению правосудия. Отличительной чертой судебной власти является тот факт, что *сама по себе, без надлежащего обращения в суд*, судебная власть *не начинает действовать* (выделено нами – М.Г.). Для запуска механизма судебной защиты необходимо обращение в суд заинтересованного лица[565].

---

[563] Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. С. 385.

[564] Ерохина Т.П. Институт подсудности в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие. / Т.П. Ерохина. Саратов: СГАП, 2003. С. 5.

[565] Загайнова С.К. О структуре механизма судебной власти в гражданском и арбитражном процессах. / С.К. Загайнова // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 2. С. 18.

Заслуживает пристального внимания правовая позиция Конституционного Суда РФ по вопросу подсудности – *право каждого на законный суд*, закрепленное ст. 47 Конституции РФ, *является необходимым элементом конституционного права на судебную защиту и одновременно – гарантией независимости и беспристрастности суда* (выделено нами – М.Г.), относящейся как к производству в суде первой инстанции, так и к стадии рассмотрения дела в суде второй инстанции – апелляционной или кассационной[566]. Следовательно, право на законный суд является необходимым элементом механизма реализации права на защиту. Образуя логическую связь между правилами подсудности и правом на законный суд, ввиду того, что первое выступает в виде детальной регламентации последнего, правила подсудности выступают не только условием реализации права на обращение в суд, учитывая его содержание, но и составляющей частью и продолжением права на законный суд, последнее, полагаем, является наиболее значимым и существенным. В свою очередь, положение о законном суде вытекает из права на защиту, являясь его элементом. Право каждого заинтересованного лица на легитимный суд, гарантированное ст. 47 Конституции РФ, является значимым элементом права на защиту и гарантией независимости и беспристрастности суда, относящейся к производству в суде первой инстанции и, конечно же, по проверке судебных актов. Таким образом, именно подсудность выступает способом реализации и соблюдения принципа защиты прав и свобод человека и гражданина.

Е. Е. Уксусова утверждает, что современное представление о подсудности, в том числе в области гражданской юрисдикции, неразрывно связано с конституционными нормами, имеющими высшую юридическую

[566] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2010 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.

силу и непосредственное действие[567]. Действующая Конституция РФ впервые установила принципиальные положения по рассматриваемому институту. В соответствии с Конституцией РФ подсудность должна определяться законом, что неоднократно подчеркивал в своих решениях Конституционный Суд РФ. Правовая позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу заключается в том, что в законе должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, что позволяло бы суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в этом вопросе. Реализация конституционного права связана не только с содержанием, но и с формой законодательного закрепления института подсудности. Так, в соответствии с требованиями ст. 128 Конституции РФ установление полномочий федеральных судов должно составлять предмет федерального конституционного закона. Закрепление института подсудности в Общей части ГПК РФ и АПК РФ дополнительно подтверждает его основополагающую роль в гражданском судопроизводстве.

Таким образом, право на защиту содержится как правовой принцип в различных отраслях права и законодательства. Его содержание сводится к законному, компетентному и беспристрастному суду, который будет соблюдать вершину защиты и охраны прав и свобод в целом. С целью реализации права на защиту, человеку и гражданину необходимо определить законный суд, т.е. верно установить правило подсудности, чтобы восстановить свои нарушенные права и законные интересы. Поэтому, анализ содержания права на обращение в суд показал, что подсудность является одним из требований, которое необходимо соблюдать заинтересованному лицу в случае обращения в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права, или охраняемого законом интереса. Данные положения не только взаимосвязаны, но и непосредственно имеют свое отражение в конституционных нормах.

[567] Гражданское процессуальное право: Учебник. С. 135.

Право на обращение в суд является составной частью права на защиту. Проявляется это в том, что гарантированное право на защиту не имеет и не может иметь четкой регламентации в Конституции РФ. Оно регламентировано в иных нормах действующего законодательства РФ благодаря своей трансформации.

Следовательно, подсудность представляет собой квинтэссенцию права на законный суд и гарантию реализации правовой идеи права на защиту, поскольку несоблюдение норм, регулирующих подсудность, приведет к нарушению, не только процессуальных, но и конституционных норм, норм международных договоров и общеправового и межотраслевого принципа, как начала и идею построения всего законодательства РФ. В свою очередь, это дает право на отмену судебного акта ввиду отсутствия созданного на основании закона компетентного суда. Нарушение правил подсудности влечет отмену судебного акта. Возникает вопрос, - если будут нарушены правила подсудности, то подлежит ли судебный акт отмене, если дело в целом было рассмотрено по существу без нарушения каких-либо норм материального и (или) процессуального права, но нарушающий принцип защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина?

Г. А. Жилин отмечает, что одним из атрибутов справедливого судопроизводства является рассмотрение и разрешение дела судом, компетенция которого установлена федеральным законом, т.е. в соответствии с правилами судебной подведомственности и подсудности[568]. Неправильное определение судьей компетенции суда при обращении заинтересованного лица за судебной защитой, – продолжает юрист, – приводит к нарушению права участвующих в деле лиц на законный суд или к необоснованному отказу в осуществлении правосудия. То и другое несовместимо с предназначением органов судебной власти, на которые возложена конституционная обязанность по обеспечению защиты прав и свобод посредством правильного и

[568] Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. С. 567.

своевременного рассмотрения и разрешения дел, отнесенных к их компетенции. Однако установленные законом правила разграничения компетенции по рассмотрению и разрешению гражданских дел между судами общей и арбитражной юрисдикции не всегда отвечают принципу правовой определенности, что в судебной практике приводит к многочисленным ошибкам при определении их подведомственности и подсудности. Вышестоящие судебные инстанции не всегда адекватно реагируют на такие ошибки, считая их иногда несущественными, не влияющими на результат разрешения дела по существу[569].

В определении Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 144-О-П[570] (далее по тексту – Определение № 144-О-П) указано: поскольку право каждого на судебную защиту может быть обеспечено *лишь законным*, независимым и беспристрастным судом, *несоблюдение правил подсудности влечет нарушение не только ч. 1 ст. 47, но и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ* (выделено нами – М.Г.).

Несмотря на то что в статьях 270, 288 и 304 АПК РФ *не содержится прямого указания на несоблюдение правил подсудности как на основание для отмены судебного акта* в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, *решение, принятое с нарушением правил подсудности, не может быть признано правильным*, поскольку оно, вопреки ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, закрепляющей право каждого на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, не допускающей ограничение этого права ни при каких

---

[569] Там же.

[570] См. подробнее: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушникова, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 47. Ст. 7316; Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 144-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Халимбековой Шамалы Шарабутдиновны положениями части 4 статьи 39, статей 270, 288 и 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 84. 13.05.2009; Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 N 623-О-П «По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 6; Постановление Верховного Суда РФ от 28.11.2018 № 65-АД18-1 // Документ опубликован не был СПС КонсультантПлюс; Постановление Верховного Суда РФ от 08.11.2018 № 3-АД18-10 // Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс.

обстоятельствах, *принимается судом, не уполномоченным в силу закона на рассмотрение данного дела, что является существенным (фундаментальным) нарушением, влияющим на исход дела и искажающим саму суть правосудия* (выделено нами – М.Г.). Аналогичное положение содержится и в Определении Конституционного Суда РФ от 03 июля 2007 г. № 623-О-П[571].

Следует отметить, что данное положение носит безукоризненный характер. *Разрешение дела с нарушением правил подсудности,* продолжает Конституционный Суд РФ*, не отвечает и требованию справедливого правосудия,* поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение того или иного конкретного дела, *не является* по смыслу ст. 46 и 47 Конституции РФ и соответствующих общепризнанных принципов и норм международного права *законным судом*, а *принятые в результате такого рассмотрения судебные акты не обеспечивают гарантии прав и свобод в сфере правосудия* (выделено нами – М.Г.)[572].

---

[571] Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 623-О-П «По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 6.

[572] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 5-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 215 и абзаца второго статьи 217 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.В. Барабаша и А.В. Исхакова» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 11. Ст. 1366; Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 19. Ст. 2357; Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6. Ст. 699 (Постановление); Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2006 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 16. Ст. 1775; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.2006 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 10. Ст. 1145; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса

Кроме того, при оценке оснований для пересмотра судебных актов арбитражные суды вышестоящих инстанций должны исходить из того, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и прямое действие, а также из приоритета общепризнанных принципов и норм международного права по отношению к внутреннему законодательству: в соответствии с этими конституционными предписаниями отмена вышестоящей судебной инстанцией решения арбитражного суда, принятого вопреки ст. 47 Конституции РФ с нарушением правил подсудности, не исключается, хотя нормы арбитражного процессуального права и не содержат прямого указания на отмену решения по такому основанию. Следует отметить, что и в нормах ГПК РФ не содержится прямого указания на отмену судебного акта по основанию несоблюдения правил подсудности.

Таким образом, считаем, что нарушение правил подсудности должно влечь отмену судебного акта. Нарушая правила подсудности, нарушается процесс соблюдения правовой идеи защиты и охраны прав и свобод человека, гражданина, коллектива и юридического лица. В случае, если нарушены нормы подсудности, то нарушено право на законный суд, что нарушает право на защиту. Таким образом, идет нарушение содержательной части права на защиту как правовой категории.

В определении Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 144-О-П отражено, что *нарушение правил подсудности подпадает под такое безусловное основание для отмены судебного акта как рассмотрение дела судом в незаконном составе* (выделено нами – М.Г.). Считаем, что основанием

Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центронефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 48. Ст. 5123; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 9. Ст. 831; Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.1998 № 5-П «По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 6. Ст. 784.

для отмены судебного акта первой инстанции в случае нарушения правил подсудности, которые регламентированы действующим законодательством о гражданском судопроизводстве и гарантированы Конституцией РФ, является п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ и п. 1 ч. 4 ст. 270 АПК РФ.

Позиция Верховного Суда РФ в некоторых определениях[573], схожа с позицией Конституционного Суда РФ. В частности, Верховный Суд РФ указывает, что нарушение правил подсудности свидетельствует о рассмотрении дела судом в незаконном составе. В иных Определениях[574], Верховный Суд РФ по вопросу о нарушении правил подсудности отмечает, что нарушенное конституционное право на законный суд является существенным нарушением норм процессуального права, без устранения которого восстановление и защита прав, законных интересов невозможны.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ схожи в одном – нарушение правил подсудности являются существенным нарушением норм процессуального права и влекут отмену принятых судебных актов. Но нет единого подхода к применению действующего законодательства РФ о гражданском судопроизводстве в случае указания соответствующей нормы права, как основание для отмены судебного акта. В своем Постановлении от 19.06.2012 г. № 13 Пленум Верховного Суда РФ «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»[575] отмечает, что *нарушение судом первой инстанции норм процессуального права*, *устанавливающих правила подсудност*и, *не является основанием* для применения судом апелляционной инстанции *п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ*. *При*

---

[573] Определение Верховного Суда РФ от 13.04.2011 № 56-Г11-5; Определение Верховного Суда РФ от 18.01.2012 г. № 5-Г11-196 / Документы опубликованы не были // Консультант Плюс [Дата обращения 03 сентября 2018 г.].

[574] Определение Верховного Суда РФ от 01.02.2012 г. № 20-В11-28; Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2011 г. № 78-В11-11; Определение Верховного Суда РФ от 02.03.2011 г. № 26-В11-3/ Документы опубликованы не были // Консультант Плюс [Дата обращения 03 сентября 2018 г.].

[575] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. № 147. 29.06.2012.

наличии указанных нарушений суд апелляционной инстанции в соответствии со ст. 47 Конституции РФ и частью 2 статьи 33 ГПК РФ *отменяет постановление суда первой инстанции по основаниям ч. 3 ст. 330 ГПК РФ* (выделено нами – М.Г.) и передает дело в суд первой инстанции, к подсудности которого законом отнесено его рассмотрение.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ по данному вопросу «нарушение правил подсудности подпадает под такое безусловное основание для отмены судебного акта как рассмотрение дела судом в незаконном составе»[576]. В свою очередь, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 г. № 13 разъясняет, что при применении положения п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ судам апелляционной инстанции необходимо учитывать, что дело признается рассмотренным судом в незаконном составе в том случае, когда, например, дело рассмотрено лицом, не наделенным полномочиями судьи; судья подлежал отводу по основаниям, предусмотренным п. 1, 2 ч. 1 и ч. 2 ст. 16 ГПК РФ; судья повторно участвовал в рассмотрении дела в нарушение положений ст. 17 ГПК РФ. Таким образом, из приведенных судебных актов высших судебных органов вытекает разногласие по вопросу единого подхода к основанию для отмены судебного акта первой инстанции, в случае если нарушены правила подсудности.

Конституционный Суд РФ[577] указывает, что, *несмотря на то что* в положениях АПК РФ[578] не содержится прямого указания на несоблюдение правил подсудности как на основание для отмены судебного акта в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, решение, *принятое с нарушением правил подсудности*, *не может быть признано правильным*

---

[576] Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 144-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Халимбековой Шамалы Шарабутдиновны положениями части 4 статьи 39, статей 270, 288 и 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 84. 13.05.2009.

[577] Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 623-О-П «По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 6, 2007.

[578] Обратим внимание, что и нормы ГПК РФ не содержат прямого указания на несоблюдение правил подсудности, как основание для отмены судебного акта.

(выделено нами – М.Г.), поскольку оно - вопреки ст. 47 Конституции РФ, и ст. 56 Конституции РФ – принимается судом, не уполномоченным в силу закона на рассмотрение данного дела. Следует все же учитывать, что нарушение конституционного права на законный суд и правил подсудности, и принимаемые в этом случае судом судебные акты, не уполномоченным в силу закона на рассмотрение данного дела судом, является *существенным (фундаментальным) нарушением*[579] (выделено нами – М.Г.), влияющим на исход дела и искажающим саму суть правосудия.

Иначе данный вопрос рассматривался арбитражными судами. Практика Президиума ВАС РФ[580] исходила из того, что основанием для отмены судебного акта в вопросах правил подсудности служит только нарушение правил территориальной исключительной подсудности. Нарушение иных правил подсудности не будут являться основанием для отмены судебного акта, как указано в самом постановлении ВАС РФ «решение суда первой инстанции было оставлено в силе судами вышестоящих инстанций ввиду того, что по существу дело рассмотрено правильно»[581].

В уголовном процессе в целях соблюдения права на защиту Верховный Суд Российской Федерации акцентировал внимание на том, что судам надлежит реагировать на каждое выявленное нарушение или ограничение права на защиту. В качестве правовых последствий нарушения (ограничения) права на защиту названы признание доказательств недопустимыми[582],

---

[579] Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 623-О-П «По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 6; Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 144-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Халимбековой Шамалы Шарабутдиновны положениями части 4 статьи 39, статей 270, 288 и 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 84. 13.05.2009.

[580] Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2007 № 14307/06 по делу № А55-12796/2005 // Вестник ВАС РФ. 2007. № 7

[581] Постановление Президиума ВАС РФ от 07.10.2008 № 5853/08 по делу № А50-11452/2007-А9 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 1.

[582] Кроме того, в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» разъясняется, что при нарушении права на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) все объяснения лица, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, а также показания

возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, отмена (изменение) судебного решения, вынесение частного определения (постановления)[583].

Кроме того, если нарушения права на защиту допущены в ходе досудебного производства, прокурор и руководитель следственного органа могут принять решение о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования. Таким образом, нарушая содержательную часть правовой категории, государство допускает фундаментальное нарушение права на защиту, поскольку искажает исход дела и в целом влияет на правосудие. Поэтому считаем необходимым предусмотреть специальную норму, касающуюся основания отмены судебного акта суда первой инстанции в случае нарушения правил подсудности.[584]

Данный вывод исходит из конституционного и международного закрепления норм подсудности, а также при рассмотрении и разрешении дела *незаконным судом* (выделено нами – М.Г.), – происходит грубое нарушение норм процессуального права. В свою очередь, это порождает судебную ошибку, которая должна быть устранена с помощью соответствующих процессуальных средств. Учитывая содержательную сущность института подсудности, закрепленность ее положений в различных нормативных правовых актах по юридической силе, а также значимости в процессуальной науке, нарушения ее правил должны влечь отмену судебного акта.

Содержание ч. 3 ст. 23 и ч. 1 ст. 33 ГПК РФ, а также ч. 1 ст. 39 АПК РФ, противоречат нормам международных актов, Конституции РФ, а также правовой позиции высших судебных органов судебной системы РФ и ЕСПЧ. Заведомо законодатель предусматривает возможность нарушения принципа

подозреваемого, обвиняемого и результаты следственных и иных процессуальных действий, произведенных с их участием, должны рассматриваться судами как доказательства, полученные с нарушением закона; См. подробнее: Ларин Е.Г. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о праве на защиту в уголовном судопроизводстве

[583] См. подробнее: Ларин Е.Г. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о праве на защиту в уголовном судопроизводстве.

[584] См. более подробно: Грось Л.А. О значении правильного определения подсудности гражданского дела. С. 6.

защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина, что является абсурдным.

В целях совершенствования действующего законодательства предлагаем внести следующие изменения: (Приложение 1)

1. Изложить ч. 3 ст. 23 ГПК РФ в следующей редакции:

«3. При объединении нескольких связанных между собой требований, изменении предмета иска, если новые требования становятся подсудными районному суду, а другие остаются подсудными мировому судье, требования подсудные районному суду должны быть переданы на рассмотрение соответственно в районный суд».

2. Исключить часть 1 статьи 33 ГПК РФ и часть 1 статьи 39 АПК РФ.

3. Дополнить часть 4 статьи 330 ГПК РФ, следующим пунктом:

«8) нарушение и несоблюдение права на защиту, в случае несоблюдения правил подсудности»;

4. Дополнить часть 4 статьи 270 АПК РФ, следующим пунктом:

«8) нарушение и несоблюдение права на защиту, в случае несоблюдения правил подсудности».

5. Дополнить статью 389.15 УПК РФ, следующим пунктом:

«7) нарушение права на защиту».

6. Дополнить статью 310 КАС РФ, следующим пунктом:

«8) нарушение и несоблюдение права на защиту, в случае несоблюдения правил подсудности».

На наш взгляд, абсолютно верно указывает О. А. Пучко, именно юрисдикционная рефлексия права является необходимым элементом, обеспечивающим его реализацию и защиту как в объективном, так и в субъективном смысле, т.е., по выражению немецкого правоведа О. Эрлиха, «оживляющим» позитивное право[585]. В связи с этим, безусловное отождествление права и закона представляется недопустимым, поскольку

[585] Эрлих О. Основоположение социологии права / Эрлих О.; под ред.: Графский В.Г., Гревцов Ю.И.; Пер. с нем.: Антонов М.В. С.-Пб.: ООО «Универ. издат. Консорциум», 2011. С. 623.

динамический характер правоприменительной практики (в первую очередь судебной) наполняет содержание позитивного права новым смыслом, а порой прямо его изменяет и дополняет.[586]

В силу того, что 2017 год для всей юридической науки был ознаменован необходимостью правового регламентирования информационного общества, формирования национальной цифровой экономики; обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов. Основными принципами реализации «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы», утвержденной Указом Президента Российский Федерации 09 мая 2017 г.[587], являются обеспечение прав граждан на доступ к информации; обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере и др.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р,[588] предусматривает обеспечение организационной и правовой защиты личности, бизнеса и государственных интересов при взаимодействии в условиях цифровой экономики. Кроме этого, информационная безопасность в аспекте цифровой экономики, определяет своей целью достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации в условиях цифровой экономики.

---

[586] См. подробнее: Пучков О.А. Судебные интерпретационные акты в российском праве: юридико-герменевтический аспект. / О.А. Пучков. // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 34-39.

[587] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 -- 2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 10.05.2017.

[588] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 03.08.2017.

Таким образом, нормативные правовые акты, которые направлены на подготовку страны к цифровой экономике и обществу, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан, определяют одну из приоритетных целей обеспечение право на защиту в условиях цифровизации. Поскольку стратегические задачи и направления развития России утверждаются Президентом Российской Федерации, а государственные органы обеспечивают их реализацию, в том числе путем нормотворчества, общеправовые принципы права должны оставаться той системой, которая оказывает и обеспечивает охрану прав и свобод человека и гражданина.

Анализ права на защиту как правовой категории позволяют сделать вывод о том, что право на защиту представляет собой совокупность единичного, особенного и всеобщего начал, направленных на возникновение общественных отношений в различных областях человеческой деятельности, позволяет личности осуществлять защиту своих нарушенных прав и законных интересов, а государству – гарантировать и обеспечивать ее реализацию. Такой современный и новый подход к праву на защиту позволяет определить новую модель в теории права, позволяющую обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина в современных условиях государственно-правового развития, а благодаря своей общенаучной значимости право на защиту выступало, выступает и будет выступать основой для взаимодействия государства, гражданского общества и каждой отдельной личности. Современное понимание права на защиту в триедином подходе определяет его правовую ценность, выраженную в общеправовой идее, имеющей аксиологическую и онтологическую значимость для теории права как универсально-правовой (особенной) идеи, раскрывающей право на защиту как фундаментальное начало для отображения основных идейных начал в теории

государства и права, а также единичную правовую идею, выражающуюся в неотъемлемом и неотчуждаемом праве личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общий итог диссертационного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Исторический контекст развития представлений о праве на защиту, его юридико-конструктивных моделей, позволяет судить о том, что такое развитие не носило устойчивого характера и во многом было дискретным. В этом смысле, допустимо выделить следующие стадии этого развития:

а) Римская (донаучная) модель (III в. до н.э. – II в.). В контексте правовой системы Рима право на защиту приобретает две формы – материально-правовую (исковую), и, в дальнейшем, - процессуальную. При этом в Риме право на защиту не носило всеобщего, генерализующего характера, а находилась в непосредственной зависимости от характера предмета защиты. В этом смысле каждому предмету защиты (конкретному субъективному праву) соответствовала собственная конструкция права на иск. В связи с этим в римской юриспруденции не была выработана всеобщая конструкция права на защиту как юридической возможности субъекта защищать любой правомерный интерес или субъективное право посредством обращения в юрисдикционный орган.

б) Догматическая модель (XI – XVI вв.). В контексте данной модели в доктринах глоссаторов и комментаторов, а также в теории средневекового канонического права сформировались две концепции права на защиту, которые можно терминологически обозначить как «субстанциальную» и «процессуальную». Субстанциальная концепция права на защиту основана на его концептуализации как фрагмента действительности материального права – субъективного права (в форме права на иск) и правомочия. В свою очередь, разработанная в канонико-правовой доктрине процессуальная концепция исходила из того, что право на защиту представляет собой предусмотренную уголовно-процессуальным законом возможность подозреваемого

(обвиняемого) защищаться от предъявленного обвинения посредством совершения процес-суальных действий. Обе этих концепции в дальнейшем воспринимаются средневековым законодательством европейских государств.

в) Естественно-правовая модель (XVII – начало XIX вв.). Юснатурализм делает существенный шаг на пути к построению концепции права на защиту как всеобщего права, принадлежащего любому субъекту и инвариантного классовой организации общества. Вместе с тем, теория юснатуралистов рассматривает право на защиту как естественное право, а значит разрабатывает его как философскую идею, лежащую в основе правовой действительности, а не в качестве генерализующего компонента юридического знания (общеправовой конструкции). Отсюда, естественно-правовая модель права на защиту определяет его в большей мере уже не как элемент субъективного права, но как всеобщий правовой принцип. Право на защиту как идея прочно закрепляется в естественно-правовой доктрине как исторически первой философии права и, в связи с этим, начинает претендовать на формирование доминирующих образцов правовой культуры, правового поведения и позитивно-правового регули-рования.

г) Доктринальная модель (с XIX в.). В методологических контекстах данной модели вектор понимания юридической природы права на защиту существенно меняется: если прежде юриспруденция рассматривает право на защиту как субъективное право (либо естественное право), то, благодаря достижениям германской юриспруденции, европейская правовая наука приходит к пониманию права на защиту как общеправового принципа, в силу которого каждому гарантируется со стороны государства защита от нарушения или препятствия осуществлению субъективного права (и шире – обеспечиваемого законом интереса). Это понимание в дальнейшем находит наибольшее развитие в государственном и международном праве и в соответствующих науках. Однако в отдельных областях юриспруденции – прежде всего в цивилистике и науках процессуального права – не теряют

актуальность и традиционные представления о праве на защиту как о правомочии или субъективном праве. Указанные концептуальные аспекты закладывают основу для современного права на защиту как фрагмента действительности позитивного права и правоведения в континентальной правовой традиции.

В европейской правовой науке конца XIX – начала XX вв. утверждается несколько аспектов понимания права на защиту. В соответствии с первым (цивилистическим), право на защиту представляет собой самостоятельное субъективное право, либо правомочие в составе субъективного права. В соответствии со вторым (процессуальным), право на защиту понимается как способность стороны в процессе защищаться против предъявленного обвинения или иска путем реализации своей процессуальной правоспособности. Наконец, третий аспект (общеправовой) основан на идее о том, что термин «право на защиту» является научной метафорой, и им обозначается общеправовой принцип, в силу которого каждому гарантируется защита его нарушенного права.

2. Правовое регулирование права на защиту в Древней Руси и в последующие – XII – XV века имеет схожие черты по взаимодействию государства и человека в обеспечении обязательства государства обеспечить защиту и охрану гарантированных прав и свобод. Однако во время Новгородской и Псковской судных грамот появляются совершенно новые суды, ранее не отраженные в Русской Правде со своей обособленной компетенцией. Правда, как и в период действия Русской Правды, так и в период действия НСГ и ПСГ право на защиту не имело четкого регламентирования механизма его реализации и, соответственно, правового закрепления.

Детальное и четкое проявление механизма правового закрепления права на защиту, а также правовых последствий его не соблюдения, схожих с действующим механизмом, произошло в период принятия Судебника 1497 г.

В свою очередь, Судебник 1550 г. продолжил и остановился на тех же нормах права на защиту, что и предыдущий Судебник. Вместе с этим, Судебник 1550 г. коснулся изменений в реализации права на защиту церковными судами.

Соборное Уложение закрепило и сохранило реализацию права на защиту. Отличительной особенностью правового регулирования права на защиту Соборным Уложением является расширение содержательной части права на защиту, включая возможность обжалования актов органов, принявших решение по первой инстанции. Впервые Соборное Уложение делает акцент на разграничении компетенции по рассмотрению и разрешению дел в зависимости от цены иска. Таким образом, критерий «сословность» позволял разграничить защиту и охрану прав между приказами и иными судебными органами, в том числе специализированными. В свою очередь, цена иска играла важную роль для разграничения дел между воеводами и иными судебными органами.

Период правления Петра I ознаменован событиями, которые полностью затронули правовое регулирование права на защиту. Попытавшись произвести отграничение судебных органов от административных органов, с целью исполнения обязанности государства по защите гарантированных прав и свобод, ввиду взаимодействия государства и человека, Петр I предусмотрел и принял новую судебную систему. В результате реформирования права на защиту увеличилась компетенция судов, которая больше всего зависела от сословности, нежели от предмета спора. Вместе с этим, в период правления Петра I эффективное развитие коснулось права на защиту военнослужащих и лиц, приближённых к военной службе, прежде всего, функционирования и организации военных судов.

Право на защиту в период правления Екатерины II осуществлялось довольно сложной иерархичной судебной системой местного значения. В губерниях действовали следующие судебные органы: палата уголовных дел, палата гражданский дел, верхний земский суд, губернский магистрат, верхняя

расправа, совестный суд и верхний надворный суд. В уездах соответственно были учреждены: уездный земский суд, городовой магистрат и ратуши, нижняя расправа, нижний надворный суд, дворянская опека, городовой сиротский суд, нижний земский суд. Ввиду такого многообразия судебных органов, осуществляющих деятельность по защите прав, возросла роль функциональной подсудности, которая ранее только начинала зарождаться, а в период правления Екатерины II получила бурное развитие.

Существенный вклад в развитие правового регулирования права на защиту внес Александр II принятием Устава гражданского судопроизводства 1864 г. Защита системы прав определялась в зависимости от места жительства, места нахождения имущества, от свойства возражений, по месту исполнения договора, по цене иска, предмету иска и т.д.

Первым государственным актом, положившим начало формированию единой судебной системы, гарантирующей защиту прав, стал ноябрьский Декрет 1917 г. Он полностью упразднил все дореволюционные судебные органы, созданные еще судебной реформой 1864 г. Поэтому принятие Декретов сыграло отрицательную роль в реализации обязанности государства гарантированного права на защиту, остановив прогресс в развитии самой судебной системы. Обусловлено это тем, что немалый опыт, как для права, так и для судебной системы в целом, который был получен в период принятия и действия Уставов 1864 г. и последующих изменений, являлся наиболее эффективным не только в развитии права на защиту, но и в целом судопроизводства и судоустройства.

Советское законодательство, регламентирующее право на защиту ознаменовано становлением в России конституционализма. Принятые в России основные законы государства в 1918, 1925 и 1937 гг. предусматривали гарантированную систему прав и свобод, но принцип их защиты и охраны, основной закон государства не устанавливал. Однако, были предприняты

попытки реформирования законодательства, которое предусматривало процессы и закономерности его реализации и обеспечения государством.

В 1978 году была принята Конституция РСФСР, которая возвела право на защиту в ранг фундаментальности и начало построения законодательства на основе принципиального положения, позволяющего обеспечить и соблюсти защиту и охрану прав и свобод, гарантированных государством, а равно и их защиту государственными органами. Поэтому 1978 год ознаменован не только расширением прав и свобод, но и обязанностью государства по их защите и охране, способами и средствами, которые предусматривались нормативными правовыми актами.

Таким образом, исследование процесса возникновения и этапы становления механизма правового регулирования права на защиту в исторической ретроспективе позволяют сделать вывод о том, что право на защиту представляет собой правовую категорию, лежащую в основе динамики развития всей системы законодательства в частной и публичных отраслях права, представляя собой одновременно: индивидуальное (единичное) право на защиту прав и интересов лиц в судебном производстве, право на справедливый суд и возможность обращения к третьим лицам за оказанием помощи в осуществлении права на защиту (X – XVIII вв.); особенную или универсальную идею в праве, когда право на защиту выступает отраслевым принципом права, положенный в основу гражданского и уголовного судопроизводства (XIX - XX вв.); в советском законодательстве право на защиту из области правоприменения перешло в теоретическую универсальную идею – общеправовой принцип как правовую категорию.

3. Право на защиту как правовая категория представляет собой основу для правового регулирования общественной жизни, включая новые представления о праве. Особенность категории права на защиту в теории права выражается в триедином подходе к его пониманию. Представляя собой совокупность единичного, особенного и всеобщего начал, направленных на

возникновение общественных отношений в различных областях человеческой деятельности, право на защиту позволяет личности осуществлять защиту своих нарушенных прав и законных интересов, а государству – гарантировать и обеспечивать ее реализацию.

Включенным в теорию права и в систему научно-теоретических положений об обществе, право на защиту как правовая категория, представляет собой научную ценность. Поскольку идея о праве на защиту имеет свои качественно-существенные признаки, получающие свое отражение и закрепление в нормативных правовых актах, оказывает влияние на выбор способа защиты и возникает в правосознании в результате правового воспитания.

По своим качественным особенностям и уровню конкретности право на защиту выражает истинное знание о правовой сфере общественной жизни, поскольку данные знания лежат в государственном масштабе поведения людей и оценки их действий. Право на защиту в сознании личности выражено в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, т.е. являясь субъектом общественных отношений, личность осознает действительность своей защищенности. В государственно-правовой действительности, право на защиту, как общеправовая идея, у личности должна быть представлена не только как знание о праве на защиту, отношение к нему, к его ценностям, но и в осознании идеи в качестве инструмента познавательной деятельности, способа понимания и фиксации правовых знаний о ней. Осознание и фиксация правовых знаний об общеправовой идее права на защиту в правовой действительности сводится к тому, что оно выступает базисом для построения всей системы законодательства Российской Федерации, которое должно обеспечивать права и свободы личности.

Признавая право на защиту принципом права, можно с уверенностью заявлять, что данное право по своей сущности не влияет на действия субъектов права, поскольку выступает регулятором дальнейшего развития

соответствующих правоотношений. Право на защиту представляет основу для формирования материального и процессуального законодательства, как частного, так и публичного характера. Более того, оно играет важную и фундаментальную роль в правоприменительной практике.

С учетом имеющейся классификации принципов права, право на защиту выступает межотраслевым принципом, поскольку независимо от правовой сферы общественной жизни, законодатель предусмотрел построение норм права с учетом возможности их защиты и охраны со стороны государства. В свою очередь, процессуальное законодательство подробно излагает способы и механизмы исполнения и обеспечения принципа права на защиту органами, наделенными полномочиями по отправлению правосудия. Поэтому право на защиту как принцип права содержит в себе предметные знания об определенной правовой действительности и отражает в себе правовую реальность тесной взаимосвязи с другими принципами, выделяемыми в теории государства и права. Потому, что сущность принципов права содержится в их идеи, фундаментальности и функционирования права в целом. Кроме этого, принципы права в тесной взаимосвязи представляют особую правовую значимость для правотворчества и процессов государственно-правовой действительности в общественной жизни, отражают закономерности развития права и играю важную роль в правоприменительной практике. В свою очередь, правотворческая деятельность должна исходить из определенных принципов и основных правовых идей, важной составляющей исследования права на защиту прав и свобод личности как категории в теории права является идея универсальности права на защиту в теории государства и права и сохранение аксиологического значения права на защиту в построении новой системы законодательства Российской Федерации.

Таким образом, право на защиту представляет собой фундаментальное познание о правовой сфере общественной жизни, раскрывающее свою

универсальность и практическую значимость в праве, представляя научную ценность для теории права.

Квинтэссенция диссертационного исследования в части универсальной идеи права на защиту сводится к тому, что право на защиту можно признать общеправовым принципом, который содержится во всех отраслях права. Кроме этого, все процессуальные правоотношения основываются на принципе права на защиту, поскольку сущность процессуальных правоотношений проявляется в осуществлении защиты и восстановлении нарушенных прав и законных интересов, правила и требования которых предусмотрены процессуальным законодательством РФ. Тем самым, дополняя общеправовую сущность межотраслевым аспектом, который направлен на защиту и восстановление нарушенных прав и законных интересов личности, право на защиту представлено межотраслевым принципом права.

В свою очередь, понимание общеправовой идеи права на защиту в сознании личности сводится к осмыслению потребности в ее реализации органами по отправлению правосудия. В данном случае, право на защиту приобретает единичный подход к своему пониманию. Единичность права на защиту как идеи, выражена в неотчуждаемом и неотъемлемом праве личности как высшей ценности, признание и соблюдение которого является обязанностью государства. Правовая идея в единичном подходе выражена в его содержательном значении, закрепленном в действующем законодательстве Российской Федерации: право на судебную защиту, право на обращение в суд, право на законный суд.

Исходя из современного подхода к пониманию права на защиту, законодатель предусмотрел процессы его реализации и соблюдения государственными органами и другими субъектами права. Однако правоприменительная значимость по соблюдению данной правовой идеи сводится к необходимости совершенствования действующего законодательства Российской Федерации. С учетом предложенных автором

диссертационного исследования изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, правовая идея права на защиту личности будет в полной мере отвечать требованиям международных актов и, безусловно, фундаментальность данной правовой идеи в теории права послужит выражению истинного знания о правовой сфере общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

3. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. № 67. 05.04.1995

4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

5. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (ред. от 02.08.2019) // Российская газета. № 27. 07.02.2014.

6. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. № 29. 11.02.2011.

7. Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. № 120. 29.06.1999.

8. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. № 3. 06.01.1997.

9. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. № 93. 16.05.1995.

10. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. № 138-139. 23.07.1994.

11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. № 49. 11.03.2015.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Российская газета. № 238. 21.12.2006.

13. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. № 1. 12.01.2005.

14. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. № 220.

20.11.2002.

15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. № 137. 27.07.2002.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. № 249. 22.12.2001,

17. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Российская газета, № 233, 28.11.2001.

19. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. № 242. 22.12.1998.

20. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. № 23. 06.02.1996; № 24. 07.02.1996; № 25. 08.02.1996; № 27. 10.02.1996.

21. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Российская газета. № 17. 27.01.1996.

22. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Российская газета. № N 238-239, 08.12.1994

23. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

24. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 29.10.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.

25. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы» (ред. от 14.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

Источники права и нормативные правовые акты, утратившие юридическую силу

26. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

27. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный ВС РСФСР 11.06.1964 (ред. от 31.12.2002) // Свод законов РСФСР. 1964. Т. 8. С. 175.

28. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О суде» // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 17.

29. Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 года «О Революционных Трибуналах (Положение)» // Известия ВЦИК. № 67. 27.03.1920.

30. Декрет ВЦИК «О суде» от 15 февраля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 26. Ст.420.

31. Декрет СНК «О суде» от 20 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

32. Декрет СНК «О Революционных Трибуналах» от 4 мая 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 35. Ст. 471.

33. Декрет ВЦИК и СНК от 10 марта 1921 г. «Положение о Высшем судебном контроле». // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97.

34. Декрет «Об объединении всех революционных трибуналов Республики» от 23 июня 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294.

35. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.03.1921 «Положение о высшем судебном контроле». // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97.

36. Декрет ВЦИК «Об усилении деятельности местных органов юстиции» от 25 августа 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР 1921 г. № 63. Ст. 456.

37. Закон 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда» // Полное собрание законодательств Российской империи. *Собрание третье. Т. 33. Ч. 1. № 39582. Стб. 650-651; Т. 32. Ч. 1. С. 662-663 // URL:* http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1957&regim=3 *(дата обращения 30.10.2018 г.)*

38. Закон о преобразовании местного суда: Текст Закона о мировых судах -- пост. объясн. Текст Закона о волост. судах -- пост. объясн. Изменения Уст. гр. судопр. -- текст и пост. объясн. Изменения Уст. уг. суд. -- текст и пост. объясн. Ст. Уст. о наказаниях, обязат. для волост. судов. Ст. Уг. улож. обязат. для мировых судов. Нагляд. табл. подсудности миров. и волост. судов / [Сост.] А.А. Васильев. СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина В.П. Анисимова, 1913. 248 с.

39. Закон РСФСР от 27.10.1960 (ред. от 16.01.1990) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

40. Закон РСФСР от 11.06.1964 (ред. от 21.03.1991) «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

41. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного

судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

42. Инструкция для временных судов от 22 марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 19/65.

43. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

44. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик» (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) (ред. от 29.10.1976) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936.

45. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

46. Новгородская судная грамота 1471 г. // URL: http://www.hrono.ru/dokum/1400dok/1471novgorsud.php (дата обращения 24.11.2018 г.)

47. Об образовании временных судов в Петрограде: приказ министра юстиции от 3 марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 7/53.

48. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. С-Пб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830-1851.

49. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]: [В 55-ти т. с указ.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830-1885.

50. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]: [В 33-х т.]. СПб.; Пг.: Гос. тип., 1885-1916.

51. Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1775 по 1817 июнь месяц: Содерж. в себе Учреждение о губерниях ее имп. вел. гос. имп. Екатерины II с доп. узаконениями гос. имп. Павла I и гос. имп. Александра I по 1817 г. июнь месяц. [Текст] СПб.: Сенат. тип., 1818. 235 с.

52. Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1775 по 1817 июнь месяц: Содерж. в себе Учреждение о губерниях ее имп. вел. гос. имп. Екатерины II с доп. узаконениями гос. имп. Павла I и гос. имп. Александра I по 1817 г. июнь месяц. СПб.: Сенат. тип., 1818. 235 с.

53. Положение об адвокатуре // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

54. Положение о коллегии защитников (утв. Наркомюстом РСФСР 05.07.1922) // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922-1925 гг. М., 1926.

55. Положение о коллективах членов коллегии защитников от 27

февраля 1932 г. // Советская юстиция. 1932. № 6–7.

56. Положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. // Хрестоматия по истории СССР. 1861 —1917. М.: Просвещение, 1990. С. 201-202.

57. Постановление Коллегии Наркомата Юстиции РСФСР «Работа консультационных коллективов ЧКЗ» от 11 января 1930 г. // Советская юстиция. 1930. № 4.

58. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

59. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1923. №№ 46; 47. Ст. 478.

60. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

61. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

62. Постановление Совета судей РФ от 30.01.2001 «О совершенствовании судебной системы» // Российская юстиция. 2001. № 6.

63. Положение о судоустройстве РСФСР. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 56 с.

64. Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам: 25 мая / 6 июня 1874 года поверенных по судебным делам (...Утв. 25 мая (6 июня) 1874 г.). / Доклад Комиссии о применении в С.-Петербургском столичном мировом округе высочайше утвержденного 6 июня 1874 года мнения Государственного совета о поверенных по судебным делам. Правила об установленных законом. Спб.: Тип. Р. Голике, 1874. 13 с.

65. Правила об устройстве судебной части, о производстве судебных дел в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках. Со включением статей по продолжениям 1906, 1908 и 1909 гг., а также сенатских и министерских разъяснений с приложением «Временных правил о волостном суде» / Сост.: Арефа Н.И. С.-Пб.: Кн. дело, 1912. 300 с.

66. Проект декрета № 1 о суде // Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. II. М.: Изд-во Наркомюста, 1918.

67. Программа партии Народной свободы (конституционной-демократической): [принята на учредительном съезде партии18 октября 1905 г.; изменения внесены на 2-м съезде 5 января 1906 г. и на 7-м съезде 25 марта 1917 года]. М.: Б. и., [1917]. 16 с.

68. Пространная Правда Русская // URL: http://www.rpravda.uniyar.ac.ru/book/rusprav_long.pdf (дата обращения

20.11.2018 г.)

69. Псковская судная грамота / Хрестоматия по истории СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVII века. / Сост.: В. И. Лебедев, М. Н. Тихомиров, В. Е. Сыроечковский. 4-е изд., испр. и доп. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1951. 545 с. // URL: http://arhiv.bibliotekar.ru/4-1-14-hrestomatiya-po-istorii/92.htm (дата обращения 24.11.2018 г.)

70. Российское законодательство X - XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т. 1 / отв. ред. В.Л. Янин; Под общ. ред.: Чистяков О.И. М.: Юрид. литература, 1984. 432 с.

71. Российское законодательство X -- XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9-ти томах. Т. 2. / отв. ред. А.Д. Горских; Под общ. ред.: Чистяков О.И. М.: Юрид. литература, 1985. 520 с.

72. Российское законодательство X -- XX веков: Акты Земских соборов. В 9-ти томах. Т. 3. / Отв. ред.: Маньков А.Г.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. М.: Юрид. лит., 1985. 512 с.

73. Российское законодательство X -- XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4. / Отв. ред.: Маньков А.Г.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.

74. Российское законодательство X - XX веков: Законодательство периода расцвета абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 5 / Отв. ред.: Индова Е.И.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. М.: Юрид. лит., 1987. 528 с.

75. Российское законодательство X -- XX веков: Законодательство первой половины XIX века. В 9-ти томах. Т. 6 / Отв. ред.: Чистяков О.И. (Под общ. ред.) М.: Юрид. лит., 1988. 432 с.

76. Российское законодательство X -- XX веков: Документы крестьянской реформы. В 9-ти томах. Т. 7 / Отв. ред.: Чистяков О.И. (Под общ. ред.) М.: Юрид. лит., 1989. 816 с.

77. Российское законодательство X -- XX веков: Судебная реформа. В 9-ти томах. Т. 8 / Отв. ред.: Чистяков О.И. (Под общ. ред.) М.: Юрид. лит., 1991. 496 с.

78. Руководство для устройства революционных трибуналов // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов № 238. 28.11.1917 г.

79. Русская правда в краткой редакции // URL: http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php (дата обращения 20.11.2018 г.)

80. Смоленские уставные грамоты. К 350-летию воссоздания Смоленской епархии Русской Православной Церкви (комментарий в контексте права) / Древнерусские княжеские уставы XI -- XV вв. М.: Наука, 1976. С. 141-146.

81. Соборное Уложение 1649 года // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm (дата обращения 27.11.2018 г.)

82. Судебник 1497 года / Хрестоматия по Истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов. М.: Изд-во Проспект, 2004. С. 36-43.

83. Судебник 1550 года // URL: http://www.hrono.ru/dokum/1500dok/1550sudeb.php (дата обращения 23.11.2018 г.)

84. Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебном и распорядительным решениям по сему предмету кассационных департаментов сената / Победоносцев К.П.; Вступ. ст.: Егоров П.А., Жуйков В.М., Никитин С.В., Руднев В.Н. М.: Статут, РАП, 2004. 431 с.

85. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. / Классика российского права (проект кампании Консультант+ при поддержке издательства «Статут» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк» // URL: http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

86. Указ Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» / Список актов конституционного значения 1600-1918 гг. // URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3080/ (дата обращения 02.12.2018 г.)

87. Указ Правительствующему Сенату // URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3300/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

88. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. / Сост.: Власов В.А.; Под ред.: Денисов А.И. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. 144 с.

89. Устав Воинский // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm (дата обращения 24.11.2018г.)

90. Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. Конец X – XII вв. // URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13619 (дата обращения 22.11.2018 г.)

91. Устав судопроизводства торгового. С разъяснениями / Сост.: Добровольский А.А. С.-Пб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1905. 374 с.

92. Учреждения для управления губерний // URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/ (дата обращения 30.11.2018 г.)

Постановления и разъяснения высших органов судебной власти и судебная практика

93. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 N 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушникова, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева» // Собрание законодательства РФ, 19.11.2018, N 47, ст. 7316 (Постановление).

94. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 5-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 215 и абзаца второго статьи 217 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.В. Барабаша и А.В. Исхакова» // Собрание законодательства РФ, 12.03.2012, № 11, ст. 1366.

95. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 18-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Шашарина» // Собрание законодательства РФ, 01.08.2011, № 31, ст. 4808.

96. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // Собрание законодательства РФ, 10.05.2010, № 19, ст. 2357.

97. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Собрание законодательства РФ, 08.02.2010, № 6, ст. 699 (Постановление).

98. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2006 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда» // Собрание законодательства РФ, 17.04.2006, № 16, ст. 1775.

99. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.2006 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» // Собрание законодательства РФ, 06.03.2006, № 10, ст. 1145.

100. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центронефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // Собрание законодательства РФ, 28.11.2005, № 48, ст. 5123.

101. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 01.03.2004, № 9, ст. 831.

102. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.1998 № 5-П «По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 09.02.1998, № 6, ст. 784.

103. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 N 2112-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сараева Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав главой 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 24.11.2018].

104. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 N 130-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мелешкова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 381 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 24.11.2018].

105. Определения Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 145-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Величковского Леонида Борисовича на нарушение его конституционных прав статьями 28, 29, 32, 33 и 222 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 4, 2012.

106. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 144-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Халимбековой Шамалы Шарабутдиновны положениями части 4 статьи 39, статей 270, 288 и 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 84, 13.05.2009.

107. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 623-О-П «По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 6, 2007.

108. Определение Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2005 г. № 113-О «По жалобе гражданина Маслова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями 1, 2 и 3 статьи 30.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета от 31.05.2005.

109. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 3-О «По жалобе ООО «Мемфис Дивижн» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 185 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 10. Ст. 1165.

110. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета, № 297, 29.12.2017.

111. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская газета, № 222, 03.10.2016.

112. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Российская газета, № 270, 30.11.2015.

113. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета, № 150, 10.07.2015.

114. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 140, 30.06.2015.

115. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // Российская газета, № 27, 07.02.2014.

116. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 30 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии» // Российская газета, № 295, 21.12.2012.

117. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета, № 156, 11.07.2012.

118. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета, № 127, 06.06.2012.

119. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.03.2011 № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Российская газета, № 57, 18.03.2011.

120. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (ред. от 23.06.2015) // Российская газета, № 109, 21.05.2010.

121. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 123, 08.07.2009.

122. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Российская газета. № 92, 03.05.2006.

123. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, 1998.

124. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (ред. от 03.03.2015) // Российская газета, № 247, 28.12.1995.

125. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (ред. от 24.11.2015) // Российская газета, № 297, 31.12.2006,

126. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 01.06.2017) // Российская газета, № 60, 25.03.2004.

127. Президиум Верховного Суда РФ 13.05.2015 «Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7, июль, 2015.

128. Президиум Верховного Суда РФ 05.02.2014 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014, № 5.

129. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2007 № 14307/06 по делу № А55-12796/2005 // Вестник ВАС РФ, 2007, № 7

130. Постановление Президиума ВАС РФ от 07.10.2008 № 5853/08 по делу № А50-11452/2007-А9 // Вестник ВАС РФ, № 1, 2009.

131. Постановление Верховного Суда РФ от 28.11.2018 № 65-АД18-1 // Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 19.12.2018].

132. Постановление Верховного Суда РФ от 08.11.2018 № 3-АД18-10 // Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 19.12.2018].

133. Определение Верховного Суда РФ от 01.02.2012 г. № 20-В11-28 / Документы опубликованы не были // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 03.09.2017].

134. Определение Верховного Суда РФ от 18.01.2012 г. № 5-Г11-196 / Документы опубликованы не были // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 03.09.2015].

135. Определение Верховного Суда РФ от 26.04.2011 № 21-В11-1 // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 18.06.2017].

136. Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2011 № 46-В10-27// СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 18.06.2015].

137. Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2011 г. № 78-В11-11 / Документы опубликованы не были // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 03.09.2012].

138. Определение Верховного Суда РФ от 13.04.2011 № 56-Г11-5 / Документы опубликованы не были // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 03.09.2012].

139. Определение Верховного Суда РФ от 02.03.2011 г. № 26-В11-3/ Документы опубликованы не были // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 03.09.2012].

140. Определение Верховного Суда РФ от 13.10.2009 № 20-Г09-22 // СПС КонсультантПлюс [Дата обращения 18.06.2011].

Научно-теоретические и публицистические труды дореволюционных авторов

1. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719-27 гг. [Текст] / М. Богословский; изд-е Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1902. 521 с.

2. Бородин Д.Н. Исторический очерк русской адвокатуры (к 50-летию присяж. адвокатуры). 1864 – 20 ноября – 1914. / Д.Н. Бородин Пг. : Петроградская коммерческая типо-лит., 1915. 101 с.

3. Васильев А.А. Закон о преобразовании местного суда: Текст Закона о мировых судах -- пост. объясн. Текст Закона о волост. судах -- пост. объясн. Изменения Уст. гр. судопр. -- текст и пост. объясн. Изменения Уст. уг. суд. -- текст и пост. объясн. Ст. Уст. о наказаниях, обязат. для волост. судов. Ст. Уг. улож. обязат. для мировых судов. Нагляд. табл. подсудности миров. и волост. судов. [Текст] / [Сост.] А.А. Васильев. СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. В.П. Анисимова, 1913. 248 с.

4. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. [Текст] / Е.В. Васьковский М.: Изд. Бр. Башмаковых. 1917. 429 с.

5. Григорьев В.Г. Реформа местного управления при Екатерине II. (Учреждение о губерниях). [Текст] / В.Г. Григорьев СПб.: Русская скоропечатня, 1910. 395 с.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т. 3. 2-е изд. / В.И. Даль С.-Пб–М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. 555 с.

7. Иконников В.С. Разбор сочинения В.М. Грибовского «Высший суд и надзор в России в первую половину государствования Екатерины II. Историко-юридическое исследования. Период: 28 июня 1762 -- 7 ноября 1775». [Текст] / В.С. Иконников С.-Пб.: Тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1901. 359 с.

8. Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории. [Текст] / В.О. Ключевский В 9 т. Т. V. М.: Мысль, 1988. 476 с.

9. Михайлов М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г.: Соч., напис. для получения степ. магистра граждан. права исправляющим должность адъюнкт проф., канд. прав М. Михайловым / М. Михайлов СПб.: Тип. Карла Крайя, 1848. 134 с.

10. Основы судебной реформы. (К 25-летию нового суда). Посвящается памяти С.И. Зарудного, Н.А. Буцковского, Д.Н. Замятнина [Текст] // Сб. ст. Со вступительной статьей акад. А.Ф. Кони и перепиской Г.А. Джаншиева с А.Ф. Кони; С приложением портрета Г.А. Джаншиева. М.: Задруга, 1914. 230 с.

11. Руководство для изучения полицейской службы. / [Сост. Ал. [!]] Щукин, пом. делопроизводителя Канцелярии С.-Петерб. градонач. Спб.: Тип. «Улей», 1913. 231 с.

12. Судебные уставы. Корректура и поправки сенатора С.И. Зарудного // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6.

Научная и учебная литература

13. Адзинова Е.А. Конституционное право на судебную защиту. [Текст] / Е.А. Адзинова // Российское правосудие. 2008. № 4 (24). С. 36-45.

14. Адзинова Е.А. Некоторые проблемы понимания конституционного права на судебную защиту. [Текст] / Е.А. Адзинова // Право и политика. 2004. № 7. С. 26-33.

15. Административное судопроизводство: Учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр). [Текст] / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016. 560 с.

16. Александрова А.В. Судебная власть в России в 1905 - 1917 гг. [Текст] / А.В. Александрова // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 15. М.: ООО «Издательство «Юрист», 2015. С. 14-19.

17. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Курс лекций: Учебное пособие. Вып. 1 [Текст] / Алексеев С.С.; Ред.: Красавчиков О.А. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. 265 с.

18. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. [Текст] / С.С. Алексеев Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. 396 с.

19. Алексеев С.С. Структура советского права. [Текст] / С.С. Алексеев М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.

20. Алексеевская Е.И. Мониторинг верховенства права и доступа в суд: 25 лет судебной реформе. [Текст] / Е.И. Алексеевская М.: Инфотропик Медиа, 2017. 176 с.

21. Андринатьева О.В. Аксиология как учение о ценностях права и методология понимания правовых явлений [Текст] / О.В. Андринатьева // Право Донецкой Народной Республики. 2016. № 4. С. 10-15.

22. Антонов Я.В. Конституционно-правовые перспективы развития электронного правосудия в России. [Текст] / Я.В. Антонов // Администратор суда. 2016. № 2. С. 10-15.

23. Барабаш А.С. Место и роль принципа в российском публичном уголовном процессе. [Текст] / А.С. Барабаш // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 68-84.

24. Барабаш А.С. О способе закрепления содержания принципа уголовного процесса, сфере его применения и его адресатах. [Текст] / А.С. Барабаш // Российский юридический журнал. 2018. № 3. С. 72-84.

25. Бахрах Д.Н. Подведомственность юридических дел и ее уровни. [Текст] / Д.Н. Бахрах // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 46-60.

26. Бевеликова Н.М. Конституционные основы судебной власти в Китае, Корее и Японии. [Текст] / Н.М. Бевеликова // Законодательство и экономика. 2011. № 3. С. 49-56.

27. Белинова О.А., Фомин В.Е. Ценность права и ценности в праве. [Текст] / О.А, Белинова, В.Е. Фомин // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1 (44). С. 29-33.

28. Белоусов Д.В. Электронное правосудие и его роль в организации судебной защиты в России. [Текст] / Д.В. Белоусов // Администратор суда. 2015. № 3. С. 20-22.

29. Беспалов Ю.Ф., Егорова О.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный, научно-практический). [Текст] 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: «Проспект», 2017. 736 с.

30. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. [Текст] / Н.С. Бондарь, А.А. Джагарян М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 224 с.

31. Бочкарёв С.А. Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления. [Текст] / С.А. Бочкарёв // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 73-80.

32. Бошно С.В. Теория государства и права: учебник. [Текст] /

С.В. Бошно. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. 408 с.

33. Бугаевский А.А. Гражданский процесс в его движении с приложением технических дел. [Текст] / А.А. Бугаевский. Л.: Военная типография, 1924. 109 с.

34. Виляк О.И. Конституционное право на законный суд в правоприменительной практике Европейского суда по правам человека и российских судов. [Текст] / О.И. Виляк // Современное право. 2011. № 5. С. 92-98.

35. Верещагина А.В. Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание. [Текст] / А.В. Верещагина // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 101-108.

36. Владимирский-Буданов В.Ф. Обзор истории русского права. [Текст] / В.Ф. Владимирский-Буданов Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 640 с.

37. Власов В.И. История судебной власти в России. Книга первая (1019-1917). [Текст] / В.И. Власов М.: Спутник+, 2003. 622 с.

38. Власов Е.Е. Вьетнамское государство в процессе обновления страны (тридцатилетию начала политики «Дой Мой») / Е.Е. Власов. // Ойкумена. 2016. № 2. С. 137-146.

39. Воложанин В.П. Понятие юрисдикции по гражданским делам. [Текст] В.П. Воложанин // Проблемы защиты гражданских прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль: Изд-во УрГЮА, 1979. С. 132-135.

40. Волос А.А. Принципы гражданского права и их аксиология. [Текст] / А.А. Волос // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 238-245.

41. Гаврилова Ю.А. Правовые ценности и смысл права. [Текст] / Ю.А. Гаврилова // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 35-39.

42. Гайдидей Ю.М. Судебное право: вопросы истории. [Текст] / Ю.М. Гайдидей // История государства и права. 2010. № 8. С. 11-12.

43. Галиев М.С. Влияние правил подсудности на отмену судебного акта. [Текст] / М.С. Галиев // Инновационный потенциал региона: перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 20-22 марта 2012 года. Петропавловск-Камчатский: Камчатский филиал АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», 2013. С.134-142.

44. Галиев М.С. Влияния правил подсудности на реализацию конституционного права на судебную защиту. [Текст] / М.С. Галиев // Конституция Российской Федерации – основа стабильности и развития государственности: материалы краевой научно-практической конференции 12 декабря 2013 года. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Правительства Камчатского края: Камчатпресс, 2014. С. 81-86.

45. Галиев М.С. Исторический обзор правил подсудности гражданских дел в период становления абсолютизма XVIII в. [Текст] / М.С. Галиев // Право и государство: теория и практика. 2013. № 10. С. 84-88.

46. Галиев М.С. История развития подсудности в период действия устава гражданского судопроизводства 1864 г. [Текст] / М.С. Галиев // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2011. С. 46-51.

47. Галиев М.С. К вопросу о взаимосвязи права на защиту с общеправовыми принципами права. [Текст] / М.С. Галиев // Право и государство: теория и практика, 2018. № 2. С. 10-14.

48. Галиев М.С. К вопросу о перегруженности судов общей юрисдикции (на примере деятельности судов общей юрисдикции Камчатского края). [Текст] / М.С. Галиев // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященные 20-летию юридического факультета Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина 04 ноября 2013 года / отв. ред. А.В. Малько; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Вып. 2. Рязань: Изд-во «Концепция», 2013. С. 160-164.

49. Галиев М.С. К вопросу о правовых последствиях нарушения права на законный суд (часть 1). / М.С. Галиев // Современное право. 2014. № 3. С. 74-79.

50. Галиев М.С. К вопросу о правовых последствиях нарушения права на законный суд (часть 2). [Текст] / М.С. Галиев // Современное право. 2014. № 4. С. 104-107.

51. Галиев М.С. Подсудность гражданских дел как условие реализации права на судебную защиту. [Текст] / М.С. Галиев // Гражданское общество и некоторые государственные институты современной России: монография / Под науч. и общ. ред. В.В. Гошуляка, Г.В. Свинцова. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2015. С. 41-73.

52. Галиев М.С. Правила подсудности в период образования русского централизованного государства (историко-правовой аспект). [Текст] / М.С. Галиев // Право и государство: теория и практика. 2015. № 11. С. 38-40.

53. Галиев М.С. Право на защиту и его роль в построении гражданского общества. [Текст] / М.С. Галиев // Вопросы современного гражданского общества: продовольственная безопасность, проблемы экономики, права и образования. Материалы международной научно-практической конференции 26 апреля 2016 года. Петропавловск-Камчатский: Камчатский филиал АНО ОВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», 2016. С. 61-74.

54. Галиев М.С. Право на защиту как общеправовой принцип права в эпоху цифровой трансформации. [Текст] / М.С. Галиев // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8. С. 60-62.

55. Галиев М.С. Правовое закрепление принципа защиты прав и свобод человека и гражданина в Древней Руси. [Текст] / М.С. Галиев // Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и сотрудников кооперативных вузов «Наука,

образование, кооперация: проблемы и перспективы развития» -- 9 февраля 2017 года. Ярославль-Москва, 2017. С. 676-680.

56. Галиев М.С. Правовое регулирование и реализация права на защиту в период судебной реформы 1864 г. [Текст] / М.С. Галиев // Юридическая мысль. 2016. № 5 (97). С. 8-14.

57. Галиев М.С. Правовой анализ правил подсудности кассационной инстанции. [Текст] / М.С. Галиев // Актуальные вопросы социально-экономического реформирования государства и общества. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 2-3 апреля 2013 года. Петропавловск-Камчатский: Камчатский филиал АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», 2013. С.187-192.

58. Галиев М.С. Правовой анализ правил подсудности при процессуальном соучастии. [Текст] / М.С. Галиев // Инновации в научных исследованиях современного общества. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию А.В. Чаянова. Ярославль-Москва: Изд-во «Канцлер», 2013. С. 479-482.

59. Галиев М.С. Правовой анализ правил подсудности суда как условие реализации права на защиту в Социалистической Республике Вьетнам. [Текст] / М.С. Галиев // Юридическая мысль. 2016. № 2 (94). С. 138-144.

60. Галиев М.С. Принцип законности в регулировании правил подсудности гражданских дел. [Текст] / М.С. Галиев // Правосудие по гражданским делам: проблемы и перспективы развития». Материалы международной научно-практической конференции 28 сентября 2012 года. СПб: Северо-западный филиал РАП. 2012. С. 87-89.

61. Галиев М.С. Реализация права на защиту вещных прав посредствам правил подсудности по нормам Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 года. [Текст] / М.С. Галиев // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 28 апреля 2016 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. Рязань: Изд-во «Концепция», 2016. С. 161-165.

62. Галиев М.С. Реализация права на защиту как правовой категории в странах азиатско-тихоокеанского региона (на примере Китайской народной республике). [Текст] / М.С. Галиев // Потенциал Камчатского края на развитие интеграционных процессов Дальневосточных регионов России и стран АТР. Материалы международной научно-практической конференции 05 апреля 2018 года. Петропавловск-Камчатский: Камчатский филиал АНО ОВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», 2018. С. 57-61.

63. Галиев М.С. Реализация принципа диспозитивности в институте подсудности гражданских дел. [Текст] / М.С. Галиев // Современные тенденции развития экономики, управления и права в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции 25 апреля 2014 года. Петропавловск-Камчатский: Камчатский филиал АНОО ВО Центросоюза РФ

«Российский университет кооперации», 2014. С. 203-208.

64. Галиев М.С., Войтович Л.В. Подведомственность и подсудность дел судам общей юрисдикции и арбитражным судам: учеб. пособие [Текст] / М.С. Галиев, Л.В. Войтович. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2010. 130 с.

65. Гиндельбранд Д. Этика. / Перевод с немецкого А.И. Смирнова. СПб.: Алетея, 2001. 569 с.

66. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. [Текст] / Решетникова И.В., Ярков В.В.; Редкол.: Алексеев С.С., Белых В.С., Казаков А.В., Пиликин Г.Г., Плетнев В.А., Стоякин Г.Я., Якушев В.С., Ярков В.В. М., Екатеринбург: Норма, 1999. 312 с.

67. Гражданский процесс России: Учебник / Под ред. М.А. Викут. [Текст] М.: Юристъ, 2005. 480 с.

68. Гражданский процесс. Учебник. / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота [Текст] М.: Гардарика, Проспект, 1996. 480 с.

69. Гражданский процесс: учебник. / Под ред. В.В. Ярков. 6-е изд., перераб. и доп. [Текст] М.: Волтерс Клувер, 2006. 703 с.

70. Гражданский процесс: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М.К. Треушникова. [Текст] М.: Статут 2014. 480 с.

71. Гражданское процессуальное право: учебник / Алехина С.А., Блажеев В.В., Боннер А.Т. и др.; под ред. Шакарян М.С. [Текст] М.: Велби: проспект, 2004. 584 с

72. Гриценко Е.В. Защита субъективных публичных прав в России: универсальные стандарты доступа к правосудию. / Е.В. Гриценко // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 65-77.

73. Грось Л.А. О значении правильного определения подсудности гражданского дела. [Текст] / Л.А. Грось // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 5-8.

74. Гукасян Р.Е. Реализация конституционного права на судебную защиту // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. Межвузовский тематический сборник. [Текст] / Р.Е. Гукасян Калинин: Изд-во Калин. ун-та, 1982. С. 3-13

75. Гусев Л.Н. Подсудность уголовных дел. [Текст] / Л.Н. Гусев М.: Госюриздат, 1955. 110 с.

76. Джанишиев Г. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. [Текст] / Г. Джаншиев. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1891. 432 с.

77. Дроздова А.А. Развитие судебной системы и судебной реформы в России. [Текст] / А.А. Дроздова // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 15. М.: ООО «Издательство «Юрист», 2015. С. 116-121.

78. Елисеев Н.Г. Подсудность дел, связанных с недвижимостью. [Текст] / Н.Г. Елисеев // Объекты гражданского оборота: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007.

79. Ерохина Т.П., Захаров В.Н. Вопросы теории и практики института

подсудности в гражданском процессе. [Текст] / Т.П. Ерохина, В.Н. Захаров. // Актуальные проблемы процессуальной цивилистической науки. Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессора М.А. Викут. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. С. 36-40.

80. Ефремова Н.Н. Доступность правосудия как гарантия прав личности на судебную защиту в прошлом и настоящем России. [Текст] / Н.Н. Ефремова // В кн.: Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении. Материалы двенадцатых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. / Отв. ред.: В. Графский. М.: НОРМА, 2018. С. 116-121.

81. Ефремова Н.Н. Институты судебного права по Русской Правде. / Н.Н. Ефремова [Текст] // В кн.: Тысячелетие Правды Русской: история и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права. Сборники научных трудов. / Отв. ред.: Н.В. Дунаева. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2017. С. 178-189.

82. Ефремова Н.Н. Личный и публичный интересы в правосудии: на примере российской истории последней четверти XVIII в. [Текст] / Н.Н. Ефремова // Государство и право. 2017. № 12. С. 84-91.

83. Ефремова Н.Н. Преобразования суда в период Великой российской революции: юридические и идеологические основания, институты юстиции (ретроспективный обзор). [Текст] / Н.Н. Ефремова // В кн.: Материалы международной научно-практической конференции: Государство и право в эпоху революционных преобразований (к 100-летию революции в России). М.: РГУП, 2017. С. 186-193.

84. Ефремова Н.Н. Проблема правоприменительных рисков в истории введения Судебных уставов 1864 г. в Российской империи в условиях социокультурного плюрализма. [Текст] / Н.Н. Ефремова // В кн.: Современные риски и право: правовые средства предупреждения, управления, защиты / XVIII Международная научная конференция. М.: РГГУ, 2018. С. 64-70.

85. Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII—XIX вв.) [Текст] / Н.Н. Ефремова // Право. 2009. № 1. С. 21-35.

86. Ефремова Н.Н., Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду. [Текст] / Н.Н. Ефремова, М.В. Немытина, Ц.Ц. Михеева // Былые годы. 2017. Т. 46. Вып. 4. С. 1416-1432.

87. Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества. [Текст] / Ю.А. Жданова // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 80-83.

88. Жеруолис И. Сущность советского гражданского процесса. [Текст] / И. Жеруолис; Редкол.: Булота А., Вансявичюс С., Жеруолис И., Жюрлис А. (Отв. ред.), Пальскис Е. Вильнюс: Минтис, 1969. 204 с.

89. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. [Текст] / Г.А. Жилин М.: Проспект, 2010. 573 с.

90. Жуйков В.М. О некоторых проблемах проверки судебных постановлений по гражданским делам. [Текст] / В.М. Жуйков // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 6. С. 26-30.

91. Заболоцкая Т.В., Ефимова Д.А. Судебный процесс в средневековой Руси. [Текст] / Т.В. Заболоцкая, Д.А. Ефимова. // История государства и права. 2007. № 4. С. 19-20.

92. Зайков Д.Е. Процессуальные принципы: проблемы правового регулирования. [Текст] / Д.Е. Зайков // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 113-121.

93. Зарубина М.Н., Новикова М.М. К вопросу о сущности электронного правосудия в Российской Федерации. [Текст] / М.Н. Зарубина, М.М. Новикова. // Администратор суда. 2017. № 1. С. 9-12.

94. Захаров В.В. Словесные суды в системе отечественной гражданской юрисдикции первой половины XIX в. [Текст] / В.В. Захаров // История государства и права. 2010. № 8.С. 22-23.

95. Зимин А.А. О сложении приказной системы на Руси. Доклады и сообщения Института истории АН СССР. [Текст] / А.А. Зимин. Вып. 3. М.: Мысль, 1954. С. 164-176.

96. Иванов А.А. О глубине машинизации права. [Текст] / А.А. Иванов // Закон. 2018. № 5. С. 35-41.

97. Ильина О.Ю. Проблемы разграничения подсудности по делам, возникающим из брачно-семейных отношений. [Текст] / О.Ю. Ильина // Гражданское право. 2007. № 3. С. 37-39.

98. Ильяшенко К.В. Судебное представительство в России до 1917 г. (исторический аспект). [Текст] / К.В. Ильяшенко. // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 219-227.

99. Исаев И.А. Судебная реформа 1864 г.: цели и противоречия. [Текст] / И.А. Исаев. // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 15. М.: ООО «Издательство «Юрист», 2015. С. 148-150.

100. Исаенкова О.В., Демичев А.А. Гражданское процессуальное право России: учебник. [Текст] / О.В. Исаенкова, А.А. Демичев. М.: Норма, 2009. 448 с.

101. История российского правосудия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». [Текст] / А.А. Воротынцева и др.; под ред. Н.А. Колоколов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 447 с.

102. Казачкова З.М., Аносов А.В. Электронное правосудие: синтез права, технологических прорывов и процессуальных инструментов. [Текст] / З.М. Казачкова, А.В. Аносов // Информационное право. 2015. № 4. С. 13-16.

103. Калякина А.В. Судебная реформа 1864 года: модели местного правосудия. [Текст] / А.В. Калякина // Мировой судья. 2017. № 10. С. 3-7.

104. Камалова Г.Т. Характер деятельности советской адвокатуры в годы НЭПа. [Текст] / Г.Т. Камалов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15. № 3. С. 12–18

105. Карташкин В.А. Отраслевые международные принципы прав человека [Текст] / В.А. Карташкин // Современное право. 2018. № 5. С. 111-118.

106. Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность. [Текст] / А.А. Карцхия // Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17-26.

107. Кириллов А.Е. Процессуальные основы электронного правосудия. [Текст] / А.Е. Кириллов // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 220-228.

108. Кирин В.А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. [Текст] / В.А. Кирин М.: Юридич. лит., 1978. 280 с.

109. Кодан С.В. Внешняя история права в структуре Российского правоведения (вторая четверть XIX -- начало XX в.). [Текст] / С.В. Кодан // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 178-184.

110. Кодан С.В. Изучение взаимодействия национального и международного права в Российской империи в контексте развития отечественной историко-юридической науки. [Текст] / С.В. Кодан // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 183-188.

111. Кодан С.В. Имперские параметры государства и права в России (вторая половина XVII -- начало XX века). [Текст] / С.В. Кодан // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 16-18.

112. Кодан С.В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX -- начало XX века). [Текст] / С.В. Кодан // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 171-178.

113. Комментарий к Конституции Российской Федерации (по состоянию на 15 июля 2014 г.) [Текст] / Под ред. проф. С.А. Комарова. СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт Петербург), 2014. 538 с.

114. Кондрашов И., Иванов А., Цшайге Х., Пронин А., Серго А., Гаштайер Т., Вашкевич А., Квитко Р., Нестеренко А., Савельев А., Переверзев С., Калятин В., Будылин С. LegalTech и юристы будущего. [Текст] / И. Кондрашов и др. // Закон. 2017. № 11. С. 20-36.

115. Коновалов А.В. К вопросу о понятии принципов права. [Текст] / А.В. Коновалов // Lex russica. 2018. № 8. С. 81-87.

116. Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. [Текст] М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. 1037 с.

117. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1)) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/ (дата обращения 25.12.2018)

118. Коробейникова Е.С. Принципы уголовного процесса: понятие, назначение. [Текст] / Е.С. Коробейникова // Российский следователь. 2018. №

6. С. 15-18.

119. Краковский К.П. Конституционная реформа в России начала XX в. / В кн. Памятники российского права. Т. XIX. [Текст] / К.П. Краковский, А.С. Туманова М.: Юрлитинформ, 2015. 535 с.

120. Краковский К.П. Проведение судебной реформы в России. Часть I (Посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.). [Текст] / К.П. Краковский // Северокавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 20–25.

121. Краковский К.П. Проведение судебной реформы 1864 г. в России. Часть 2 (Посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.). [Текст] / К.П. Краковский // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. №4. С. 18-30.

122. Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки. [Текст] / К.П. Краковский // Журнал Российского права. 2014. № 12. С. 16-31.

123. Краковский К.П. Земские начальники и мировая юстиция (реформа местного суда 1889 г.). [Текст] / К.П. Краковский // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. Вып. 1 (19). С. 53-95.

124. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. Т. 1. [Текст] / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин; Нац. обществ.-науч. фонд, Ин-т развития права и судеб. практики. М.: Мысль, 2003. 701 с.

125. Лазарев Б.М. О компетенции органа Советского государства. [Текст] / Б.М. Лазарев [Текст] // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 42-53.

126. Лаптева Л.Е. История отечественного государства и права. Учебник для бакалавров. 2-е изд. [Текст] / Под ред. Л.Е. Лаптевой. М.: Издательство Юрайт, 2013. 682 с.

127. Лонская С.В. Мировая юстиция в России: Монография. [Текст] / С.В. Лонская. Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 2000. 215 с.

128. Лонская С.В. Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864– 1917 гг.). [Текст] / С.В. Лонская М.: Юрлитинформ, 2013. 168 с.

129. Любавин А.А. Понятие и виды подсудности в советском уголовном процессе [Текст] / А.А. Любавин // Труды Томского гос. ун-та имени В.В. Куйбышева. Т.137. Томск, 1957. С. 113-128.

130. Любимова Е.В. Влияние электронного правосудия на вопросы подсудности гражданских и административных дел Любавин А.А. Понятие и виды подсудности в советском уголовном процессе. [Текст] / Е.В. Любимова // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 200-210.

131. Максимова О.Д. Роль Д. И. Курского в формировании идей советского права и в законотворчестве. [Текст] / О.Д. Максимова // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 225-236.

132. Максимова О.Д. Законотворчество в Советской России в 1917–

1922 годах. Монография [Текст] / О.Д. Максимова М.: Зерцало-М, 2011. 404 с.

133. Максимова О.Д. Законотворчество в СССР в 1922–1936 годах. Монография [Текст] / О.Д. Максимова М.: Зерцало-М, 2014. 400 с.

134. Марочкин С.Ю. Взаимодействие правовых систем как общий вектор развития (отношение международного сообщества к принципу верховенства права: намерения и реальность). [Текст] / С.Ю. Марочкин // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 15-25.

135. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: Монография. [Текст] / С.Ю. Марочкин М.: Норма, Инфра-М, 2011. 288 с.

136. Михайлова Е.В. Судебная реформа 1864 года и ее влияние на гражданское судопроизводство. [Текст] / Е.В. Михайлова // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 66-68.

137. Москалева О. Опасности, которые таит цифровизация. [Текст] / О. Москалева // Жилищное право. 2017. № 10. С. 63-72.

138. Немытина М.В. Российское самодержавие и Судебная реформа 1864 г. [Текст] / М.В. Немытина // Государство и право. 2015. № 5. С. 92-98.

139. Немытина М.В. Цивилизационно-культурный подход в правоведении. [Текст] / М.В. Немытина // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4 (37). С. 28–40.

140. Нефедовский Г.В. Аксиологические проблемы современной юридической науки. [Текст] / Г.В. Нефедовский // Право и практика. 2013. № 1. С. 39-46.

141. Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права. [Текст] / Т.Н. Нешатаева // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 124-140.

142. Общая теория права и государства: учебник. [Текст] / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 592 с.

143. Общая теория государства и права: Академический курс / М.Н. Марченко, С.Н. Бабурин и др.; Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. Т. 2. 816 с.

144. Овчинников В.А., Антонов Я.В. Электронное правосудие как проект электронной демократии: перспективы реализации в России. [Текст] / В.А. Овчинников, Я.В. Антонов // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 5. С. 3-7.

145. Олейник И.И. Изменение организационных принципов деятельности советских коллегий защитников в начале 1930-х гг. / И.И. Олейник // European research. 2015. № 9 (10). URL: https://vivliophica.com/articles/law/98876 (дата обращения 30.11.2018).

146. Осипов Ю.К. Подведомственность и подсудность гражданских дел. [Текст] / Ю.К. Осипов М.: Госюриздат, 1962. 112 с.

147. Осипян Б.А. Русский Судебник 1497 г. как право-идеологическая основа зарождения централизованного государства. [Текст] / Б.А. Осипян // История государства и права. 2011. № 4. С. 23-27.

148. Пагава Т.Л. Развитие института защиты нарушенных прав в исторической ретроспектив. [Текст] / Т.Л. Пагава // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 2. С. 105-110.

149. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. [Текст] / Н.П. Павлов-Сильванский М.: Наука, 1988. 700 с.

150. Пашин С.А. Становление правосудия. [Текст] / С.А. Пашин. М.: Р. Валент, 2011. 456 с.

151. Перевалов В.Д. Взаимодействие правовых систем: теоретические аспекты. [Текст] / В.Д. Перевалов // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 7-14.

152. Пермиловский М.С. Конституционная аксиология прав человека: триада права, справедливости и конституционной ценности. [Текст] / М.С. Пермиловский // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 11-4. С. 4-6.

153. Плешанов А.Г. Развитие принципов цивилистического процесса в свете намечающейся реформы процессуального законодательства России. [Электронный ресурс] / А.Г. Плешанов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 3. С. 42-49.

154. Поляков С.Б. Легальные и реальные принципы права [Текст] / С.Б. Поляков // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 17-28.

155. Попов А.А. Ценности свободы и справедливости в контексте аксиологии права. [Текст] / А.А. Попов // Право Донецкой Народной Республики. 2016. № 1. С. 22-31.

156. Попова А.В. Взаимозависимость личности и государства в трудах представителей российской неолиберальной политико-правовой доктрины на рубеже XIX – XX вв. [Текст] / А.В. Попова // Проблемы формирования нового российского права и новой российской государственности: на пути движения к «чистому золоту права». / Сб. мат-лов I Всероссийской научной конференции. К юбилею профессора Н.А. Придворнова. 2 февраля 2015 г. / Отв. ред. В.В. Трофимов. Тамбов: Издат. Дом ТГУ им. М.Г. Державина, 2015. С. 325-336.

157. Попова А.В. Проблемы институализации государства в российском неолиберализме в начале XX в.: монография. [Текст] / А.В. Попова М.: Изд-во Юрлитинформ, 2017. 192 с.

158. Попова А.В. Российская неолиберальная политико-правовая доктрина конца XIX -- начала XX вв. о роли судьи в формировании социального правового государства. [Текст] / А.В. Попова // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 12-16.

159. Попова А.В. Социальное правовое государство как государственно-правовой идеал в российской неолиберальной политико-правовой доктрине. [Текст] / А.В. Попова // Правовое государство: проблемы понимания и реализации / Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (16 – 17 апреля 2015 г., г. Уфа) / отв. ред.

Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 54-59.

160. Попова А.В. Теория государства и права: учебное пособие. / А.В. Попова. М.: Инфра-М, 2019. 365 с.

161. Правовые системы мира. Энциклопедический словарь. [Текст] / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2003. 976 с

162. Правосудие в современном мире: монография. [Текст] / В.И. Анишина, В.Ю. Артемов, А.К. Большова и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.

163. Примак Т.К., Орлова К.А. Судебная реформа 1864 года. [Текст] / Т.К. Примак, К.А. Орлова // Мировой судья. 2016. № 10. С. 11-16.

164. Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. тр. [Текст] Вып. 4 / Под ред. доц. В. В. Бутнева; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2014. 148 с.

165. Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. [Текст] Ярославль: ЯрГу, 1979. 618 с.

166. Пучков О.А. Судебные интерпретационные акты в российском праве: юридико-герменевтический аспект. [Текст] / О.А. Пучков // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 34-39.

167. Рожкова М.А. К вопросу о содержании понятий «компетентный суд» и «подведомственность дела». [Текст] / М.А. Рожкова // Журнал российское право. 2006. № 1. С. 19-29.

168. Российская юридическая энциклопедия. [Текст] / [Абова Т. Е. и др.]; Гл. ред. А. Я. Сухарев. М.: ИНФРА-М, 1999. 1110 с.

169. Россинский С.Б. О практике реализации уголовно-процессуального принципа охраны прав и свобод человека и гражданина при производстве следственных действий. [Текст] / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8. С. 133-141.

170. Руденко В.Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека. [Текст] / В.Н. Руденко // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17. № 4. С. 115-127.

171. Рябцева Е.В. Электронная форма осуществления правосудия: уголовно-процессуальный аспект. [Текст] / Е.В. Рябцева // Администратор суда. 2017. № 1. С. 12-16.

172. Сахнова Т.В. О сущности судебной защиты в гражданском процессе. [Текст] / Т.В. Сахнова // Российское правосудие. 2006. № 7. С. 22-35.

173. Сахнова Т.В. Актуальные проблемы цивилистического процесса: учеб.-метод. пособие. [Текст] / Т.В. Сахнова Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 73 с.

174. Селина Е.В. Электронное и дистанционное правосудие: вызовы времени и перспективы. [Текст] / Е.В. Селина // Администратор суда. 2016. № 3. С. 12-15.

175. Семенов С.Н., Абрамова С.А. Разграничение подведомственности

между арбитражными судами и судами обшей юрисдикции. [Текст] / С.Н. Семенов, С.А Абрамова //Арбитражная практика. 2004. № 1. С. 32-37.

176. Смирнов В.Н. Адвокатура в годы хрущевской «оттепели» и развитого социализма (1956--1985). [Текст] / Смирнов В.Н. // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 197-213.

177. Смирнов В.Н. Партийно-государственное руководство адвокатурой в довоенное время: 1922--1940 гг. [Текст] / В.Н. Смирнов // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 151-168.

178. Смирнова И.Г. Ценность как основная категория аксиологии и ее значение в праве. [Текст] / И.Г. Смирнова // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 5. С. 144-148.

179. Смирнов И.И. Судебник 1550 г. [Текст] / Исторические записки. Кн. 24. / И.И. Смирнов М.: АН СССР, 1947. С. 267-352.

180. Соколов Н.А. Особенности электронного правосудия в арбитражных судах России. [Текст] / Н.А. Соколов // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 3-6.

181. Соломатин Е.Н. Формирование советской адвокатуры в условиях судебной реформы 1922 – 1930-ые гг. [Текст] / Е.Н. Соломатин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2009. Вып. 2-1. С. 252-258.

182. Соловьева Т.В. Возвращение искового заявления в гражданском судопроизводстве. [Текст] / Т.В. Соловьев / Под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. 156 с.

183. Стецовский Ю.И. Судебная власть: учебное пособие [Текст] / Ю.И. Стецовский М.: Дело, 1999. 400 с.

184. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. [Текст] / М.С. Строгович. Т. 1. М.: Наука, 1968. 469 с.; Т. 2. М.: Наука, 1970. 516 с.

185. Строгович М.С., Алексеева Л.Б., Ларин А.М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. [Текст] / М.С. Строгович, Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин; Отв. ред.: Савицкий В.М. М.: Наука, 1979. 319 с.

186. Стучка П. Классовый или демократический суд. / П. Стучка // Правда. 1917. № 185.

187. Стучка П. Пять лет революции права. / П. Стучка // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44-45.

188. Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию прав [Текст]: сборник статей. 1917 – 1930 / П. Стучка. М.: Государственное юридическое издательство, 1931. 333 с.

189. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистской-ленинской теории права. / П.И. Стучка; Сост.: Клява Г.Я. Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. 748 с.

190. Теория государства и права: курс лекций / под. ред. Н.И. Матузова

и А.В. Малько. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 640 с.

191. Теория государства и права: Учебник / Отв. ред. В.Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. 496 с.

192. Теория государства и права: ученик / А.А. Гогин, Д.А. Липинский, А.В. Малько и др..; под. ред.. А.В. Малько, Д.А. Липинского. М.: Проспект, 2016. 328 с.

193. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. [Текст] / Тихомиров М.Ю., Тихомирова Л.В.; Общ. ред.: Тихомиров М.Ю. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Юринформцентр, 2001. 927 с.

194. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. [Текст] / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.

195. Томашевский К.Л. Аксиология трудового права как учение о ценностях в сфере труда. [Текст] / К.Л. Томашевский // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 220-228.

196. Трофимова М.С. История развития апелляции в гражданском процессе России: прошлое, настоящее, будущее. [Текст] / М.С. Трофимова // История государства и права. 2010. № 5. С. 2-5.

197. Туманова Л.В. Кодекс административного судопроизводства: хорошее должно быть лучшим. [Текст] / Л.В. Туманова // Судья. 2018. № 11. С. 18-20.

198. Уено М. Гарантии основных прав в Японии. [Текст] / М. Уено // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 135-141.

199. Ха Шуцзюй. Новые тенденции развития гражданско-процессуальной системы КНР [Текст] / Шуцзюй Ха // Lex russica. 2014. № 1. С. 33-40.

200. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. [Текст] / Т.Я. Хабриева М.: Наука РАН, 2016. 320 с.

201. Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни. [Текст] / П. Хлебников // Жилищное право. 2017. № 9. С. 93-102.

202. Холопов А.В. Антропологическое измерение аксиологии права. [Текст] / А.В. Холопов // Криминалистъ. 2018. № 1 (22). С. 82-88.

203. Цветов П.Ю. Новая Конституция Вьетнама: усиливается акцент на права человека и гражданина. [Текст] / П.Ю. Цветов // Азия и Африка сегодня. 2014. № 6 (683). С. 20-23.

204. Цинцадзе Н.С. Классификация и иерархия правовых ценностей в теории права. [Текст] / Н.С. Цинцадзе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2(130). С. 189-194.

205. Цинцадзе Н.С. Концептуальные аспекты аксиологической теории права. [Текст] / Н.С. Цинцадзе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 5 (121). С. 251-259.

206. Цинцадзе Н.С. Соотношение государственно-правовых ценностей и приоритетов в аксиологии государства и права. [Текст] / Н.С. Цинцадзе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2 (40). С. 43-52.

207. Чеботарева А.А. Эволюция института прав человека в условиях

развития информационного общества. [Текст] / А.А. Чеботарев // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 6. С. 27-33.

208. Черноголовкин Н.В. Функции Советского государства в период развернутого строительства коммунизма. [Текст] / Н.В. Черноголовкин М.: Госюриздат, 1960. 191 с.

209. Чжихуа В. Судебные разъяснения в развитии гражданского права Китайской Народной Республики. [Текст] / В. Чжихуа // Российский судья. 2012. № 4. С. 34-36.

210. Чудиновских К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. [Текст] / К.А. Чудиновских СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 306 с.

211. Шакарян М.С. Приоритет судебной защиты субъективных прав человека и гражданина. [Текст] / М.С. Шакарян // Общая теория прав человека. / Отв. ред.: Лукашева Е.А. М.: Норма, 1996. С. 225-239.

212. Шамшурин Л.Л. Доступность правосудия как гарантия реализации права на судебную защиту в сфере гражданской юрисдикции. [Текст] / Л.Л. Шамшурин // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 1. С. 5-8; № 2. С. 5-8.

213. Шарифуллин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Элементы электронного правосудия. [Текст] / Р.А. Шарифуллин, Р.С. Бурганов, Р.Г. Бикмиев // Российский судья. 2018. № 6. С. 57-62.

214. Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: К 150-летию Судебной реформы в России. [Текст] / С.М. Шахрай, К.П. Краковский. М.: Кучково поле, 2014. 536 с.

215. Шеменева О.Н. Мировой судья в гражданском процессе. Монография [Текст] / Шеменева О.Н. М.: Ось-89, 2006. 144 с.

216. Шергин А.П. Административная юрисдикция. [Текст] / А.П. Шергин М.: Юрид. лит-ра. 1979. 144 с.

217. Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории). [Текст] / В.М. Шерстюк М.: Изд-во МГУ, 1989. 133 с.

218. Энгельман И.Е. Курс гражданского судопроизводства. [Текст] / И.Е. Энгельман. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 646 с

219. Юрковский А.В. Конституционно-правовая эстология: исследование интересов в конституционном праве и интересов конституционно-правового регулирования методами конституционно-правовой аксиологии. [Текст] А.В. Юрковский // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1. С. 43-51.

220. Юрковский А.В. Особенности судебных систем в странах Северо-Восточной Азии. [Текст] / А.В. Юрковский // Российский судья. 2009. № 8. С. 29-32.

221. Яковлев В.Ф. Публичное и частное право: процессуальные формы их взаимодействия. [Текст] / В.Ф. Яковлев // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и

юридической практики: Материалы конференции. Екатеринбург, 1999.

222. Якубина Ю.П., Выходов А.А. Содержание принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. [Текст] / Ю.П. Якубина, А.А. Выходов // Современное право. 2018. № 3. С. 95-98.

223. Якушев В.С. О понятии правового института. [Текст] / В.С. Якушев // Правоведение. 1970. № 6. С. 61-67.

224. Ярков В.В. Принципы административного судопроизводства: общее и особенное. [Текст] / В.В. Ярков // Закон. 2016. № 7. С. 52-60.

Диссертации, авторефераты

225. Абдулаев М.И. Права человека и закон (историко-теоретический анализ): дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. / Абдулаев Магомед Имранович. СПб., 1998. 343 с.

226. Абдуллин Р.С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 – январь 1998 гг.): дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Абдуллин Роберт Семенович. М., 2017. 546 с.

227. Абознова О.В. Суд в механизме реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15. / Абознова Оксана Владимировна. М., 2006. 205 с.

228. Акишин М.О. Судебная реформа Петра I: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Акишин Михаил Олегович. СПб., 2006. 231 с.

229. Алакпаров К.А. Становление отечественного суда и формирование принципов судопроизводства в 1917--1936 гг.: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. / Алакпаров Казим Алакпарович. М., 2005. 215 с.

230. Балакирева Л.М. Формирование Юстиц-коллегии (1718-1719 гг.): автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Балакирева Лидия Михайловна. М., 1999. 19 с.

231. Белякова А.В. «Проблемы защиты права на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации»: дис. канд. юрид. наук: 12.00.15 / Белякова Анна Владимировна. М., 2018. 178 с.

232. Бондаренко А.В. Судебная система РСФСР в условиях НЭПа: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. / Бондаренко Анастасия Васильевна. М., 2010. 156 с.

233. Бобровский О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. / Бобровский Олег Викторович. Тольяти, 2007. 161 с.

234. Борисова Е.А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в российском гражданском, арбитражном процессах: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.15 / Борисова Елена Александровна. М., 2005. 376 с.

235. Гаращенко А.Ю. Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаращенко Александр Юрьевич. Волгоград, 2006. 181 с.

236. Домрачев И.Г. Судебные преобразования в России XVIII -- XX вв.:

позитивные и негативные результаты: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Домрачев Иван Гарриевич. Нижний Новгород, 2008. 164 с.

237. Докшукин А.Х. Правовые основы организации и деятельности институтов судебного представительства и правозаступничества в истории отечественного государства и права и специфика их функционирования в области Войска Донского: XIV–начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Докшукин Аскер Хачимович. Краснодар, 2009. 182 с.

238. Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве: дис. канд. юрид. наук: 12.00.15 / Ерохина Татьяна Петровна. М., 2004. 208 с.

239. Жбырь О.Н. Категория «гармония права» и основные формы ее выражения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Жбырь Оксана Николаевна. Краснодар, 2011. 174 с.

240. Зарицкий А.В. Гарантии прав личности при реализации юридической ответственности (вопросы теории и практики): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. / Зарицкий Андрей Владимирович. М., 2002. 175 с.

241. Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства: 1800 1850-е гг.: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. / Кодан Сергей Владимирович. М., 2005. 324 с.

242. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен : дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. / Колоколов Никита Александрович. Нижний Новгород, 2006. 560 с.

243. Краснов Ю.К. Российская государственность: Генезис и эволюция институтов власти, проблемы модернизации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. / Краснов Юрий Константинович. М., 2003. 207 с.

244. Лебедев В.М. Проблемы становления и развития судебной власти в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02; 12.00.09 / Лебедев Вячеслав Михайлович. М., 2000. 365 с.

245. Лёзов И.Л. Советский суд в 1917 -- 1940 гг.: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Лёзов Игорь Леонидович М., 1998. 161 с.

246. Лукинский А.В. Становление и развитие института государственной защиты: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Лукинский Антон Владимирович. М., 2013. 185 с.

247. Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект): дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. / Мигунова Татьяна Леонидовна. Владимир, 2008. 630 с.

248. Мухаметшин Ф.Б. Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России: IX -- начало XX века: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. / Мухаметшин Фаим Баязитович. СПб., 2004. 360 с.

249. Нгуен М.Д. Народные суды в системе государственных органов Социалистической Республики Вьетнам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Нгуен Минь Дык. М., 2006. 210 с.

250. Немытина М.В. Суд в России, вторая половина XIX -- начало XX

вв.: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Немытина Марина Викторовна. М., 1999. 403 с.

251. Попова А.В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX -- начало XX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Попова Анна Владиславовна. М., 2014. 382 с.

252. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15 / Приходько Игорь Арсениевич. М., 2005. 408 с.

253. Пучков О.А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве: теоретические основы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Пучков Олег Александрович. М., 2003. 502 с.

254. Пушкар Е.Г. Право на обращение в суд за судебной защитой: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Пушкар Евгений Георгиевич. Львов, 1983. 334 с.

255. Рогачев Д.Н. Разумность как общеправовая категория: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Рогачев Дмитрий Николаевич. Нижний Новгород, 2010. 201 с.

256. Русанов А.В. Ответственность власти как нравственная и правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Русанов Александр Витальевич. Белгород, 2008. 155 с.

257. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Сальников Сергей Павлович. СПб., 2006. 378 с.

258. Смыкалин, А.С. Пенитенциарная система советской России 1917 – начала 60-х гг.: Историко-юридическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Смыкалин Александр Сергеевич. М., 2003. 325 с.

259. Судолова Л.А. Судебная система и проблемы разрешения экономических споров в эволюции государства и права России с IX по XX вв. (историко-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Судолова Лариса Анатольевна. СПб., 2008. 212 с.

260. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы современного правоведения: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Тарасов Николай Николаевич. Екатеринбург, 2002. 342 с.

261. Фетищев Д.В. Теоретико-методологические проблемы развития судебной власти в системе государства: историко-правовой аспект: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Фетищев, Дмитрий Владимирович. М., 2008. 452 с.

262. Холодова Е.И. Становление и развитие мировой юстиции России в IX -- начале XX вв.: историко-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Холодова Елена Ивановна. Белгород, 2009. 203 с.

263. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Цихоцкий Анатолий Викторович. Новосибирск, 1998. 612 с.

264. Чесноков А.А. Государственный механизм защиты прав личности

в СССР и Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чесноков Алексей Александрович. Саратов, 2006. 240 с.

265. Шипилов А.В. Революционная законность и становление советской юстиции (1917 -- 1922 гг.): дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Шипилов Александр Викторович. М., 2006. 217 с.

Иностранная литература

266. David M. Beatty, Constitutional Law in Theory and Practice 121 (1995) («Among comparativists, constitutional review in Japan is regarded as the most conservative and cautious in the world.»). Publisher: University of Toronto Press, 1995. 216 p.

267. David S. The Anatomy of a Conservative Court: Judicial Review in Japan (October 10, 2012). Public Law in East Asia (Albert H.Y. Chen & Tom Ginsburg eds., Ashgate 2013); Texas Law Review. Vol. 87. 2009.

268. Galiev M.S. Legal analysis of general territorial jurisdiction rules in Japan // Asian Journal of Scientific and Educational Research, “Seoul National University Press”, 2015. № 1(17). P. 503-508.

269. Galiev M.S. Jurisdiction rules in the period of ancient Kievan Russia // Yale Journal of Science and Education, “Yale University Press”, 2015, № 1(16). P. 373-381.

270. Galiev M.S. Defining the rules of jurisdiction of the counterclaim and its place in the legislation of the Russian civil proceedings // Proceedings of the IX International Academic Congress "Contemporary Science and Education in Americas, Africa and Eurasia" (Brazil, Rio de Janeiro, 18-20 August 2015). “UFRJ Press”. 2015. P. 549-554.

271. The New Encyclopedia Britannica: Micropaedia, Vol. 6. Vol. 6. L. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Интернет-ресурсы

272. Гражданский процессуальный кодекс КНР http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure [Дата обращения 18.06.2018]

273. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год (Москва, 17 февраля 2009 г.) // Российская газета № 4892/ http://www.rg.ru/2009/04/17/doklad-lukin-dok.html [Дата обращения 14.06.2018]

274. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // http://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/lite2-doclad_20.04.18.pdf [Дата обращения 25.12.2018]

275. Зорькин В.Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. № 5782. 16.05.2012 // http://www.rg.ru/ [Дата обращения 19.08.2018]

276. Зорькин В.Д. Доверие и право // Российская газета от 29.04.2013

№ 6069 // http://www.rg.ru [Дата обращения 27.07.2018]

277. Китайский информационный интернет-центр. URL: www.china.com.cn/russian/65618.htm.

278. Словарь русского языка С.И. Ожегова http://www.mosslov.ru/tolk/svoxstvo.html [Дата обращения 24.04.2018]

279. Уемов А.И., Вещи, свойства и отношения, М., 1963. http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Свойство/ [Дата обращения 24.04.2018]

280. Birth of the Constitution of Japan // URL: http://www.ndl.go.jp/ constitution/ e/index.html. [Дата обращения 07.01.2018].

281. Civil procedure code (No. 24/2004/QH11 of June 15, 2004) // http://www.wipo.int/wipolex [Дата обращения 07.01.2018].

282. Code of Civil Procedure Japan (民事訴訟法及び民事保全法の一部を改正する法律) от 26.06.1996. // http://www.wipo.int/wipolex/ [Дата обращения 20.07.2018].

283. Overview of the Judicial System in Japan http://www.courts.go.jp/english/judicial_sys/overview_of/overview/index.html#02 [Дата обращения 15.07.2018].

284. Statistical tables Civil and Criminal Litigation Cases Disposed of in the Supreme Court, High Courts, District Courts, and Summary Courts of Japan // http://www.courts.go.jp/english/ [Дата обращения 15.07.2018].

285. Washington U. School of Law Working Paper No. 09-06-02. Available at SSRN: http://ssrn.com/abstract=1406169[Дата обращения 20.07.2018].

Приложение 1

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

к проекту федерального закона
«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с соблюдением принципа права на защиту»

Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с соблюдением принципа защиты прав и свобод человека и гражданина» (далее -- законопроект) разработан в целях совершенствования законодательства Российской Федерации в области защиты прав и свобод человека и гражданина. Поскольку, нарушая содержательную часть правовой категории права на защиту, государство допускает фундаментальное нарушение права на защиту, искажая исход дела и в целом влияет на правосудие. Содержательная часть права на защиту как единичной правовой идеи сводиться к следующему: каждому гарантирует судебную защиту его прав и свобод, определение законного суда, т.е. непосредственно орган государства, который будет реализовывать право на защиту и соблюдать принцип защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина, право на обращение в суд.

Законопроект направлен на:

- создание правовых условий для обновления и развития новых и доступных условий, обеспечивающих защиту прав и свобод человека и гражданина в условиях формирования в Российской Федерации информационного общества и информационного государства;

- модернизацию процессуального законодательства, обеспечивающего защиту прав и свобод человека и гражданина, установление более полного

правового регулирования общественных отношений, основанных на приоритете и охране прав и свобод человека;

- обеспечение восстановления нарушенных прав и свобод, с учетом института защиты и обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина.

Проект разработан в рамках реализации Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы», Распоряжения Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»», Постановления Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 -- 2020 годы», с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, правоприменительная и судебная практика Верховного Суда Российской Федерации, а также на основании проведенного теоретико- и историко-правового исследования права на защиту как категории в теории права.

Нормативные правовые акты, которые направлены на подготовку страны к цифровой экономике и обществу, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан, определяют одну из приоритетных целей обеспечение право защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации.

Так, впервые на законодательном уровне закрепляется аксиологическая значимость права на защиту как правовой категории. Поскольку практическая значимость реализации правовой идеи права на защиту как категории права закрепляет и регламентирует идею защиты и охраны, гарантированных государством прав и свобод личности. Сохранение национальных ценностей правовых явлений в период решения новых стратегических задач, поставленных главой государства -- это прорывное развитие России, которое

приводит к необходимости изменения теоретико-правовой трактовки основных юридических категорий. Исходя из современного подхода к пониманию права на защиту, законодатель предусмотрел процессы его реализации и соблюдения государственными органами и другими субъектами права. Вместе с этим, уровень защищенности прав и свобод личности определяет социальный климат и степень стабильности в правовом государстве, а активным и возможно уязвимым участником эпохи цифровизации становится личность.

С учетом предложенных изменений, правовая идея защиты прав и свобод личности будет в полной мере отвечать требованиям международных актов и, безусловно, фундаментальность данной правовой идеи в теории права послужит выражению истинного знания о правовой сфере общественной жизни.

Принятие проекта федерального закона не потребует выделения дополнительных бюджетных ассигнований из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

ПРОЕКТ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с соблюдением принципа права на защиту»

Статья 1

Внести в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ следующие изменения:

2) пункт 2 части 1 статьи 23 исключить.

3) пункт 4 части 1 статьи 23 изложить в следующей редакции:

4) дела, возникающие из семейно-правовых отношений, за исключением дел об оспаривании отцовства (материнства), об установлении отцовства, об усыновлении (удочерении) ребенка, связанных с воспитанием детей и дел о признании брака недействительным.

4) часть 3 статьи 23 изложить в следующей редакции:

3. При объединении нескольких связанных между собой требований, изменении предмета иска, если новые требования становятся подсудными районному суду, а другие остаются подсудными мировому судье, требования подсудные районному суду должны быть переданы на рассмотрение соответственно в районный суд.

11) статью 30 дополнить следующей частью:

«Встречный иск, иск третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора независимо от их подсудности, предъявляются в суд по месту рассмотрения первоначального иска».

12) статью 31 исключить.

14) часть 1 статьи 33 исключить.

16) дополнить часть 4 статьи 330, следующим пунктом:

8) нарушение и несоблюдение права на защиту, в случае несоблюдения правил подсудности.

Статья 2

Внести в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ следующие изменения:

1) часть 1 статьи 39 исключить.

2) дополнить часть 4 статьи 270, следующим пунктом:

8) нарушение и несоблюдение права на защиту, в случае несоблюдения правил подсудности.

Статья 3

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ следующее изменение:

1) дополнить статью 389.15, следующим пунктом:

«7) нарушение права на защиту».

Статья 4

Внести в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 № 21-ФЗ следующее изменение:

1) *дополнить статью 310, следующим пунктом*:

«8) нарушение и несоблюдение права на защиту, в случае несоблюдения правил подсудности».

Статья 5

1. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент